

Россия в мемуарах

Василий Водовозов

«Жажду бури...».

Воспоминания, дневник. Том 1

«НЛО»

Водовозов В. В.

«Жажду бури...». Воспоминания, дневник. Том 1 /
В. В. Водовозов — «НЛО», — (Россия в мемуарах)

ISBN 978-5-44-482188-7

Воспоминания революционера и публициста Василия Васильевича Водовозова (1864–1933), охватывающие период с 1880-х и до конца 1917 года, публикуются впервые. Начиная с колоритных описаний тюремного и ссылочного быта, мемуарист повествует об истории своего участия в освободительном движении, сотрудничестве с газетами и журналами демократического направления, о деятельности в Трудовой фракции Государственной Думы, а также отношениях с политическими деятелями того времени. Среди знакомых В. В. Водовозова были Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. В. Тарле, священник Г. А. Гапон, А. В. Луначарский и А. Ф. Керенский. Особый интерес представляет критический портрет В. И. Ленина, с которым автор тесно общался в молодости. В качестве дополнения в книге представлен дневник 1919–1920 годов, описывающий драматический быт советского Петрограда: продовольственные карточки, дефицит дров, одежды и продуктов питания, обыски и репрессии. В послесловии прослеживается дальнейший жизненный путь Водовозова, закончившийся трагической смертью в эмиграции.

ISBN 978-5-44-482188-7

© Водовозов В. В.

© НЛО

Содержание

«ГАЗЕТНЫЙ ЧЕЛОВЕК», ИЛИ ЖИЗНЬ «РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕССИМИСТА»	5
ЧАСТЬ I. ВОСПОМИНАНИЯ О ВРЕМЕНИ КОНЦА 80-Х И НАЧАЛА 90-Х ГОДОВ	29
Глава I. Первый арест	29
Глава II. Тюрма	41
Глава III. Ссылка. Материальные и духовные условия жизни в ссылке. – Полицейские условия	62
Глава IV. Ссылка (продолжение). Состав политической ссылки в Шенкурске. – Внутренняя жизнь ссыльной колонии. – Знакомства с горожанами	78
Глава V. Самара (сентябрь 1891 г. – октябрь 1892 г.). Голод. – Ленин	99
Конец ознакомительного фрагмента.	103

В. В. Водовозов

«Жажду бури...».

Воспоминания, дневник. Том I

«ГАЗЕТНЫЙ ЧЕЛОВЕК», ИЛИ ЖИЗНЬ «РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕССИМИСТА»

Сухая полицейская заметка сообщала, что 7 октября 1933 г. под Прагой, около Збраслава, бросился под поезд какой-то старик. На следующий день выяснилось, что самоубийца – русский эмигрант, 69-летний Василий Васильевич Водовозов, известный как ведущий сотрудник многих дореволюционных газет и журналов демократического направления, автор бесчисленного количества статей и десятков книг и брошюр, неутомимый лексикограф и признанный специалист по конституционному праву, досконально знавший теорию и практику избирательных законов многих стран мира. Вспоминая покойного, редактор берлинской газеты «Руль» И. В. Гессен писал, что всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право было «исповеданием веры» покойного, и ему посчастливилось дожить до осуществления своего идеала в 1917 г., когда, при деятельном его участии, разрабатывалось положение о выборах в Учредительное собрание. Но идейное торжество обошлось, увы, слишком дорого: «сладчайшая мечта» об Учредительном собрании реализовалась в виде разогнанной большевиками и презираемой самими ее избранниками «учредилки», а затем, в тяжелых условиях эмиграции, Водовозов с горечью наблюдал «закат парламентаризма» в Европе: пропорциональная система выборов «превратилась в прочный трамплин для диктатуры, исповедание веры было безжалостно разбито, и так же безжалостно он разбил свою жизнь...»¹.

Водовозов родился 22 декабря 1864 г. в Петербурге в «литературной семье»². Его отец, Василий Иванович, сын разорившегося купца, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и преподавал русскую словесность сначала в Варшаве, с 1851 г. – в столичной 1-й гимназии и недолго, в 1860–1862 гг., в Смольном институте. Талантливый педагог, изучавший дело постановки школьного обучения за границей, поэт и переводчик произведений европейских писателей Нового времени (Д. Г. Байрона, П.-Ж. Беранже, Г. Гейне, И. В. Гете) и античных, греческих (Анакреона, Еврипида, Лукиана, Софокла) и римских (Горация, Катулла, Пиндара), классиков³, В. И. Водовозов тем не менее порицал «классическую», перегруженную древними языками, систему образования, за что в 1866 г. лишился службы и, удаленный новым министром народного просвещения графом Д. А. Толстым из казенных учебных заведений, посвятил себя исключительно литературной работе. Он был автором многих учебных пособий по истории России, древней и новой русской литературе⁴, составителем «Книги для первоначального чтения в народных школах» (СПб., 1871), которая выдержала 20

¹ Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 12. С. 180.

² Водовозов В. В. Автобиографическая заметка // ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1819. Л. 1–7.

³ См.: Водовозов В. И. Переводы в стихах и оригинальные стихотворения. СПб., 1888.

⁴ См.: Водовозов В. И. Рассказы из русской истории. СПб., 1861–1864; *Он же*. Новая русская литература. (От Жуковского до Гоголя включительно). СПб., 1866 (7 изданий); *Он же*. Книга для первоначального чтения в народных школах: В 2 ч. СПб., 1871–1878; *Он же*. Древняя русская литература от начала грамотности до Ломоносова. СПб., 1872; *Он же*. Очерки из русской истории XVIII века. СПб., 1882.

переизданий, а его избранные педагогические сочинения трижды выходили уже в советское время⁵.

Мать, Елизавета Николаевна, урожденная Цевловская, происходившая из мелкопоместной дворянской семьи, была воспитанницей Смольного института, когда инспектором классов там служил основоположник российской научной педагогики К. Д. Ушинский. Выйдя в 1862 г. замуж за своего преподавателя, который был старше почти на два десятка лет, она не только написала востребованную тогда книгу «Умственное развитие детей от первого появления сознания до восьмилетнего возраста» (СПб., 1871, 7 изданий), но и внесла заметный вклад в детскую литературу: ее трехтомник с иллюстрациями В. М. Васнецова «Жизнь европейских народов. Географические рассказы» (СПб., 1875–1883, 5 изданий), вышедший затем в 10 иллюстрированных выпусках, каждый из которых не раз переиздавался, под общим заголовком «Как люди на белом свете живут», и двухтомник «Из русской жизни и природы. Рассказы для детей» (СПб., 1871–1872, 8 изданий) были очень популярны, а ее мемуары не раз переиздавались⁶.

Хотя Василий Иванович и Елизавета Николаевна, у которых было трое сыновей (в 1863 г. родился Михаил, за ним – Василий, в 1870 г. – Николай) жили весьма небогато, по вторникам в их квартире устраивались литературно-музыкальные вечера, в которых, помимо знакомых педагогов и учащейся молодежи, с удовольствием принимали участие П. А. Гайдебуров, В. С. и Н. С. Курочкины, В. И. и М. И. Семевские, В. А. Слепцов, П. И. Якушкин и другие представители творческой интеллигенции. Позже многолюдные «вторники» сменились более интимными «воскресеньями», на которые собирались главным образом сотрудники журнала «Русское богатство», включая его идеолога Н. К. Михайловского. Таким образом, указывал В. В. Водовозов, «как бы сама судьба с раннего детства предопределила мне литературную дорогу»⁷, хотя в юности он мечтал вовсе не о журналистике, которой посвятил себя впоследствии, а о научной кафедре, что объяснял влиянием историка В. И. Семевского. Проживая с 1874 г. в соседней квартире, он, ученик В. И. Водовозова еще по гимназии, стал преданным другом и фактически членом его семьи, а когда в 1886 г. тот после тяжелой болезни скончался, – первым биографом покойного⁸ и вторым мужем столь рано овдовевшей Елизаветы Николаевны, заботливым отчимом двух ее сыновей – Василия и Николая (старший, 16-летний Михаил, умер от чахотки в 1879 г.). Семевский, писал Водовозов, «был первым моим учителем, и я остался связанным с ним узами теснейшей дружбы до самой его смерти в 1916 г.», а «его влияние заставило меня в ранней юности интересоваться всего более русской историей».

«Из общественных событий, под впечатлением которых я развивался, – сообщает Водовозов, – первым было восстание 1875 г. герцеговинцев и, потом, болгар против турок, оставившее на моей душе неизгладимый след и глубокий интерес к Балканскому полуострову. Мои симпатии были, конечно, на стороне славян, и я сделал бессмысленную попытку бежать из дому, чтобы стать в ряды инсургентов. Конечно, я был арестован уже на Варшавском вокзале и препровожден домой. Это был мой первый арест, произведенный полицией, когда мне было одиннадцать лет». В 1877 г. подросток был определен в гимназию при Императорском С.-Петербургском историко-филологическом институте, но в 1882 г. по желанию родителей переведен в 4-ю Ларинскую гимназию. Тогда же сильнейшее впечатление на него оказал роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», и именно его воздействие, пояснял Водовозов, «вместе с семейными влияниями, всего более определило мое юношеское политическое мировоззрение и сделало меня народником». С Чернышевским «несколько странным образом» сочеталось увле-

⁵ См.: Водовозов В. И. Избранные педагогические сочинения. М., 1953; 2-е изд. М., 1958; 3-е изд. М., 1986.

⁶ См.: Водовозова Е. Н. На заре жизни. СПб., 1911; Она же. На заре жизни и другие воспоминания. Т. 1–2. М.; Л., 1934; Она же. М., 1964; 1987, и др.

⁷ Водовозов В. В. Автобиографическая заметка.

⁸ См.: Семевский В. И. Василий Иванович Водовозов: биографический очерк. СПб., 1888.

чение «Историей цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля, внушившего гимназисту «величайшее уважение к естественно-историческому методу в исторических науках», а из мировых писателей наибольшее впечатление произвел Байрон с его «страстным протестом против политического гнета» и «титаническими героями», хотя впоследствии, признавался Водовозов, «в моих симпатиях его вытеснил Пушкин». Вторым сильнейшим впечатлением была Русско-турецкая война 1877–1878 гг., а следующим – покушение В. И. Засулич на столичного генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова за его приказ высечь политического заключенного, не снявшего перед ним шапку. Дело Засулич, которую оправдал суд присяжных, отозвавшееся громким эхом во всей России, отвлекло внимание юноши от вопросов международной жизни, а террористическая борьба народовольцев с правительством заставила «горячо относиться к политической борьбе за свободу»⁹.

По окончании в 1883 г. гимназии Водовозов, как описывал его сокурсник, «небольшой, чрезвычайно подвижный блондин с резкими движениями и с резкими суждениями, очень начитанный и очень самоуверенный»¹⁰, поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета и, едва начав занятия, 19 ноября был принят в студенческое Научно-литературное общество¹¹, по рекомендации, видимо, будущего историка-медиевиста И. М. Гревса, тоже выпускника Ларинской гимназии. Первую скрипку в обществе, созданном в январе 1882 г. под председательством профессора русской литературы О. Ф. Миллера, играли братья С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги и князь Д. И. Шаховской, вокруг которых образовался кружок «горячих идеалистов», мечтавших о «просвещенном демократическом либерализме» и «свободе для всех». В обстановке гнетущей реакции, последовавшей за царевубийством 1 марта 1881 г., когда «скептицизм или равнодушие, апатия или придавленность захватывали широкие круги молодежи», члены кружка, считая, вслед за Л. Н. Толстым, что «так жить нельзя», желали «поступать нравственно», «трудиться не для себя, а для мира» и, посвятив себя служению народному просвещению, науке и общественному прогрессу, вести свою работу «не разрушительным натиском, а положительным строительством»¹².

Вспоминая через три с половиной десятилетия «маленькую, задорную, пылкую фигурку» Водовозова, который принес в университет свои «остро пробудившиеся умственные интересы и знания», Гревс замечал: «Он довольно быстро сблизился с нашим кружком и стал общим другом. С ним вместе много было пережито в юности и позже; потом открылись и разногласия, но мысль о нем и его образ вызывают нежное чувство и теперь, когда редко видимся и жизнь наложила на душу каждого тяжелые борозды». Но уже тогда Водовозов проявил себя «буйным идейным радикалом», ополчившись против сочувственного изложения одним из студентов изданной в 1884 г. книги Л. Гелленбаха «Индивидуализм в свете биологии и современной философии» с предисловием В. С. Соловьева. «Юный В. В. Водовозов, – свидетельствовал Гревс, – возмущенный “проповедью метафизики”, разразился хлесткой отповедью, которая, помню как сегодня, начиналась развязными словами: “В доброе старое время, когда еще верили в Бога...” Такой тон носила вся аргументация, не лишенная местами остроумия и едкости». Хотя собрание решительно осудило новичка за столь «легкомысленное» выступление, общественное неодобрение не вызвало в нем самолюбивой обиды: «...он сам понял нетактичность и несолидность своего поступка, признал себя совершившим ошибку и сумел отрешиться от поверхностного, бойкого фельетонного способа развития идеи». Другой раз Водовозов выступил «не совсем кстати, будто бы во всеоружии самоуверенной учености, с целью сокрушить Д. С. Мережковского», который, принятый в Научно-литературное общество

⁹ Водовозов В. В. Автобиографическая заметка.

¹⁰ Поссе В. А. Пережитое и продуманное. Л., 1933. Т. 1. С. 95.

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 82. 3 д-во. 1886. Д. 647. Л. 14 об.

¹² Гревс И. В годы юности. За культуру: Из университетских лет: Очерк первый // Былое. 1918. № 12. С. 82, 46, 63.

18 октября, прочитал на одном из его собраний свое новое стихотворение «Сакья-Муни», а ершистый оппонент «отыскал в нем искажение буддизма и готовился обрушиться на поэта с беспощадной ученой критикой». Но Мережковский «обезоружил эрудита, сейчас же кротко признав, что он, быть может, действительно отвлекся фантазией от истины», и «приготовленный заряд пропал даром»: противники расстались друзьями. Но, как подчеркивал Гревс, «сблизившись с серьезным зерном общества, Водовозов сам погрузился в сосредоточенную научную работу, стал нам дорогим и ценным сочленом, о сотрудничестве которого душевно приятно вспоминать»¹³.

В 1885 г. в связи с введением нового университетского устава, «совершенно исказившего характер историко-филологического факультета», так как он делал упор на освоение классических языков и греко-римской литературы в ущерб изучению отечественной и новейшей истории, Водовозов перешел на юридический факультет¹⁴. В это же время среди членов Научно-литературного общества образовался «Спенсеровский кружок» (главными его основателями были геолог К. К. Фохт и юрист М. И. Свешников) для изучения вопросов психологии и особенно социологии, превратившийся затем, как определял Гревс, «в маленькую политическую группу, которую по окраске можно было сблизить с типом радикалов-парламентаристов», но «отдавалась в нем известная дань и социализму; некоторые прямо разделяли его учение». В кружке участвовали и будущий академик В. И. Вернадский («больше всех нас тогда интересовавшийся политикой»), и знаменитый впоследствии адвокат А. С. Зарудный («очень ратовавший вообще за расширение элемента политической борьбы в нашей компании»), и рано умерший талантливый педагог Ф. Ф. Ольденбург, и, конечно, темпераментный Водовозов. На заседании Научно-литературного общества 19 февраля 1886 г., посвященном 25-летию отмены крепостного права, на котором профессор О. Ф. Миллер процитировал строки А. С. Пушкина «Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный и рабство, падшее по манию царя...», именно Водовозов сделал доклад, «сдержанный, содержательный», о ходе законодательных работ по освобождению крестьянства. Свою речь он закончил мыслью, что «в такой день должно не столько критиковать недоделанное, сколько оценивать значение осуществленного блага в прошлом, чтобы опираться на нем среди мрачного настоящего для подготовки лучшего будущего», и для столь «пылкого радикала», замечал Гревс, в этом тезисе «открывалось много сознательного чувства меры»; в заключение докладчик зачитал манифест от 19 февраля 1861 г., выслушанный присутствующими стоя¹⁵.

С осени 1886 г. Водовозов занимался нелегальным изданием в литографированном виде религиозно-философских трактатов Л. Н. Толстого и книг о социализме и истории революционного движения в России, а в феврале 1887 г. был арестован по доносу и после следствия в январе 1888 г. сослан в Архангельскую губернию, в Шенкурск, на 5 лет. В переписке О. Ф. Миллер, которого Водовозов называет своим «учителем, другом и товарищем», старался приободрить юношу: «работайте и не хандрите»¹⁶, а мать с В. И. Семевским навестила сына в Шенкурске, куда к нему приезжал и С. Ф. Ольденбург. «В ссылке, — писал Водовозов, — впервые я изучил сочинения Карла Маркса, которые оставили глубочайший след на всем моем мировоззрении. Я не сделался ортодоксальным марксистом, но и перестал быть безусловным последователем Чернышевского, каким был раньше. Всего ближе, пожалуй, мне было учение русского истолкователя марксизма Николая — она [Н. Ф. Даниельсона], но и с ним я был не

¹³ Гревс И. В годы юности. За культуру. С. 82–83.

¹⁴ Водовозов В. В. Автобиографическая заметка.

¹⁵ Гревс И. В годы юности. (За культуру). Отрывок второй // Былое. 1921. № 16. С. 159, 164.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2319. Л. 1–5. В архиве В. В. Водовозова сохранились письма О. Ф. Миллера от 19 июля 1887 г. (с подписью «Ваш старый и верный друг»), 22 мая 1888 г. (с его стихотворением «Привык я к жизни боевой...») и 1 января 1889 г.

вполне согласен. Во всяком случае, в области теоретической я с тех пор считал себя критическим марксистом»¹⁷.

Благодаря хлопотам матери, которая, обивая пороги высоких кабинетов, умела настоять на своем («особенно боялся ее натиска министр народного просвещения Делянов, да и Дурново в должности директора департамента полиции ей в конце концов уступал»¹⁸), Водовозов получил разрешение на временное пребывание в Петербурге с мая по сентябрь 1890 г., а затем срок продлили еще на два месяца, для сдачи экзаменов на степень кандидата прав. В столице Водовозов познакомился с Ольгой Ульяновой, которая писала о нем старшей сестре: «он – очень умный человек, любит говорить и говорит интересно»¹⁹. Еще до ареста Водовозов пару раз встречался и с Анной Ульяновой, вышедшей замуж за М. Т. Елизарова, вместе с которым Водовозов учился в университете, а через Ольгу познакомился и с ее старшим братом Владимиром, исключенным из Казанского университета и приехавшим в Петербург, чтобы выяснить порядок сдачи экстерном государственных экзаменов, – и даже провел его на один из них. В январе 1891 г. кандидат прав Водовозов вернулся в Шенкурск, где 15 февраля вступил в брак с освобожденной еще в июле из ссылки 25-летней Верой Петровной Шейдаковой. Дочь бросившего жену и детей саратовского купца 2-й гильдии, слушательница Высших женских курсов в Москве и участница народнических кружков, она провела 14 месяцев в Саратовском тюремном замке и, сосланная в июле 1887 г. в Архангельскую губернию на 3 года, этапом была отправлена в Холмогоры, а оттуда, в марте 1888 г., – в Шенкурск; в июне стрелялась из-за несчастной любви, но через два с половиной года, сблизившись с товарищем по ссылке, вышла за него замуж.

В июле 1891 г. Водовозов получил разрешение отбыть оставшийся срок в Самаре, куда приехал с женой 26 августа, и первое время, до весны, часто посещал жившую в городе семью Ульяновых, хотя «приходил больше к старшей сестре – они читали вместе по-итальянски»²⁰. Но в связи с постигшим Россию неурожаем Водовозов активно включился в деятельность самарских благотворительных организаций, которые привлекли местную интеллигенцию к размещению пришлых, бежавших из деревень в город в надежде найти пропитание крестьян, устройству для них столовых и чайных, организации общественных работ, формированию санитарных отрядов, – а В. И. Ульянов был категорически против какого-либо сотрудничества поднадзорных с властями, считая, что «с таким собранием губернаторских чиновников есть один способ разговора: рукой за горло и коленкой на грудь», и доказывал «ничтожность всей подобной помощи голодающим при существующем строе»²¹. Несмотря на разногласия, когда 29 сентября 1892 г. Водовозов с женой уезжал из Самары, простились тепло, а 24 ноября Ульянов обратился к нему с обширным посланием: речь снова шла о голодающих, которым земский участковый начальник С. А. Аксаков выдал хлеб «качества совершенно невозможного, гнилой, с червями», и, хотя «начато было следствие», говорят, что «дело это замяли». Намекаясь все «разузнать», Ульянов описывал, как в Самарском уезде, пригрозив «ослушникам» арестом, не допустили перевыборы местного крестьянина в земское собрание, и подытоживал: «Новое земство, по всей видимости, будет жалкой комедией с действительным хозяйничаньем земских начальников и с неуклюжей внешностью самоуправления». Ленинское письмо, которое Водовозов сохранил в своем архиве²², впервые опубликовали только в 1966 г.²³, не вклю-

¹⁷ Водовозов В. В. Автобиографическая заметка.

¹⁸ Кареев Н. Е. Н. Семевская // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 181.

¹⁹ Ленин – Крупская – Ульяновы. Переписка (1883–1900). М., 1981. С. 41.

²⁰ Ульянова М. И. Из самарского (алакаевского) периода (1889–1893 годы) // В. И. Ленин в Самаре: сб. воспоминаний. Куйбышев, 1980. С. 18–19.

²¹ Беляков А. А. Юность вождя // Там же. С. 172.

²² ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2587. Л. 3–4.

²³ См.: Новый документ В. И. Ленина // Вопросы истории КПСС. 1966. № 3. С. 3–5.

чив в 55-томное «полное» собрание сочинений, в десяти томах которого приведено громадное эпистолярное наследие лидера большевизма начиная... с 1893 г.!

Тем не менее в своих мемуарах члены существовавшего тогда в Самаре «ленинского» кружка демонстративно уничижительно отзывались о «будущем белогвардейском эмигранте»²⁴, и, например, Д. И. Ульянов, тогда – гимназист, впоследствии напишет: «Владимир Ильич недолюбливал его. У этого Водовозова была большая библиотека, так что вся его комната до отказа была заставлена книжными шкапами, все книги были чистенькие, в новых переплетах. Он очень дорожил своей библиотекой, и казалось, что книги любил больше, чем живых людей. По своей начитанности он, вероятно, был первым в городе, но эта начитанность, очевидно, так давила на его мозг, что сам он не представлял из себя ничего оригинального. Он не был ни марксистом, ни народником, а так, какой-то ходячей энциклопедией»²⁵.

С 1891 г. Водовозов сотрудничал в московском журнале «Юридический вестник» и посылал корреспонденции в столичный еженедельник «Неделя», в котором еще до ареста, с декабря 1886 г., вел рубрику «Политические известия». После возвращения в Петербург литературная работа, которой в ссылке удавалось заниматься только урывками, стала главным делом его жизни: он много печатался в журнале «Мир Божий», писал статьи для Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в качестве корреспондента газеты «Русская жизнь» побывал в 1893 г. в Германии, а в 1894–1895 гг. – в Болгарии, дипломатические отношения которой с Россией были уже почти десять лет как разорваны. Именно благодаря очеркам «Стефан Стамбулов» в журнале «Русское богатство» (1895. № 4) и «По Болгарии. Из воспоминаний о поездке 1894 г.» в «Вестнике Европы» (1895. Т. 5. Кн. 9/10) Водовозов стал известен широкому кругу читателей. В декабре 1895 г. Водовозов с женой обосновался в Киеве, а в июне 1896 г. ему позволили недельное пребывание в Петербурге в связи с кончиной младшего брата, умершего 25 мая, тоже от чахотки, в Вене. Автор биографического очерка о Мальтусе (СПб., 1895) и посмертно изданного сборника «Экономические этюды» (М., 1896), Н. В. Водовозов женился на дочери совладельца торгового дома и судоходного общества «Добровольный флот», основав с ней издательство, в котором в 1899 г. под псевдонимом В. Ильин вышли первые ленинские труды – «Экономические этюды и статьи», «Развитие капитализма в России».

В феврале 1897 г. Водовозов в качестве корреспондента газеты «Русь» отправился в Австрию, где проходили парламентские выборы, но, арестованный, был выслан из страны. В том же году он написал свою первую книгу – «Материалы для характеристики положения русской печати», которую без указания имени автора издал «Союз русских социал-демократов» в Женеве. В мае Водовозов опять уехал в Германию и провел там почти полгода, а вернувшись в Россию, вместе с Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым (женившимся на сестре издательницы М. И. Водовозовой), А. В. Луначарским, М. Б. Ратнером и Е. В. Тарле принял участие в деятельности Киевского литературно-артистического общества, на собраниях которого выступал с рефератами или в качестве оппонента. Но, так как получить официальное разрешение для чтения публичной лекции было сложно, чаще приходилось выступать нелегально в частных квартирах, и 29 апреля 1900 г. Водовозов с женой был арестован на реферате Луначарского о Г. Ибсене. Предполагалось, что Водовозов и Тарле будут оппонировать докладчику, но вместо этого оба оказались в одной тюремной камере.

В ноябре 1900 г. Водовозов в очередной раз уезжает в длительную заграничную поездку по Европе, из которой возвращается только в мае 1901 г. «Живя в Киеве, – писал он, – я имел близкие отношения с обеими политическими партиями того времени, социал-демократической и социал-революционной, не вступая активно ни в ту, ни в другую. По общей программе

²⁴ Семенов (Блан) М. И. Самара и подпольные кружки ленинского периода // В. И. Ленин в Самаре. С. 87.

²⁵ Ульянов Д. И. Из самарского периода (1889–1893 годы): В Алакаевке // Там же. С. 25–26.

мне были ближе социал-демократы, но их сектантский дух и кружковщина отталкивали меня от них, и я по большей части играл роль своего рода маклера между двумя партиями, стремясь к их сближению между собой и к общим действиям»²⁶. В возможность близкой победы социализма Водовозов уже решительно не верил и, наблюдая «линяние» европейской социал-демократии, отход ее от марксистской революционной ортодоксии и стремление приспособиться к буржуазному миру, сгладить противоречия, взять курс на «бесконечное» движение в сторону постепенного реформирования общественного строя, предрекал неизбежность победы социал-ревизионизма. Он указывал, что исходной точкой его мировоззрения, сильно окрашенного в пессимистические цвета, было разочарование в социализме, убеждение, что это не научное учение, а, по сути, религиозное.

Лето и начало осени 1903 г. Водовозов снова провел в Германии: наблюдал очередные выборы в рейхстаг и прусский ландтаг, посещал заседания съезда немецких социал-демократов в Дрездене (в 1898 г. он уже присутствовал на их форуме в Штутгарте), а затем участвовал в совещании, на которое съехались русские «конституционалисты» – сторонники редактируемого П. Б. Струве журнала «Освобождение». Вернувшись в Киев, «революционный пессимист», как называл его Струве, организовал вместе с Булгаковым и Бердяевым местное отделение либерального Союза освобождения, который, как предполагалось, объединит все оппозиционные правительству элементы, мечтающие о введении конституции. С ноября Водовозов вел иностранный отдел в ежедневной газете «Киевские отклики», а с марта 1904 г. вошел в ее редакционный комитет, но одновременно вел иностранную хронику в одесском еженедельнике «Южные записки» и по-прежнему много писал для Энциклопедического словаря, в котором ему принадлежит свыше тысячи статей. В ноябре он был приглашен заведовать иностранным отделом ежедневной петербургской газеты «Наша жизнь» и, являясь, как признавался, «по своему характеру всего более газетным человеком», с удовольствием принял это предложение, тем более что большинство членов редакции входило в Союз освобождения. Но уже 5 февраля 1905 г. «Нашу жизнь» запретили на три месяца, и свой вынужденный отпуск Водовозов использовал для написания брошюр по избирательному праву. Еще раньше вместе с другими юристами, членами Союза освобождения, он взялся за разработку проекта будущей российской конституции, для обсуждения которого не раз ездил в Москву, останавливаясь у своего университетского друга В. И. Вернадского.

В черед митингов и собраний, разрешенных после «высочайшего» манифеста 17 октября, Водовозов – постоянный оратор и лектор по вопросам текущей политики, государственного и прежде всего избирательного права. Но когда большая часть Союза освобождения перешла в Конституционно-демократическую партию, Водовозов отказался в нее вступить, что объяснял несогласием не столько с ее программой, сколько с тактикой, а к эсерам и эсдекам не присоединился как из-за неприятия террора первых и узкого догматизма вторых, так и в связи с проводимой ими кампанией бойкота выборов в Государственную думу. В новых условиях газета «Наша жизнь» фактически стала внепартийным органом тех элементов, которые, заняв позицию «левее кадетов», но правее эсдеков и эсеров, группировались в политическом еженедельнике «Без заглавия», который издавала Е. Д. Кускова, объединяя таких же, как Водовозов, «диких» социалистов или «критических» марксистов. Вместе с тем, как вспоминал С. С. Ольденбург, оказавшийся после большевистского переворота в эмиграции (в отличие от своего отца, непрямого секретаря Академии наук СССР), но признававшийся, что «с ранних лет считал себя в известной мере учеником Василия Васильевича в деле изучения сложной ткани политической жизни современной Европы», Водовозов «обладал одним свойством, крайне редким в людях с живым политическим интересом: он умел видеть явления современной жизни вне зависимости от своих симпатий и антипатий». Водовозов «умел беспристрастно

²⁶ Водовозов В. В. Автобиографическая заметка.

и добросовестно вглядываться в самые для него чуждые и идейно ему враждебные течения», мог «от себя» охарактеризовать ту или иную партию, того или иного человека весьма нелестным выражением, но в то же время «с полной точностью излагал их взгляды, не приписывая им того, что им несвойственно», т. е. «при зачастую ярлом полемическом тоне в спорах Василий Васильевич отличался редким отсутствием злобности и предвзятости»²⁷.

Впрочем, филиппики, которые Водовозов со свойственной ему прямоотой и горячностью обрушивал против кадетов, вызывали искреннее недоумение у еще вчера близких ему людей. Уважая большую часть выдающихся деятелей Конституционно-демократической партии, в рядах которой были многие его друзья (В. И. Вернадский, И. М. Гревс, А. А. Кауфман, С. Ф. Ольденбург, Д. И. Шаховской и др.), безусловно веря в их личную честность, Водовозов считал, что под знамена кадетов собрались «люди умеренные по темпераменту, умеренные по своим убеждениям», «не идущие впереди событий, а увлекаемые ими», и отрицание социализма и республики привлечет в их партию «элементы, являющиеся не только демократами и революционерами в весьма малой степени», но и откровенно «враждебные интересам трудящихся масс». Невинные слова предвыборного воззвания Василеостровского районного комитета партии: «То, чего добивались наши отцы и мы, о чем мечтали наши деды, стало, наконец, нашим правом: мы – граждане русской страны, призванные чрез своих представителей управлять нашей родиной» – Водовозов заклеил «позорными», поясняя, что мечтали вовсе не об ущербной думе, «избираемой в отдельных стойлах четырехступенным образом», а о «парламенте, основанном на всеобщем голосовании». Но, порицая кадетов, «тянувшихся в хвосте общественного движения», Водовозов делал оговорку, что все же пока они играют «положительную роль, закрепляя завоевания революции», и вступать с ними в активную борьбу «значит тратить даром силы, которые нужно направлять против деспотизма»²⁸.

С. Ф. Ольденбург, которого статья Водовозова «глубоко огорчила», пенял ему 20 января: «У нас так принято с легкой совестью говорить оскорбительные вещи, что на них и внимания не обращают. Но ты не такой и тем не менее, не подумав и не взвесив хорошенько, нашел возможным кинуть слово “позорный” по отношению к документу, за которым не мог не видеть, среди других имен, имя человека, которого ты знаешь более 20 лет и о котором, думаю, ты ничего нечестного и позорного не знаешь». Упрекая автора в «непростительном легкомыслии», показывая, что Водовозов остается «в значительной мере теоретиком и кабинетным человеком», Ольденбург признавал, что между социалистами и кадетами – «конечно, пропасть», но первые ставят заведомо недостижимые цели, а вторые – «только то, что они берутся осуществить, не обманывая никого несбыточными обещаниями», поскольку «не на потоках крови, разоренных фабриках и сожженных усадьбах построится новая Россия, – это только тормозы, как и московское восстание». Ольденбург считал, что Водовозов «как честный журналист обязан взять слово “позорный” назад», но заканчивал свое письмо: «Искренно уважающий тебя и любящий»²⁹.

Столь же примирительно укорял «старого друга» и Кауфман: «Зачем и вы, и вам подобные тратите столько времени и места на полемику с конституционными демократами? И зачем я, и мне подобные будем тратить столько времени и сил на полемику с людьми вашего типа?.. Я понимаю, если с нами ведут ожесточенную войну с[оциал]-д[емократы] (русские с.-д.!) или крайние с[оциалисты]-р[еволюционеры]; я понимаю, что и нам, сторонникам конституционных способов борьбы и эволюционных путей экономического развития, приходится бороться с ними, потому что с ними наше разногласие – разногласие не в программе, не в конечном идеале, а в тактике – коренное и непримиримое: они считают вредной и гибельной нашу “игру

²⁷ Ольденбург С. С. Памяти В. В. Водовозова // Россия и славянство. 1933. № 226. 1 нояб.

²⁸ Водовозов В. Конституционно-демократическая партия и трудящиеся массы // Народное хозяйство. 1906. № 29. 19 янв.

²⁹ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2546. Л. 1–3.

в парламент” и наше, по их мнению, постепенчество; – *мы* считаем гибельными и вредными непрерывную революцию и проведение в жизнь “захватного права”. Но *нам с вами*, право, ни к чему съедать друг друга. <...> *Пока* мы боремся в политической области за то же, что и вы: за свободу личности и свободные политические формы; в экономической – почти за все, что стоит и в вашей практической программе. А если мы теперь определенно написали в своей программе конституционную монархию, если мы не требуем учредительного собрания, – так разве это так важно?!»³⁰

Возражая против утверждения Водовозова, что в ходе избирательной кампании в Думу кадеты «тщательно остерегались марать себя союзами налево и в то же время охотно делали книксены направо»³¹, эмоциональный Гревс обратился к нему 2 апреля с «открытым письмом», не попавшим, впрочем, в печать, под заголовком «Умейте быть справедливым!». С горечью упрекая Водовозова за его сомнения в чистоте демократических намерений прежних соратников, Гревс призывал Водовозова не сражаться с «ветряными мельницами» и «придуманнами врагами», а, присоединившись к конституционным демократам, укрепить левый фланг их партии: «...Идите лучше к нам со своими большими знаниями, испытанной преданностью свободе и народному праву, со своею неукротимой энергией и самоотверженным сердцем. Лучше поздно, чем никогда! Тогда Вы останетесь критиком, но приобретете беспристрастие»³².

С другой стороны, Ульянов-Ленин, который на апрельском IV (Объединительном) съезде РСДРП снисходительно характеризовал Водовозова «добрым болтуном», желающим «стоять левее кадетов»³³, уже летом не без удовлетворения отмечал, что этот «полу-кадет, полу-меньшевик», ратовавший за поддержку на выборах конституционных демократов, ныне прозрел, заявляя, что весь характер их партии определяет «коренное противоречие между радикальной программой и совсем нерадикальной тактикой»³⁴.

Не без влияния народнических идей, воспринятых от родителей-шестидесятников и их ближайшего окружения, Водовозов начинает тесно сотрудничать с преимущественно крестьянской по составу Трудовой группой, насчитывавшей в первой Государственной думе более сотни депутатов, т. е. почти четверть ее состава. Трудовики нередко приглашали его для докладов по разным вопросам парламентской жизни, и понемногу он «втянулся в работу Трудовой группы и скоро стал активным ее членом»³⁵. Не допущенный к выборам в депутаты и затем вовсе лишенный избирательных прав, Водовозов как член юридической комиссии Трудовой группы получил на ее заседаниях право решающего голоса, а в июле после роспуска Думы вместе с ее депутатами отправился в Выборг, где по поручению трудовиков составил проект революционного воззвания к народу, но большинство проголосовало за текст, предложенный каде́тами. В октябре на 1-м съезде Трудовой группы Водовозов был избран членом ее центрального комитета и оставался в нем вплоть до лета 1917 г., когда произошло объединение трудовиков с народными социалистами.

С 12 января 1906 г. Водовозов – официальный редактор газеты «Народное хозяйство», вышедшей вместо приостановленной «Нашей жизни», а после возобновления ее выпуска 22 января занимает в ней ту же должность, одновременно заведая иностранным отделом и являясь обозревателем по вопросам избирательного права. «По каждому вопросу в его архиве было собрание газетных вырезок и других материалов, – вспоминал член редакции М. И. Ганфман, –

³⁰ Кауфман А. Борьба или выяснение отношений. (По поводу статьи В. В. Водовозова) // Наша жизнь. 1906. № 355. 29 янв.

³¹ Водовозов В. Поражение правительства // Там же. № 406. 29 марта.

³² ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2134. Л. 1–7.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 12. С. 382.

³⁴ Водовозов В. В. Партия мирного обновления // Товарищ. 1906. № 32. 11 авг.

³⁵ Водовозов В. В. Автобиографическая заметка.

и помощники Василия Васильевича нередко стонали от той требовательности, которую он предъявлял к ним, как к себе самому». Припоминая их столкновение по поводу одной из «опасных» статей, в которой Водовозов бесстрашно прокламировал введение республиканской формы правления, Ганфман отмечал, что тщетно члены редколлегии, которых отнюдь нельзя было упрекнуть в монархизме, доказывали автору «неактуальность» столь рискованной темы: «В[асилий] В[асильевич] стоял на своем и заявил своим отчетливым чеканным тоном: “В этом случае я первый раз в своей практике ссылаюсь на мои права ответственного редактора. Я беру на себя не только политическую и моральную ответственность, но и уголовную”»³⁶.

Рассмотрев 17 августа 1906 г. «литературные преступления» Водовозова, Особое присутствие С.-Петербургской судебной палаты оправдало его по пяти из них, но за две газетные статьи приговорило соответственно к 6 и 3 месяцам тюремного заключения, а за очередной выпуск «Сборника программ политических партий в России», изданный под видом журнала «Вестник свободы», – к заключению в крепости сроком на один год с воспрещением «принимать на себя в течение пяти лет звание редактора или издателя какого бы то ни было поврежденного издания»³⁷. Водовозов подал кассационную жалобу в Правительствующий сенат, но вслед за одними обвинениями следовали другие! «Едва приговор, – указывал Водовозов, – вступал в законную силу и я уже отбирал вещи для переселения в казенную квартиру, как ко мне являлся дворник с повесткой с вызовом к следователю для допроса по новому делу. Это не было новым, по времени совершения, преступлением, – в таком случае оно не послужило бы поводом для отсрочки наказания; напротив, все мои преступления были совершены в 1905–6 г., но разбирались они вплоть до 1912 г. В этом отношении мне повезло совершенно исключительным образом»³⁸.

В ходе избирательной кампании во 2-ю Государственную думу Водовозов призывал оппозицию, от кадетов до социал-демократов, к заключению предвыборного соглашения, считая, что задача трудовиков – «главным образом объединительная» и они добровольно взяли на себя роль «свата»³⁹. Тем не менее на предвыборном собрании 22 января 1907 г. в Тенишевском училище Водовозов пенял кадетам, что они «ведут уже какие-то таинственные переговоры с правительством», а их лидер П. Н. Милюков был принят П. А. Столыпиным. «Я не порицаю самого факта хождения к Столыпину, – замечал Водовозов, – но плохо то, что кадеты все это делают в тиши, за спиной избирателей, и что г. Милюков хранит в глубокой тайне результаты своего визита». Говорят, заявил Водовозов, что между правительством и Милюковым уже имеется «какая-то сделка», после чего, как сообщала кадетская газета «Речь», в зале «поднимается неистовый шум и звучат крики: “Довольно!” Председатель просит публику успокоиться, и оратор продолжает: “Кадеты боятся народа, они избегают поэтому всяких призывов к самостоятельности народной”. Снова протесты и крики: “Довольно, долой!”»⁴⁰ Милюкову пришлось сознаться, что он действительно посетил Столыпина «по вопросу о легализации партии», хотя из разговора выяснилось, что условием для этого «ставятся некоторые шаги, не вытекающие из нормального порядка ведения дела о регистрации и для партии неприемлемые»⁴¹. Впрочем, признание Милюкова не удовлетворило Водовозова, который, ратуя за формирование «левого блока», в своих речах и статьях по-прежнему страстно «громил кадетов, кадетскую тактику, кадетскую программу»⁴².

³⁶ Ганфман М. Встречи с В. В. Водовозовым // Сегодня. 1933. № 280. 10 окт.

³⁷ См.: Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях <...>. СПб., 1906. С. 14–26, 53–57.

³⁸ Водовозов В. В. Автобиографическая заметка.

³⁹ Предвыборные собрания // Речь. 1907. № 7. 9 янв.

⁴⁰ Предвыборные собрания // Там же. № 19. 24 янв.

⁴¹ Милюков П. А. Мое «соглашение» с П. А. Столыпиным. (Ответ «Слову» и В. В. Водовозову) // Там же.

⁴² См.: Предвыборные собрания // Там же. № 24, 25, 30, 31 янв.

В Думе трудовики опять заняли второе, после кадетов, место по количеству депутатов, но деятельность ее продолжалась всего чуть более трех месяцев, с 20 февраля по 3 июня 1907 г. «Речь» пренебрежительно характеризовала Трудовую группу «фатальным пустым местом» и «вывеской при своей собственной парламентской фракции», «крепкой только задним умом», которая, занимаясь демагогией и рекламируя себя, кормит «неисполнимыми обещаниями» крестьян⁴³. Водовозов, по мнению кадетов, являлся одним из лидеров Трудовой группы, которые, претендуя «руководить этим несчастным, бородатым, тяжелым на подъем крестьянским миром», сознательно, для «туманного будущего», жертвуют настоящим «огромного класса русского населения», рекомендуя «размахивать картонным мечом в надежде, что кто-нибудь примет его за настоящий»⁴⁴. Водовозов не мог удержаться от ответа и, отвергая совет преобразовать Трудовую группу в крестьянскую партию, утверждал, что «исторический момент требует совместных действий крестьянства, рабочего класса, интеллигенции, городской ремесленной буржуазии, – объединения, а не разъединения». Если кадеты, запальчиво доказывал он, выступают за реформирование государства «путем сделок, соглашений, уступок и полу-уступок направо и налево (главным образом направо)» и считают, что нужно пользоваться правом голоса в Думе не для выставления своих требований, а с целью «охранять» его, совершенно похоронив себя как «партию оппозиции», то трудовики, напротив, убеждены, что «путешествия в министерские прихожие в прямом и переносном смысле являются приемами борьбы совершенно дискредитированными», а разрешение земельного и других наболевших вопросов, помимо думской работы, возможно только за счет поддержки и организации широких слоев народных масс. «Могу уверить “Речь”, – подчеркивал Водовозов, – что я никогда не брал на себя задачи быть лидером или руководителем крестьянства или хотя бы крестьянских депутатов; я выступал в думской Трудовой группе почти исключительно тогда, когда меня просили высказаться по какому-нибудь вопросу в пределах моих специальных знаний; меня скорее можно назвать юрисконсультom Трудовой группы, чем ее лидером»⁴⁵.

После запрещения «Нашей газеты» в августе 1906 г. Водовозов заведовал иностранным отделом и состоял членом редакций заменивших ее газет – «Товарищ» (август 1906 г. – декабрь 1907 г.), «Столичная почта» (октябрь 1906 г. – март 1908 г.), «Наш век» (январь 1908 г.), «Наша газета» (март 1908 г., январь – апрель 1909 г.), «Правда жизни» (декабрь 1908 г. – апрель 1909 г.), участвуя и в других периодических изданиях. Кускова, с которой Водовозов был связан многолетним товариществом – не только по работе в демократической прессе, но и политическими пристрастиями, считала, что настоящим его призванием являлись «познание и претворение точных научных данных в популярную газетную, журнальную статью или брошюру, доступную массовому читателю». Водовозов «был ценнейшим сотрудником всякого литературного предприятия именно потому, что его энциклопедизм всегда сочетался с добросовестностью, почти скрупулезным отношением к объективной постановке проблемы или фактов. Заскакивать вперед, оперировать “интуицией” вместо анализа или же кормить читателя отсебятиной вместо сообщения ему точных данных по данному предмету он не любил. В редакции мы шутили называли его “энциклопедическим словарем”, а в энциклопедических словарях он был незаменимым работником именно в силу этого пристрастия к точному и четкому знанию»⁴⁶. Другой коллега, А. М. Хирьяков, отмечал, что, хотя Водовозов не посвятил себя преподавательской деятельности, наследственность сказывалась в его стремлении выражать свои мысли «в наиболее ясных, точных и удобовоспринимаемых формах», и даже самый склад речи был характерно педагогическим: «Он отчеканивал фразу за фразой, как бы стараясь

⁴³ Там же. № 180. 2 авг.

⁴⁴ Еще о Трудовой группе // Там же. № 184, 186. 7, 9 авг.

⁴⁵ Водовозов В. «Речь» и Трудовая группа // Товарищ. 1907. № 337, 339, 343, 349. 5, 8, 12, 19 авг.

⁴⁶ Кускова Е. Памяти В. В. Водовозова // Последние новости. 1933. № 4585. 11 окт.

вдолбить в головы слушателей с наибольшей прочностью те воззрения, которые считал правильными. Как сейчас вижу его с характерным потряхиванием головы и укоризненно повторяющим: “глаза, господа, даны человеку для того, чтобы видеть, а не для того, чтобы только моргать, а уши даны, чтобы слушать, а не хлопать ими”»⁴⁷.

В конце 1904 г. Водовозов стал одним из инициаторов проведения совещания представителей периодических изданий, на котором обсуждалась идея созыва I Всероссийского съезда русской печати. Состоялся он только в июне 1908 г. и, помимо решения профессиональных задач, обсудил, как отметить 80-летие Л. Н. Толстого. Водовозов, избранный одним из секретарей «комитета съезда повременной печати», нес большую часть его практической работы: от составления и рассылки «циркуляров», приглашавших зарубежных деятелей присылать статьи для «толстовского» сборника, а редакции – их номера, посвященные юбилею, до чтения лекций⁴⁸. «Первая революция, давшая на время русскому обществу некоторую свободу, – писал Водовозов, – дала возможность мне выступать в качестве публичного лектора по разным вопросам политики, государственного права и истории литературы, в частности я особенно охотно читал публичные лекции о Пушкине. В течение 1905–07 гг. я прочитал бесчисленное множество таких лекций в различных городах Российской империи. По большей части эти лекции оканчивались благополучно, но иногда прерывались полицией и вызвали составление протокола. С 1907 г. лекции почти систематически запрещались и только с 1911 г. вновь изредка разрешались»⁴⁹.

Во время избирательной кампании в 3-ю Государственную думу Водовозов намечался петербургским кандидатом Трудовой группы, но ввиду опасений, что он не будет допущен к выборам, совещание народных социалистов и трудовиков решило снять его кандидатуру⁵⁰. В новую Думу, открывшуюся в ноябре 1907 г., вследствие ужесточения избирательного законодательства трудовики смогли провести лишь 14 депутатов: численность фракции сократилась более чем в шесть раз. «Начался для нас период бледный и вялый, – сетовал Водовозов. – Мы были слабы в Думе, у нас не было крупных талантов, и большого влияния на Государственную думу мы не могли иметь»⁵¹. В мае 1909 г. Водовозов сделал попытку уйти на педагогическую работу, подав прошение попечителю Кавказского учебного округа об утверждении «в звании преподавателя» с программой лекций по курсам «новой истории и русской истории до Петра Великого», которые он намеревался читать на Высших женских курсах в Тифлисе⁵². Получив, видимо, отказ из-за политической «неблагонадежности», Водовозов снова уехал за границу – в Константинополь, где в результате младотурецкой революции был низложен султан Абдул-Хамид II и введена конституция, о чем писал для газеты «Русское слово»⁵³, и его статьи в «Турецком сборнике»⁵⁴ оценивались как «наиболее содержательные»⁵⁵.

Вернувшись в Петербург, где в связи с довыборами в Государственную думу шли избирательные собрания, Водовозов по обыкновению резко нападал на кадетов, упрекая Милюкова, ездившего в составе парламентской делегации в Лондон, за его заявление, что в России есть «конституция и ограниченная монархия»⁵⁶. Хотя в пылу агитационной полемики Водовозов

⁴⁷ Хирьяков А. Под колесами судьбы. (Памяти В. В. Водовозова) // Молва. 1933. № 235. 13 окт.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2686. Л. 3; Д. 238. Л. 1, 5–7.

⁴⁹ Водовозов В. В. Автобиографическая заметка.

⁵⁰ См.: К выборам. Будет ли левый блок? // Русь. 1907. № 243. 13 сент.; К выборам. В Трудовой группе // Там же. № 248. 18 сент.; Азра [Стембо А. Я.] В народническом блоке // Там же. № 262. 2 окт.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1707. Л. 16.

⁵² Там же. Д. 2902. Л. 1.

⁵³ См.: Водовозов В. По Турции // Русское слово. 1909. № 157, 164, 169, 172. 10, 18, 24, 28 июля.

⁵⁴ См.: Он же. Старый режим в Турции; Младотурки // Турецкий сборник. СПб., 1909. С. 57–96, 164–189.

⁵⁵ Русские ведомости. 1909. № 142. 23 июня.

⁵⁶ Предвыборные собрания // Речь. 1909. № 252, 259. 14, 21 сент.; Собрание в Гавани // Новая Русь. 1909. № 253. 15 сент.

отзывался о лидере кадетов весьма нелюбезно, он признавался, что если бы кто-нибудь взялся за «большую характеристику Милюкова как человека и общественного деятеля», наполнив ее одними насмешками над его лондонской речью и переговорами о министерском портфеле, то «решительно восстал бы против и сказал: “Здесь не весь Милюков”»⁵⁷.

Принятый в октябре 1907 г. в С.-Петербургское литературное общество, Водовозов вошел в состав оргкомитета по устройству 2-го Всероссийского съезда писателей⁵⁸, на котором 23 апреля 1910 г. представил проект устава писательской организации и сделал доклад об авторском праве, доказывая, что право на перевод должно быть «свободным»⁵⁹. Одно из следующих заседаний съезда, 26 апреля, ознаменовалось скандалом: депутат 1-й Государственной думы, доктор агрономии Т. В. Локоть, издававший юдофобский еженедельник «Киев», выступил с докладом «О национализме и периодической печати», в котором, демонстрируя «таблицу, показывающую в процентном отношении, какая из национальностей занимается более выгодными профессиями», уверял, что «поляки и особенно евреи стремятся захватить мир». Водовозов и другие ораторы резко возражали, а когда докладчик вновь занял кафедру для заключительного слова, большая часть съезда покинула зал в знак протеста, вызвав реплику Локотя, что ушли, мол, как и следовало ожидать, евреи⁶⁰. «Я не уходил, – обращался Водовозов в «открытом» письме к вчерашнему соратнику (Локоть вышел из Трудовой группы в апреле 1909 г.), – так как мне было интересно узнать, что вы можете возразить оппонентам и в том числе мне, но, возмущенный недопустимым, чисто нововременским приемом зачисления всех своих противников в ряды нелюбимой вами народности, я крикнул вам: “Вы лжете! Я – русский, и я уйду!” За мной ушла почти вся аудитория...» Водовозов, избранный 28 апреля в президиум оргкомитета Всероссийского литературного общества, одним из его секретарей и членом «суда чести»⁶¹, считая, что Локоть обязан «договорить до конца», предложил ему публичный диспут⁶². Вызов был принят, но во избежание «возбуждения национальной вражды» киевский губернатор запретил «словесную дуэль», и, хотя ее перенесли в столицу, назначив на октябрь, большинство С.-Петербургского литературного общества посчитало, что его трибуна не место для антисемитских речей⁶³. Водовозов был раздосадован таким «актом нетерпимости»⁶⁴, тем более что являлся членом совета и, с 3 мая 1910 г., секретарем общества, оставаясь в этой должности до закрытия его 1 июля 1911 г. за «суждения, имевшие своим предметом критику распоряжений правительства»⁶⁵.

Помимо газетной работы, в 1908–1909 гг. Водовозов вел постоянную рубрику «Иностранная жизнь» в литературном, общественно-политическом и популярно-научном журнале «Бодрое слово», выходившем дважды в месяц. С осени 1909 г. столь же регулярно Водовозов помещал свои обзоры – «Русские журналы» и «Государственная дума» – в еженедельном издаваемом Р. М. Бланком вестнике культуры и политики «Запросы жизни», в котором весной 1912 г., во время предвыборной кампании в 4-ю Государственную думу, напечатал статью «Избирательная программа Трудовой группы». Водовозов доказывал, что «интересы крестьянства,

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 108. Л. 16 (Письмо А. В. Амфитеатрову. 14 июня 1911 г.).

⁵⁸ См.: От комитета по устройству всероссийского съезда писателей // Новая Русь. 1910. № 58. 28 февр.; В литературном обществе // Речь. 1910. № 43. 13 февр.; № 70. 13 марта.

⁵⁹ Об авторском праве // Новая Русь. 1910. № 110. 24 апр.; Речь. 1910. № 110. 24 апр.

⁶⁰ Национализм и периодическая печать // Новая Русь. 1910. № 113. 27 апр.; 2-й съезд писателей и журналистов // Речь. 1910. № 113. 27 апр.; Локоть Т. Прогрессивная нетерпимость. (Письмо в редакцию) // Новое время. 1910. № 12257. 28 апр.

⁶¹ Хроника съезда // Вестник второго Всероссийского Съезда Писателей. 1910. № 9. 4 мая. С. 60.

⁶² Водовозов В. Открытое письмо проф. Локтю // Новая Русь. 1910. № 116. 30 апр.; К диспуту В. В. Водовозова с Т. В. Локтем // Киевские вести. 1910. № 134. 10 мая.

⁶³ Речь. 1910. № 139. 23 мая; Локоть Т. Мой диспут с В. В. Водовозовым. (Письмо в редакцию) // Новое время. 1910. № 12289. 30 мая; Он же. Литературному обществу. (Открытое письмо) // Там же. № 12455. 24 окт.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2288. Л. 4–5.

⁶⁵ Там же. Д. 1171. Л. 19.

рабочего класса и трудовой интеллигенции не только не противоречат друг другу, но и почти тождественны», вследствие чего одна партия вполне могла бы обслуживать интересы всех трех социальных групп, но в силу исторических условий «рабочий класс нашел свое представительство в лице партии социал-демократической, и потому Трудовая группа естественно должна была явиться по преимуществу политической представительницей крестьянства»⁶⁶. Этот тезис вызвал резкую отповедь Ленина, который, рассматривая трудовиков как «народнических ликвидаторов», то есть ограничивающих политическую деятельность исключительно легальными формами⁶⁷, решительно не соглашался с их претензией на создание «надклассовой партии». Ленин писал, что Водовозов, говоря о «глубокой пропасти», лежащей между кадетами как «мирными эволюционистами» и трудовиками, полагающими, что «только коренной и глубокий переворот во всем государственном и социальном строе может вывести Россию на дорогу правильного и здорового развития», слишком неглубоко понимает грань между демократизмом и либерализмом, игнорирует различие классовых интересов. Обличая «недостаточную последовательность трудовиков как буржуазных демократов», Ленин язвил, что они хотят быть радикальнее кадетов, но отказываются от признания их «контрреволюционного либерализма»⁶⁸.

Посчитав марксизм Ленина «крайне упрощенным, вульгаризованным, открыто пренебрегающим историческими фактами», Водовозов ответил ему статьей «Трудовая группа и рабочая партия». Он указывал, что различие между классовыми интересами крестьянства, выражаемыми в радикальных взглядах трудовиков, и городского населения, обслуживаемого кадетами, которые требуют «хотя и очень существенных, но все-таки частных реформ», очень велико, что и обуславливает резкую противоположность взглядов тех и других на «коренной переворот», «мирную эволюцию» и вообще государственный строй в России. Но при всем различии взглядов трудовики полагают «крайне нетактичным слишком много говорить о контрреволюционности кадетов и убеждены, что, во всяком случае, не борьба с ними составляет насущную задачу дня, как в этом же убеждены, к счастью, и очень многие, и притом весьма заслуженные, социал-демократы»⁶⁹. На эту статью Ленин снова откликнулся, негодуя: «Вот тебе раз! При чем тут “тактичность”? при чем тут “слишком много”? Если правда, что кадеты – контрреволюционные либералы, то правду говорить обязательно». Он упрекал Водовозова в желании «уклониться от ответа по существу: контрреволюционны ли кадеты или нет», что расценивал как «зависимость части демократов и части бывших марксистов от либерализма»⁷⁰. Но Водовозов относился к ленинским инвективам весьма скептически и 9 августа делился с Кусковой: «Бекам я никогда не сочувствовал, не сочувствую и теперь и надеюсь, от напасти сочувствия им меня Бог избавит и на будущее время. Но я думаю, что беки остались только в Петербурге и то – только настолько, чтобы спутать и испортить дело, но не настолько, чтобы сделать что-нибудь самостоятельное. В остальной России их, кажется, и в помине нет, так же, как и эсеров, да и вообще...»⁷¹.

В 1911–1913 гг. Водовозов являлся членом редакции «внепартийного демократического» журнала «Современник», в котором вел общественно-политический отдел⁷². Параллельно с 27 августа по 26 ноября 1912 г. он издавал совместно с Н. И. Кулябко-Корецким и редактировал еженедельную политическую и литературную газету «Столичные отклики», задачей которой ставилось «объединение всей левой оппозиции» и проведение в 4-ю Государственную думу «лиц, близких по убеждению Трудовой группе». Но в Думе, открывшейся 15

⁶⁶ Водовозов В. Избирательная программа Трудовой группы // Запросы жизни. 1912. № 13. 31 марта. Стлб. 771–778.

⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 21. С. 249.

⁶⁸ Там же. С. 242–246.

⁶⁹ Водовозов В. Трудовая группа и рабочая партия // Запросы жизни. № 17. 27 апр. Стлб. 993–998.

⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 267–274.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

⁷² См. статью «В. В. Водовозов в журнале “Современник”» в приложении к настоящему изданию.

ноября, трудовики получили лишь 10 депутатских мест, и, сообщая о закрытии «Столичных откликов», издатели поясняли: «Сначала дело шло сравнительно благополучно. За № 1 наш первый редактор [С. С. Иванов] отсидел в административном порядке два месяца, но номер конфискован не был. № 2 прошел вполне благополучно. № 3 конфискован с привлечением к суду редактора, но №№ 4 и 5 опять прошли благополучно. Однако, начиная с № 6, дело меняется. Из семи номеров (№№ 6–12) конфисковано шесть. Постановление о конфискации производилось иногда через несколько минут после представления соответственного номера в цензурный комитет, то есть в такой срок, в какой прочитать его, очевидно, невозможно; из этого ясно, что решение составлялось заранее, а под него подводился юридический, весьма слабой конструкции, фундамент позднее так, что порой комитету приходилось даже брать его назад. Несколько раз инкриминировался простой пересказ статей, заимствованных из газет, которые за них никаким преследованиям не подвергались. Ясно, что нас преследовали не за содержание, а за то, что наша газета является органом нелегализованной группы. При таких условиях ее ведение оказывается невозможным, и мы прекращаем ее впредь до изменения обстоятельств»⁷³.

Кадетская деятельница А. В. Тыркова-Вильямс, редактировавшая петербургскую газету «Русская молва», вспоминала, что зимой 1912–1913 гг., когда на Балканах шла война, Водовозов, «как шекспировский прорицатель», уверял, что буржуазный мир идет к гибели, но «лихорадочные речи» этого «честного и доброго» чудака мало кто воспринимал всерьез: «Всем своим обликом он олицетворял образ русского интеллигента, пожалуй – даже нигилиста. Из карманов его помятого пиджака торчали газеты и книги на всех языках. Кое-как завязанный галстук сползал в сторону. Выкрикивая свои изречения, Водовозов встряхивал головой, и мелкие кудри извивались вокруг его головы, как темные змейки. Он был глухой и кричал, точно все кругом тоже были глухие. Нелепый был вид у этого начитанного, налитанного знаниями журналиста. Водовозов твердил, что вслед за Балканской войной придет другая или даже череда войн, ибо капиталистический мир будет драться за рынки, за гегемонию. На возражения, что цивилизованное общество не допустит кровопролития, Водовозов буквально взрывался: “Я вам говорю – мы входим в длительную эру военных конфликтов и революций”». Тыркова-Вильямс не поверила ему тогда: «Чего этот кабинетный начетчик нас страшит?», – но в последующие годы, когда «войны и бунты стали взметать народы и людей, как пыль», ей не раз вспоминался чудаковатый провидец Водовозов⁷⁴.

В июне – июле 1913 г., во время быстротечной Второй Балканской войны между вчерашними союзниками, Водовозов находился «в самом центре событий, в Софии и отчасти других местностях Болгарии, а также в Константинополе»⁷⁵. В конце 1914 г. он снова отправился на Балканы и, принятый 16 декабря регентом-престолонаследником Сербии, будущим югославским королем Александром, писал, что везде его «встречали предупредительно губернаторы, исправники и другие власти», а в «опасных местах, например по границе Албании», представляли военный конвой из нескольких конных жандармов⁷⁶. 15 марта 1915 г. в Обществе славянского научного единения Водовозов сделал доклад «О сербской Македонии и о сербско-болгарских отношениях» (весь сбор шел «в пользу сербского населения, пострадавшего от войны»⁷⁷), который вызвал резкую полемику, ибо докладчик, ратовавший за создание Балканской федерации, считал, что мир на полуострове «могла бы обеспечить только единая автономная Македония», а раздел ее согласно Бухарестскому миру 1913 г. был «тяжелым преступ-

⁷³ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2896. Л. 12.

⁷⁴ Тыркова-Вильямс А. В. Подъем и крушение // Возрождение. 1956. № 51. С. 94–96.

⁷⁵ Водовозов В. На Балканах // Современник. 1913. Кн. 8. С. 306.

⁷⁶ Водовозов В. По Сербской Македонии. Путевые заметки // Вестник Европы. 1916. Кн. 1. С. 183.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1778. Л. 88.

лением», хотя Сербия отчасти загладила свою вину большой культурной работой, и не следует совершать «новое преступление передачей Болгарии уже успевшей сербизироваться Македонии»⁷⁸. Балканский вопрос был одним из тех, которыми Водовозов особенно интересовался, и вслед за очерком «По сербской Македонии. Путевые заметки», напечатанным в «Вестнике Европы», в 1917 г. в издательстве «Огни» вышла его книга «На Балканах. Статьи. Путевые очерки» (за 1913–1916 гг.), которую хвалили за «чрезвычайную объективность»⁷⁹, а бывший российский посланник в Черногории А. А. Гирс оценивал как труд «выдающийся и поучительный»⁸⁰.

С 1913 г. Водовозов состоял ведущим сотрудником ежедневной общеполитической газеты «День», но, помимо своей журналистской деятельности, участвовал едва ли не во всех российских энциклопедических изданиях, включая «Энциклопедический словарь» (1890–1907), «Малый энциклопедический словарь» (1899–1902, 1907–1909), «Еврейскую энциклопедию» (1908–1913) и «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза – Ефрона (1911–1916), «Большую энциклопедию» С. Н. Южакова (1900–1909), «Политическую энциклопедию» Л. З. Слонимского (1906–1908), «Русский биографический словарь» А. А. Половцова (1896–1913), «Энциклопедический словарь» братьев А. и И. Гранат (1910–1915). Оценивая его работу, рецензент предпоследнего тома «Нового энциклопедического словаря», бессменный член ЦК кадетов А. С. Изгоев отмечал «богатую, прямо сказать редкую, эрудицию В. В. Водовозова, которому принадлежит множество статей и заметок, разнообразных по характеру и по размерам», признавая, что «там, где дело касается фактической стороны событий, точность, осведомленность и добросовестность В. В. Водовозова не подлежат спору»⁸¹. Но казавшийся «сухим строгим педантом, не выходящим из узкого круга своих специальных работ», Водовозов, как подчеркивал Хирьяков, «очень ценил поэзию», «ценил и понимал»⁸². Охотно выступая с лекциями о своем литературном кумире, он посвятил ему статью «Политические и общественные взгляды Пушкина в последний период его жизни»⁸³, включенную в завершающий том пушкинского Собрания сочинений, изданного в «Библиотеке великих писателей» под редакцией С. А. Венгерова. Поясняя, что счел нужным дать «обстоятельный, занимающий целых 40 страниц петита, алфавитный указатель ко всем произведениям Пушкина (по заголовку и по первому стиху), в котором указаны также комментарии к ним, разбросанные по всему изданию», Венгеров подчеркивал, что «указатель этот с замечательной любовью и тщательностью составлен известным публицистом и политическим деятелем В. В. Водовозовым»⁸⁴.

Первый брак Водовозова распался фактически еще до мировой войны, формально – с кончиной Веры Петровны, последовавшей 28 ноября 1917 г., и новой спутницей его жизни стала Ольга Александровна Введенская, дочь профессора столичного университета и бессменного председателя С.-Петербургского философского общества. Разница в возрасте составляла восемнадцать лет, и 24 октября 1913 г. Ольга Александровна шутиливо выговаривала Водовозову, уехавшему в Тифлис с лекциями, что огорчена тоном его письма, сетованиями на «жизненную осень», возражая: «Авось сумеем хорошо прожить и осенью. А в своих жалобах Вы не правы, потому что, несмотря на неблагоприятные условия, Вы вполне сохранили способности

⁷⁸ Водовозов В. По Сербской Македонии. С. 8.

⁷⁹ См.: Волгин В. [Рец. на кн.:] Водовозов В. На Балканах // Русские ведомости. 1916. № 299. 28 дек.; Б. Ж. [Рец. на кн.:] Водовозов В. На Балканах // День. 1917. № 33. 4 февр.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2630. Л. 27.

⁸¹ Речь. 1916. № 317. 13 нояб.

⁸² Хирьяков А. Под колесами судьбы. (Памяти В. В. Водовозова).

⁸³ См.: Пушкин [А. С.] Собрание сочинений. Пг.: Брокгауз – Ефрон, 1915. Т. 6. С. 368–389.

⁸⁴ Венгеров С. От редакции // Там же. [С. III]; см.: Водовозов В. В. Алфавитный указатель произведений Пушкина по заголовку и по первому стиху // Там же. С. 609–647.

живо отзываться на все впечатления и достаточное количество душевной молодости также». Объясняя, почему Водовозов слегка разочарован кавказскими видами, она иронизировала: «... потому что Вы, вопреки Вашей революционно серьезной внешности и невзирая на все Ваши книгоедства, – существо легкомысленное, к суровым впечатлениям не склонное; у Вас вкусы – все несерьезные: в литературе – Пушкин, в музыке – Глинка». И в заключение просила: «Милый мой, пишите Вы мне, ради Бога, почаще. Уж, кажется, я совсем не склонна попусту беспокоиться и создавать себе воображаемые тревоги, но ведь Вы – такое безрассудное существо, что, когда не получаешь от Вас известий, поневоле всякие предположения в голову лезут»⁸⁵.

Водовозов признавался, что мировая война опровергла все его прогнозы и застигла врасплох, ибо он был уверен, что немецкая социал-демократия не помешает развязать европейское побоище, но рассчитывал на чувство самосохранения правящих кругов Германии. Водовозов, по свидетельству трудовика В. Б. Станкевича, пророчил, что «в результате войны на улицах Петербурга и Берлина будут ходить медведи»⁸⁶, и еще накануне, как вспоминал С. С. Ольденбург, «высказывал довольно мрачные взгляды на современный европейский парламентаризм», говоря «о росте продажности политических деятелей, о падении чувства ответственности, об измельчении идей», а позднее «испытывал тягостное отвращение к тем потокам лжи и клеветы, которые друг на друга изливали воюющие стороны», ибо «это общее помутнение сознания было ему чуждо»⁸⁷. Соавтор декларации трудовиков, зачитанной в Думе 26 июля 1914 г., Водовозов категорически не сочувствовал ленинскому «пораженчеству» и стоял на позиции «революционного оборончества», доказывая, что борьбу надо вести «на два фронта: против своего правительства и против немцев». Война развязана благодаря империалистическим инстинктам великих держав, но если она началась, то надо защищаться, задаваясь не завоевательными, а исключительно оборонительными целями, в надежде, что это может привести к свержению деспотизма⁸⁸.

Арестованный в ночь на 29 декабря 1915 г., Водовозов был освобожден уже через два дня, но в марте 1916 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров Б. В. Штюрмер распорядился об административной высылке его в Иркутскую губернию на три года. Хотя вследствие ходатайств членов Государственного совета Д. Д. Гримма и М. А. Стаховича, ряда депутатов, академиков и профессоров исполнение распоряжения отложили, Водовозов оставался под угрозой высылки. В обращении на имя Штюрмера «друзья и почитатели больного писателя» указывали, что он, «известный в широких кругах общества литератор», несмотря на глухоту и прогрессирующую слепоту, находясь в Петрограде, «имеет возможность продолжать свои работы для двух энциклопедических словарей и в некоторых органах повременной печати»: в частности, занят подготовкой срочно заказанных ему статей для «Нового энциклопедического словаря» и сборника очерков по Балканскому полуострову. «Все близко знающие В. В. Водовозова, – говорилось в петиции, – не могут мириться с мыслью, что присутствие такого человека, всецело ушедшего в литературную работу и научные занятия, проводящего целые дни в своей обширной домашней библиотеке и почти совершенно отказавшегося от каких бы то ни было знакомств, может быть вредно государственному порядку». Но 26 апреля в ответ на ходатайство историка Н. И. Кареева «об изменении меры административного взыскания» замминистра внутренних дел указал, что «лишен возможности что-либо предпринять, так как переписка о г. Водовозове и других передана на распоряжение начальника Петроград-

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2376. Л. 1.

⁸⁶ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919. Берлин, 1922. С. 18.

⁸⁷ Ольденбург С. С. Памяти В. В. Водовозова.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1707. Л. 19.

ского военного округа»⁸⁹. Только в июне Водовозов получил, наконец, разрешение остаться в столице до выздоровления, но с обязательством дважды в месяц подвергаться медицинскому освидетельствованию и с подпиской не заниматься публицистикой⁹⁰, вследствие чего до сентября его статьи в газете «День» выходили под псевдонимом А. Радин.

После Февральской революции 1917 г. Водовозов, являвшийся членом ЦК Трудовой группы, с июня – Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП), состоял членом Юридического совещания при Временном правительстве, Совета при министре и юрисконсульт Министрства юстиции, членом Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, успевая при этом писать брошюры (более полутора десятков!), сотрудничать в «Дне», выступать на митингах и собраниях, читать публичные лекции и совершать агитационные поездки в провинцию. Идеалист Водовозов остается последовательным защитником демократических свобод «для всех», из-за чего категорически возражает против лишения избирательных прав царской семьи или запрещения реакционных изданий, и безусловным сторонником продолжения войны до победы, но без аннексий и контрибуций, с правом народов на самоопределение, прекращением тайной дипломатии и опубликованием секретных политических договоров с союзниками. Именно в связи с преданием им огласке содержания «грубо хищнического» договора с Италией⁹¹ Ленин упомянул в печати «буржуазного демократа г. Водовозова»⁹² последний раз, а по поводу другой его статьи, выступая 14 мая, заметил: «Возьмите сегодняшнюю газету “День”. Там Водовозов, человек в большевизме никоим образом неповинный, но честный демократ, заявляет: я противник тайных договоров, позвольте сказать о договоре с Румынией»⁹³. Но М. И. Терещенко, преемник П. Н. Милюкова на посту министра иностранных дел, посчитал, что опубликование договоров с союзниками «недопустимо и может лишь повредить» интересам России⁹⁴, из-за чего большевистская «Правда» иронизировала, что «газета г. Милюкова очень сердито обругала г. Водовозова»⁹⁵.

Еще во время революции 1905 г. Водовозов предсказывал, что не настанут ли дни, когда все скажут: «Нет, лучше какой угодно Плеве, чем *такая* революция», – и, увы, после большевистского переворота они наступили! Недолгое время Водовозов еще участвовал в общественной жизни: член почетного оргкомитета по празднованию 25-летия журнала «Русское богатство» наряду с С. А. Венгеровым, М. Горьким, В. И. Засулич, Г. А. Лопатиным, В. Н. Фигнер и другими известными деятелями, он произнес речь на торжественном заседании, устроенном 14 февраля 1918 г. Петроградским комитетом ТНСП в Тенишевском училище⁹⁶. Три дня спустя Водовозов присутствует на общем собрании Союза русских писателей⁹⁷ и упомянут среди двух десятков ораторов из числа меньшевиков, эсеров и народных социалистов, намеревавшихся выступить 16 марта на публичном собрании, приуроченном к годовщине Февральской революции, в зале Калашниковской хлебной биржи⁹⁸. В первой половине года Водовозов еще бывал на митингах, устраиваемых ТНСП на заводах, и даже читал лекции о гражданских правах на образовательных курсах возглавляемого М. Горьким просветительного общества «Культура и свобода», а на организованном им митинге 31 мая произнес речь «Гибель книги – гибель куль-

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2910. Л. 1–4.

⁹⁰ К делу В. Водовозова // День. 1916. № 159. 12 июня.

⁹¹ См.: Водовозов В. Опубликование тайных договоров // День. 1917. № 52. 6 мая.

⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. М., 1969. С. 58–59.

⁹³ Там же. С. 91.

⁹⁴ Печать // Речь. 1917. № 113. 16 мая.

⁹⁵ Еще один тайный договор // Правда. 1917. № 49. 18 мая.

⁹⁶ Дело народа. 1918. № 1. 30 янв. (12 февр.).

⁹⁷ См.: Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1, ч. 1. М., 2005. С. 111.

⁹⁸ Наш век. 1918. № 49. 3 марта.

туры»⁹⁹. Кроме того, он печатался в «научном» журнале «Международная политика и мировое хозяйство», выходившем при его «ближайшем участии», и «Былом», участвовал в сборнике о Брестском мире¹⁰⁰.

В июле Водовозов получил из Киева письмо от своего приятеля, члена редколлегии газеты «Киевская мысль», меньшевика К. П. Василенко, предлагавшего ему, «как убежденному и последовательному демократу и социалисту», сотрудничество в новом ежемесячном журнале «Родная земля». Предполагалось, что он будет внепартийным, направленным на «восстановление государственно-хозяйственного единства России», борьбу за республику, культуру и европейский социализм, «защиту интересов трудящихся классов». Водовозов с радостью принял это приглашение, ибо, как сетовал, «истомился по отсутствию хорошей литературной работы», собираясь, помимо статьи о пропорциональных выборах, дать изложение «современного российского (совдепского) государственного права» и оценку премьера Временного правительства в связи с его книгой «Дело Корнилова» (М., 1918), но предупреждал: «Я лично отношусь к Керенскому теперь отрицательно». Впрочем, его смущало, как переправлять рукописи в Киев, и, кроме того, Водовозов просил, если сотрудничество все-таки состоится, присылать ему гонорар хотя бы частично продуктами: сахаром, мукой, крупой, поясняя: «Всегда я был очень нетребователен в пище, а теперь со стыдом сознаюсь, что страдаю от их отсутствия сильнее, гораздо сильнее, чем мог бы ожидать раньше». К идее приехать в Киев для чтения лекций Водовозов тоже отнесся «с восторгом», но сокрушался: «Кажется, выезд из Совдепии в самостоятельную Украину запрещен»¹⁰¹. Водовозов писал Василенко не менее пяти раз по разным адресам, безуспешно хлопотал о разрешении на поездку в Киев, и, хотя 16 августа ответственный редактор «Родной земли» А. К. Елачич сообщил ему, что с нетерпением ждет обещанный материал¹⁰², первый номер журнала оказался, увы, и последним.

К осени 1918 г. все оппозиционные партии были разгромлены, митинги (кроме большевистских) запрещены, редакции газет и журналов (кроме лояльных советской власти) закрыты, и Водовозов уже не мог заниматься ни политической, ни публицистической деятельностью. «Им, – вспоминала жена, – овладела апатия, хандра; он по целым дням сидел дома, перелистывая любимых поэтов и не имея сил ни за что приняться»¹⁰³. Ганфман, описывая их последнюю встречу в трамвае, отмечал, что Водовозов, знавший лично многих деятелей большевизма, буквально пылал негодованием, но «особенно возмущался тем, что эти люди, которые сами так много страдали от отсутствия гражданских свобод, теперь так беспощадно расправлялись с ними и так жестоко преследовали своих противников». Своим громким чеканным голосом, не стесняясь в оценках и словах, а в сентябре уже начинался «красный террор», Водовозов кричал: «Можно ли было ждать, что такой-то и такой-то (при этом он называл имена большевистских сановников) станут такими жандармами!» Ганфман тщетно пытался сменить тему разговора, но Водовозов, прикладывая руку к уху, чтобы лучше слышать его, продолжал свои обличительные речи, и собеседнику едва удалось добиться, чтобы на ближайшей остановке они вышли из трамвая¹⁰⁴.

Но остатки сбережений иссякли, деньги потеряли цену, идея саботажа чиновников выдохлась, а служба в советских учреждениях давала право на хлебную карточку и защищала

⁹⁹ См.: Работы книжного отдела «Культуры и свободы» // Вестник культуры и свободы. 1918. № 1. Июль. С. 53; Образовательные политические курсы // Там же. № 2. Август. С. 48.

¹⁰⁰ См.: Водовозов В. Тильзит // Стрелы. Сб. 2-й: Немец. Пг., 1918. Стлб. 17–21.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2649. Л. 11–12.

¹⁰² Там же. Д. 2158. Л. 2.

¹⁰³ Введенская-Водовозова О. А. Последние годы жизни В. В. Водовозова // Исторический архив. 2016. № 1. С. 110 (см.: «Теперь я пешка, с которой никто не считается». Воспоминания о В. В. Водовозове О. А. Введенской-Водовозовой. 1933 г. / Публикация Н. А. Родионовой // Там же. С. 106–124).

¹⁰⁴ Ганфман М. Встречи с В. В. Водовозовым.

квартиру от уплотнения. Поэтому осенью Водовозов принял предложение П. Е. Щеголева, заведовавшего отделом в Петроградском историко-революционном архиве (или Петроградском отделении VII, историко-революционной секции Государственного архивного фонда), поступить туда в качестве архивиста. Водовозов занимался подготовкой систематического каталога библиотеки русских нелегальных изданий, хранившейся в I отделении VII секции наравне с фондами Департамента полиции, столичного охранного отделения и ряда жандармских управлений. Но хотя с октября Водовозов являлся уже советским служащим, помимо шести обысков, которым подверглась его квартира в 1918–1920 гг., накануне первой годовщины Октябрьского переворота, во время массовых арестов, он просидел несколько дней на столь знакомой ему Шпалерной, где, как рассказывал, первую ночь провел без сна, а «на вторую один арестованный, помоложе, уступил ему половину железной кровати без матраца, и В[асилий] В[асильевич] спал, подстелив под себя шубу». Жена бросилась к Д. Б. Рязанову, возглавлявшему Главное управление архивным делом Наркомата просвещения, и тот позволил в Петроградскую ЧК: «Это – человек старый, больной; я требую, чтобы вы немедленно отпустили его; для него и три дня могут быть роковыми»¹⁰⁵. С января 1919 г. Водовозов заведовал отделом в архиве, но 15 мая вернулся на должность «научного сотрудника»¹⁰⁶.

В феврале того же года 54-летний Водовозов и 35-летняя Ольга Александровна решили, наконец, обвенчаться, о чем она напишет: «Свадьба наша, очень скромная, происходила в церкви архиерейского подворья на 8-й линии, но не в главной, а в маленькой церкви подвального этажа. Было похоже на тайное богослужение первых времен христианства: полумрак, едва освещенный венчальными свечами, ни цветов, ни подвенечного платья; было так холодно, что все стояли в шубах. После свадьбы мои родители угостили присутствующих чаем с домашними сладостями, мы выпили какое-то подобие наливки и пешком отправились к себе»¹⁰⁷. Лишь 13 апреля 1920 г. они зарегистрировали брак в районном отделе записей актов гражданского состояния¹⁰⁸.

Параллельно со службой в архиве, с осени 1918 г. Водовозов состоял профессором юридического факультета 3-го Петроградского университета, в прошлом – Высших женских курсов, а после объединения в сентябре 1919 г. всех петроградских университетов в один – факультета общественных наук (юридический упразднили), и преподавал также в Политехническом институте. Но Водовозов по-прежнему мечтал о возвращении к публицистике и 9 апреля 1919 г. обратился к недавнему редактору «Ежемесячного журнала литературы, науки и общественной жизни» В. С. Миролубову: «Я слышал от А. И. Введенского, что Ваш журнал, хотя и в измененном виде, существует (я, к сожалению, ни одного № не видал). А я на этих днях прочел лекцию в одном из новых учебных заведений на тему: “Свобода личная и политическая в ее историческом развитии”. Лекция эта вчерне записана (прилагаю ее программу), и вот я позволяю себе предложить Вам ее для Вашего журнала. <...> На днях я читаю в том же учебном заведении лекцию на тему: “Экономическая, культурная и политическая эволюция человечества”, в которой я популярно излагаю главные теории исторического развития человечества. Вслед за тем читаю две лекции на тему о том, что такое политическая партия и эволюция политических партий. Любую из этих лекций я был бы очень рад увидеть в Вашем журнале»¹⁰⁹.

Но все это были призрачные надежды, а о том, как жилось супругам в голодном и холодном Петрограде в эпоху военного коммунизма, красноречиво свидетельствует дневник, кото-

¹⁰⁵ Введенская-Водовозова О. А. Указ. соч. С. 111–112.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 355. Л. 1.

¹⁰⁷ Введенская-Водовозова О. А. Указ. соч. С. 113.

¹⁰⁸ См.: ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

¹⁰⁹ Там же. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2649. Л. 2.

рый Водовозов начал вести в октябре 1919 г. Ольга Александровна вспоминала, что зима была очень тяжелой: «Голод, доминирующая над всеми мысль, как бы наесться досыта, чувство безнадёжности – все это невольно порождало мечту – хорошо бы уехать из России. Об этом мечтали решительно все, многие и осуществляли. То и дело передавали: вот бежал в Финляндию Д. Д. Grimm, бежали Мережковские, семья Струве. Понемногу эта мечта начала овладевать и нами; мы начали наводить справки. Легче всего было бежать в Финляндию»¹¹⁰. Водовозов безуспешно просил о предоставлении ему «места в одной из финляндских санаторий», объясняя, что вследствие общих тяжелых условий жизни, давнего атеросклероза и нескольких перенесенных болезней, в том числе испанки, страдает «от сильного истощения и сердечной слабости», и состояние его здоровья все ухудшается, влияя на усиливающуюся глухоту и грозя полной потерей зрения¹¹¹. Он также обратился к некоторым знакомым за границей, которых просил о содействии в получении въездных виз. Одно из его писем, отправленных нелегально, с оказией, получил заведующий русской университетской библиотекой в Гельсингфорсе А. В. Игельстром, который, несмотря на отсутствие подписи, понял, что автор послания – Водовозов, но ответить не пожелал, ибо как «старый революционер» не сочувствовал идее бегства от советской власти. Другое письмо, В. Б. Станкевичу в Берлин, затерялось, и лишь на третье, адресованное Т. Г. Масарику, успевшему стать президентом новообразованной Чехословацкой республики, пришел благоприятный ответ из его канцелярии. Устроив себе командировку для чтения лекций в Жлобине и Орше, Водовозов с женой готовился к нелегальному переходу границы с Польшей и, отправляясь в это рискованное путешествие, запасся двумя крупинками синильной кислоты на случай ареста чекистами, но в связи с начавшимися военными действиями пришлось возвратиться в Петроград¹¹².

В последующем Водовозов принимал некоторое участие в общественной и литературной жизни бывшей столицы: например 11 января 1920 г. присутствовал вместе с П. Е. Щеголевым на открытии Музея революции и на первом его заседании в Николаевском зале Дома искусств (бывшего Зимнего дворца), где после речи председателя Петроградского совета Г. Е. Зиновьева выступил с большим докладом, посвященным памяти декабристов¹¹³. Тогда же в сборнике к 50-летию со дня смерти А. И. Герцена Водовозов напечатал статью о первой бесцензурной газете «Колокол» и даже выпустил крохотную брошюру о писателе¹¹⁴; продолжалась и его лекторская деятельность, в том числе в провинции¹¹⁵.

Летом 1921 г. Водовозов завершает работу над своей книгой «Западная Европа и Америка после войны. Факты и цифры», а 29 октября обращается к наркому просвещения А. В. Луначарскому: «Моя научная работа требует от меня поездки за границу. Читая лекции по разным вопросам, касающимся строя западноевропейских держав, я постоянно мучительно страдаю от полной невозможности ознакомиться как с новейшим развитием форм государства, политических партий и т. д., так и с новейшей западноевропейской литературой по интересующему меня предмету. Беспреданно мои слушатели задают мне вопросы, на которые я не умею ответить...». Водовозов указывал, что в его книге, «посвященной как государственному строю новейшей Европы, так и ее экономическому состоянию, масса пробелов», которые он болезненно чувствовал, когда три месяца тому назад сдавал работу в печать, но, рассчитывая на второе издание, считает нужным дополнить ее, глубже провести исследование

¹¹⁰ Введенская-Водовозова О. А. Указ. соч. С. 118.

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2918. Л. 1.

¹¹² Введенская-Водовозова О. А. Указ. соч. С. 119–120.

¹¹³ См.: Памяти декабристов. Первое заседание Музея революции. Стенографический отчет // Музей революции. Пг., 1923. Сб. 1. С. 72–78.

¹¹⁴ Водовозов В. «Колокол» Герцена // А. И. Герцен. 1870 – 21 января 1920. Пг., 1920. С. 38–42; Он же. А. И. Герцен. Пб., 1920.

¹¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 355. Л. 7.

затронутых вопросов, что немыслимо без самостоятельного изучения их за границей. Помимо этого, добавлял Водовозов, ему требуются лечение и отдых: «К общему расстройству обмена веществ присоединяется специальная и очень серьезная глазная болезнь – глаукома; на левый глаз я почти уже слеп, и глаукома грозит и другому глазу. Чтобы спасти свое зрение, мне необходимо посоветоваться с хорошими окулистами, может быть – подвергнуться операции, и, во всяком случае, вести систематическое лечение; между тем в России я не могу даже достать того лекарства (*Eserini salicylici*), которое одно поддерживает мне зрение. Я чувствую с каждым месяцем, как падает моя работоспособность, а между тем работать мне хочется, потребность работы живет во мне; в недалеком же будущем мне грозит глазная инвалидность». Водовозов просил о предоставлении ему полугодовой командировки в Германию и на Балканский полуостров, поясняя свой выбор намерением завершить давно уже начатые им работы, одна из которых посвящена немецкой социал-демократии, «социальным причинам развития берштейнинизма», а другая – борьбе интересов держав и «внутренним течениям» на Балканах. «Так как, благодаря общему состоянию здоровья, глухоте и сильной слабости зрения, я чувствую себя в дороге совершенно беспомощным, – подчеркивал Водовозов, – я прошу вместе с тем дать командировку и моей жене – Ольге Александровне Введенской»¹¹⁶.

С введением нэпа возобновилась переписка со Станкевичем, возглавлявшим в Берлине научное издательство «Знание», который 28 октября извещал Водовозова: «Здесь, в Германии, образовалось около 40 русских издательств. Некоторые, конечно, эфемерные. Но имеются и весьма солидные. Поэтому журналист и литератор всегда кое-что может заработать, хотя, конечно, ввиду дороговизны жизни вообще и тройной дороговизны для приезжих особенного благополучия среди русской пишущей братии здесь не наблюдается»¹¹⁷. А вот как Водовозов описывал жизнь в Петрограде: «Вообще духовный голод есть самое тяжелое страдание, которое мы испытываем. С физическим голодом можно мириться, тем более что мы, петербуржцы, в сущности, от такого не страдаем: хлеба, крупы, селедок, картофеля нам дают теперь достаточно, и если мы чем-нибудь недовольны, то однообразием и качеством пищи, в частности недостатком сахара или сахаристых веществ (люди, очень привыкшие к мясу, жалуются на его отсутствие, но я к их числу не принадлежу), но не количеством. Хуже – холод; дров мало, и уже теперь приходится работать при 8 градусах, а в недалеком будущем холод грозит еще худший. Скверно отсутствие одежды и цельных сапог. Я теперь при помощи медицинского свидетельства хлопочу о том, чтобы мне выдали сапоги, но не надеюсь на успех». В другом варианте черновика того же послания Водовозов сетовал, что совершенно оторван от мира: «Никогда не был я так плохо осведомлен о том, что делается за рубежом, как теперь. Я почти ничего не знаю ни о политических событиях, ни об экономических и финансовых условиях, ни о бытовой стороне, ни о движении науки и общественной мысли. Поэтому за каждую книгу я был бы страшно благодарен». Водовозов мечтал ознакомиться с текстами послевоенных мирных договоров и конституций новообразованных государств (Австрии, Венгрии, Польши, Чехословакии и других), последними статистическими ежегодниками, справочниками по экономике и финансам, литературой по истории и государственному праву. «Вы бы меня прямо облагодетельствовали, если бы прислали хоть что-нибудь, что обошлось бы не слишком дорого, – просил он. – Об английских и французских книгах я и не мечтаю»¹¹⁸.

3 января 1922 г. Станкевич уведомил Водовозова, что заказал несколько интересующих его изданий, о стоимости которых он может не беспокоиться: «...как раз теперь мне с Р[увимом] Марк[овичем] Бланком удалось получить для Вас 1000 германских марок от комитетов литераторов и ученых, и за Вами дело – распорядиться этими деньгами». Хотя Станкевич

¹¹⁶ Там же. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2914. Л. 2–3.

¹¹⁷ Там же. Д. 2654. Л. 2.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2649. Л. 13.

предлагал всю или часть указанной суммы перевести в Россию, Водовозов предпочел, чтобы все деньги были потрачены на покупку книг. В июне Парижский комитет помощи литераторам выделил ему еще 200 франков (5400 германских марок), которые, как указывал Станкевич, «уже в немецкой валюте лежат на руках Марка Александровича Алданова», ожидающего директив¹¹⁹. На вопрос, заданный 22 июля, не от Станкевича ли приходят Водовозову продуктовые посылки, тот ответил: «Нет, не от меня. Получив первое письмо от Вас, я сообщил Ваш адрес, с просьбой принять все меры, в разные стороны: в Париж Л. М. Брамсону, в Прагу (Е. А. Ляцкому, который говорил об этом с Масариком), Оберучеву в Америку (через Р. М. Бланка), в здешний Фонд [литераторов и ученых]. Машина и пришла в ход, и я рад, что это было не безрезультатно, что, как и следовало ожидать, со всех сторон получились должные отклики»¹²⁰.

В январе 1922 г. Водовозов был вызван секретариатом коллегии Наркомата по иностранным делам для заполнения анкет на оформление загранпаспортов. Но, указывая, что «старому, больному, страдающему глухотой Водовозову крайне неудобно и затруднительно, как по состоянию здоровья, так и по недостаточности материальных средств, ездить в Москву», а получение загранпаспортов им и женой, разрешение на выезд которых давно отправлено Наркоматом просвещения в Отдел виз, «значительно задержалось», Петроградское управление научных учреждений и высших учебных заведений просило выполнение требующихся формальностей поручить уполномоченному НКВД в Петрограде и «по возможности ускорить присылку паспортов»¹²¹. Тем не менее решение вопроса затянулось еще на полгода, хотя, похоже, Водовозов, увлеченный открывшимися возможностями, теперь уже и сам не очень торопился с отъездом. Ведь помимо участия в сборнике Главного управления архивным делом он сотрудничал в журналах «Анналы» и «Былое», а в Центральном кооперативном издательстве «Мысль» вышли две его брошюры – «Граф С. Ю. Витте и император Николай II», «Версальский мир и Лига Наций», в Государственном издательстве – справочник «Западная Европа и Америка после войны. Факты и цифры». Водовозов принял также участие в сборнике о В. Г. Короленко¹²², а в издательстве «Задруга» под его редакцией и с его предисловием вышла первая часть труда В. И. Семевского «М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы».

«Как Ваши планы на поездку? – интересовался Станкевич 1 июня. – Из писем видно, что Вы колеблетесь. <...> Каковы Ваши отношения с Гржебиным? Он тут строит издательское дело на очень широких основаниях»¹²³. Возможно, последний аргумент сыграл определенную роль, ибо 13 июня Водовозов подписал заявление в ГПУ с просьбой о выдаче ему удостоверения для выезжающих за границу. В опросном листе на вопросы, куда предполагается поездка, Водовозов ответил: «Германия, Скандинавские страны», цель – «научная командировка Наркомпроса», срок – «6 месяцев», время выезда – «тотчас по получении паспорта и виз морским путем». Ольга Александровна заполнила такой же опросный лист, сообщив, что она «переводчица с иностранных языков», до 1917 г. «преподавала в гимназии б[ывшей] Е. Песковской, занималась переводами», а позднее «служила в Историко-революционном архиве (архивариус), в Северной научно-промысловой экспедиции (статистик), на Рабочем факультете [Петроградского университета] (преподаватель)», но в настоящее время нигде не служит и сопровождает мужа «в научной командировке в качестве его секретаря»¹²⁴.

Мандат на командировку был подписан замнаркома просвещения М. Н. Покровским 15 июля 1922 г.¹²⁵, а 30 августа Водовозов обращается к заведующему Петроградским управле-

¹¹⁹ Там же. Д. 2476. Л. 6–7.

¹²⁰ Там же. Д. 2654. Л. 1.

¹²¹ Там же. Д. 2914. Л. 10.

¹²² Водовозов В. Забытая статья В. Г. Короленко // В. Г. Короленко. Жизнь и творчество. Пг., 1922. С. 160–166.

¹²³ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2654. Л. 5.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2914. Л. 4–5.

¹²⁵ Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–16.

нием научных учреждений М. П. Кристи: «Многоуважаемый Михаил Петрович. Я получил заграничный паспорт, и моя жена – тоже. Получили его мы только сегодня (а узнали о его получении вчера), а срок ему – 14 сентября, но так как последний до этого числа известный пароход идет 7 сентября, а следующий – 17-го, то фактически мы должны уехать 7 сентября. Между тем командировочные, назначенные мне, потом были взяты назад; хлопоты же, начатые мною вновь в Главпрофобре¹²⁶, до сих пор не привели еще к определенному результату. Я решился ехать даже без них в расчете, что найду за границей какой-нибудь заработок. Но надежда эта крайне неверная, и весьма вероятно, что мне придется за границей в самом буквальном смысле голодать, а уж о лечении нельзя будет и думать. Поэтому позволяю обратиться к Вам с большой просьбой – посодействовать выдаче мне пособия на поездку»¹²⁷. Неизвестно, помог ли ему Кристи, но в начале 20-х чисел сентября Водовозов с женой покинул Россию, предполагая вернуться на родину через год: «...о более долгом сроке мы не помышляли»¹²⁸. Тем более что в Петрограде оставались его мать (она скончалась 23 марта 1923 г.) и отец Ольги Александровны, проживавший вместе с другой своей дочерью, Зинаидой, и ее мужем, переводчиком М. А. Лихаревым (профессор А. И. Введенский умер 7 марта 1925 г.). О том, как Водовозов жил на чужбине, откуда уже не вернулся на родину, и об обстоятельствах его гибели будет рассказано в послесловии...

В. Л. Генис

¹²⁶ Главное управление профессионально-политехнических школ и вузов.

¹²⁷ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2914. Л. 8–9.

¹²⁸ Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 123. Л. 7.

ЧАСТЬ I. ВОСПОМИНАНИЯ О ВРЕМЕНИ КОНЦА 80-Х И НАЧАЛА 90-Х ГОДОВ

Глава I. Первый арест

25 февраля 1887 г. около трех часов дня я, тогда студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета, сидел дома. Ко мне зашел мой старший товарищ по университету и близкий приятель С. Ф. Ольденбург. Между прочим он сообщил:

– У книжного магазина Стасюлевича собралась компания: жандармский офицер, частный пристав и десяток полицейских. Что-то, по-видимому, готовится.

Я жил в своей семье на Васильевском острове по 2-й линии, а магазин Стасюлевича помещался тогда по той же 2-й линии за два или за три дома (только позднее Стасюлевич построил себе собственный дом в 5-й линии и перенес туда свой магазин).

Время тогда было тихое, и это сообщение звучало довольно странно. Пробыл у меня С. Ф. Ольденбург очень недолго и собрался уходить. В ту самую минуту, когда он подошел к входной двери, раздался очень сильный звонок и одновременно – такой же звонок на черной лестнице. Ольденбург отворил дверь и лицом к лицу столкнулся с жандармским офицером, за которым стояла кучка городских.

– Ваша фамилия?

– Ольденбург.

– Вернитесь назад. Ваша фамилия?

– Водовозов.

– Где ваша комната?

Это был первый обыск, который я пережил. Основание для него было следующее.

Вскоре после поступления в университет я сблизился с кружком братьев Ф. Ф. (ум. в 1914 г.) и С. Ф. Ольденбургов, кн. Д. И. Шаховского, А. С. Зарудного, В. И. Вернадского, И. М. Гревса, С. Е. Крыжановского, А. А. Корнилова (ум. в 1923 г.¹²⁹), хотя большинство из них было старше меня двумя или тремя курсами (а Зарудный учился даже не в университете, а в Училище правоведения) и несмотря на то, что тождества политических убеждений у нас не было¹³⁰. Я считал себя социалистом и радикалом; все они держались убеждений более умеренных, и вместе с тем некоторые из них, всего более – Дм[итрий] Ив[анович] Шаховской, отчасти – Федор Ольденбург, не будучи вполне толстовцами, чувствовали значительную симпатию к толстовству или, по крайней мере, к некоторым сторонам его учения.

Дм. Ив. Шаховской даже издавал нелегальным образом новейшие сочинения Толстого, которые он получал непосредственно от самого Толстого. Скоро Шаховской по каким-то причинам должен был отказаться от этого занятия¹³¹ и предложил мне взять дело в свои руки. В

¹²⁹ Ошибка: А. А. Корнилов скончался в Ленинграде 26 апреля 1925 г.

¹³⁰ Имеется в виду студенческий кружок, собиравшийся с 1882 г. у С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбургов; поскольку члены его мечтали о покупке участка земли, куда летом, с целью «стать ближе к народу», могли бы съезжаться в поисках временного приюта, «будущее имение наше, – пояснял А. А. Корнилов, – так и оставшееся потом в наших мечтах, решено было тогда же назвать Приютиным, а отсюда и члены нашего кружка стали потом [с 1886 г.] называть себя “приютинцами”» (*Корнилов А. А. Воспоминания о юности Федора Федоровича Ольденбурга // Русская мысль. 1916. Кн. 8. С. 59–86*). О кружке см. также: *Гревс И. М. В годы юности: За культуру // Былое. 1918. № 12. С. 42–88; 1921. № 16. С. 137–166; Шаховской Д. И. Письма о братстве / Публ. Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского, М. Ю. Сорокиной // Звенья. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 174–318*.

¹³¹ Осенью 1885 г. Д. И. Шаховской, уже окончивший историко-филологический факультет Петербургского университета и работавший над своей магистерской диссертацией, уехал в Весьегонск Тверской губернии, куда был приглашен уездным земством в качестве «заведующего хозяйственной частью училищ» (*Шаховской Д. И. Автобиография // Русские ведомости:*

противоположность Шаховскому я ни малейшей симпатии к учению Толстого не чувствовал; напротив, относился к нему резко отрицательно. Но у меня были свои основания согласиться на предложение моего товарища.

Выросший в литературной семье, я с детства чувствовал непримиримую ненависть к цензуре, и наиболее дорогим для меня был принцип свободы слова. Я мечтал написать историю свободы слова и с ранней юности собирал для нее материалы, думая охватить свой предмет во всей его широте, начиная с древности. Осуществить эту мечту мне, конечно, не удалось, но все же я написал очерки по истории цензуры в России в период Александра III и в первые годы Николая II; изданы они были в Женеве в 1898 г. без моего имени под заглавием «Материалы для характеристики положения печати в России»¹³²; написал я также статьи о свободе слова и о цензуре в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона¹³³.

Еще сильнее привлекала меня мысль о более активной борьбе с цензурой; мне хотелось создать нелегальное издательство, которое, в противоположность издательствам, преследующим партийные и определенно пропагандистские цели, поставило бы себе задачей борьбу за свободу всякой запретной мысли. По возможности оно должно было издавать всякое произведение, которое подверглось цензурным гонениям, независимо от его политического credo¹³⁴. Конечно, некоторые ограничения своей терпимости я все-таки ставил; так, я не мог бы издать сочинения порнографического. Другое ограничение, которое я считал совершенно необходимым, – сочинение должно возбуждать общественный интерес, но безразлично какой: политический, религиозный, литературный. Если бы можно было осуществить подобное издательство в широких размерах, если бы оно вырывало из пасти цензуры все ее жертвы, то цензура, думал я, потеряла бы свой *raison d'être*¹³⁵ и исчезла бы.

Эту мысль, в которой, конечно, была изрядная доля наивности, я постоянно развивал среди своих приятелей. Поэтому Шаховской имел все основания обратиться именно ко мне с предложением взять на себя продолжение его издательства, а я имел все основания принять его. Шаховской порекомендовал меня Гробовой, собственнице небольшой (легальной) литографии на Петербургской стороне¹³⁶, которая литографировала преимущественно профессорские лекции для студентов, но – за повышенную плату – охотно брала и нелегальную работу¹³⁷.

С 1885 г. я усердно занялся издательством Толстого. Получая от Шаховского и П. И. Бирюкова, впоследствии известного биографа Толстого, новые произведения, я издавал¹³⁸ и распространял их¹³⁹.

1863–1913: сб. ст. М., 1913. Отд. 2. С. 199).

¹³² Правильно: [Водовозов В.] Материалы для характеристики положения русской печати. Женева: Тип. Союза русских социал-демократов, 1898. Вып. 1–2.

¹³³ См.: В[одовозов] В. Свобода слова, совести, собраний, личности (гражданская) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907. Доп. Т. 2а. С. 601–602; Водовозов В. Цензура. Цензурное законодательство в России. Деятельность цензуры в России с 1855 г. // Там же. СПб., 1903. Т. 37а. С. 948–962; В[одовозов] В. Цензура // Там же. Доп. Т. 2а. С. 854–856.

¹³⁴ кредо (лат.).

¹³⁵ смысл, разумное основание существования (фр.).

¹³⁶ Литография А. И. Гробовой размещалась по адресу: Большой проспект, 23.

¹³⁷ Ср.: «Мои издания выходили в 300–500 экземплярах, расходились весьма быстро, быстро окупались и давали мне легкую возможность продолжать без перерывов мою деятельность. Гробова брала с меня по 6 коп. с экземпляра листа, т. е. вдвое больше, чем с изданий легальных, и была вполне довольна работою. В течение двух лет она делала такого рода работу только для меня, но я получил ее как бы в наследство от Бориса Глинского (ныне постоянного сотрудника суворинского «Исторического вестника») и князя Д. И. Шаховского (ныне члена Государственной думы, кадета), бывшего в то время толстовцем и издававшего до меня Толстого, исходя из других соображений, чем я» (Водовозов В. [Рец. на кн.:] Тун А. История революционных движений в России. Б. м., 1906; Тун А. История революционного движения в России. Б. м.: «Земля и воля», 1906 // Былое. 1906. № 7. С. 308).

¹³⁸ П. И. Бирюков писал, что В. В. Водовозов издал, «хотя и не был согласен с ними», такие религиозно-философские сочинения Л. Н. Толстого, как «Исповедь», «Краткое Евангелие», «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?», и вспоминал такой эпизод: «Когда Василий Васильевич зашел ко мне по моем возвращении из Ясной [Поляны], чтобы узнать, не привез ли я чего-нибудь нового, я показал ему «Церковь и государство». Он прочел, пришел в восторг и сказал, что это непременно надо

Я очень стремился к внешнему совершенству издания.

Издания Шаховского («Исповедь»¹⁴⁰ и некоторые другие) были переписаны часто недостаточно разборчиво, – я нашел переписчиков, обладавших действительно превосходным почерком (пишущих машин в России в то время еще не знали, – они появились только в начале следующего десятилетия). Шаховской пускал в обращение брошюры Толстого отдельными несброшюрованными листами, без обложки¹⁴¹, – я отыскал переплетную мастерскую¹⁴², содержащую тоже женщиной (Кармалиной), которая согласилась брошюровать и мои издания. Я отвозил на извозчике листы из литографии к ней; у нее они лежали до отпечатания последнего листа каждой отдельной книжки. Тогда они брошюровались и обращались в очень прилично изданные, а я переправлял их к себе домой и затем распродал. Таким образом я издал целый ряд новых тогда произведений Льва Толстого: «В чем моя вера»¹⁴³, «Что же нам теперь делать»¹⁴⁴, «Церковь и государство», «О деньгах»¹⁴⁵, «Письмо к М. А. Энгельгардту»¹⁴⁶, а также две брошюры Вильяма Фрея¹⁴⁷ и, кроме того, брошюру Шэфле «Сущность социализма»¹⁴⁸.

Как раз около этого времени приехал в Россию В. Фрей. Под этим именем жил русский революционер 60-х годов, происходивший из аристократической среды. Настоящая его фамилия была другая, – кажется, Гейнцен¹⁴⁹. Прикосновенный к делу Каракозова¹⁵⁰, он успел спастись за границу и натурализовался в Америке¹⁵¹. Там он организовывал сельскохозяйствен-

издать. Мне тоже этого хотелось, но я не решился бы это сделать, не получив на то разрешения Льва Николаевича. Василий Васильевич разрешил мое сомнение революционным путем. Он попросил у меня позволения переписать для себя. Я дал ему, полагая, что если Лев Николаевич так охотно и без всяких оговорок позволил мне увезти копию, то он не будет против того, чтобы кто-нибудь списал ее у меня. Водовозов взял у меня копию и через несколько дней, возвратив ее, вручил мне уже готовый, прекрасно изданный, литографированный экземпляр, сказав, что статья эта имеет большой успех среди студенчества. Я был смущен и, кажется, написал Льву Николаевичу об этом или сказал при следующем свидании, но он никакого внимания на это не обратил, и с моей души свалился тяжелый камень ответственности за это подпольное издание, сделанное без его ведома, и притом такого произведения, которое он сам не предназначал для печати» (Бирюков П. И. Мои два греха // Л. Н. Толстой. Памятники творчества и жизни. М., 1923. Вып. 3. С. 48–50).

¹³⁹ В рукописи далее зачеркнуто: «отдавал их в переписку, относил в литографию, увозил и прятал отпечатанные листы, затем собирал их в книжки».

¹⁴⁰ Написана в 1882 г. и впервые увидела свет в 1884 г. в женеvском издании М. К. Элпидина под заглавием: «Исповедь графа Л. Н. Толстого. Вступление к ненапечатанному сочинению».

¹⁴¹ Далее зачеркнуто: «Первое время и я делал то же. Но скоро».

¹⁴² Далее зачеркнуто: «в которой брошюровалась “Русская старина”».

¹⁴³ Религиозно-философский трактат, написанный в 1883–1884 гг.

¹⁴⁴ Отрывок из трактата Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?», опубликованный как отдельная статья в журнале «Русское богатство» (1885. Кн. 3).

¹⁴⁵ Глава XVIII из трактата Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?».

¹⁴⁶ Письмо, написанное не ранее 10 декабря 1882 г. и не позднее 20 января 1883 г., впервые было опубликовано как «Письмо к NN графа Л. Н. Толстого» в женеvском издании М. К. Элпидина в 1885 г. и лишь после революции издано в России: Толстой Л. Н. О насилии. (О непротавлении злу злом): письмо к М. А. Энгельгардту. 1882 г. М.: Посредник, 1917.

¹⁴⁷ Возможно, речь идет о кн.: Переписка и личные свидания Вильяма Фрея с Л. Н. Толстым. Б. м., 1886; см. также: Письма В. Фрея к Л. Н. Толстому. Genève: M. Elpidine, 1887.

¹⁴⁸ Сочинение А. Шеффле (A. Schäffle) «Die Quintessenz des Sozialismus», напечатанное в 1874 г. в ежемесячнике «Deutsche Blätter», впервые появилось на русском языке в 1881 г. под заголовком «Сущность социализма» (см.: Шэфле А. Сущность социализма / Пер. с 7-го изд. В. Тарновского [псевд. Г. Г. Романенко], с его предисл. и примеч. П. Лаврова. Женева, 1881), а в 1906–1907 гг. издавалось в России, в том числе под заголовком «Квинтэссенция социализма» (СПб., 1906).

¹⁴⁹ Правильно: Гейнс.

¹⁵⁰ 4 апреля 1866 г. Д. В. Каракозов, который состоял членом тайной революционной организации, возглавляемой его двоюродным братом Н. А. Ишутиным, стрелял в Александра II, но промахнулся, был схвачен и 3 сентября повешен.

¹⁵¹ Вероятно, мемуарист перепутал В. К. Гейнса (В. Фрея), покинувшего Россию в 1868 г., с одним из его сподвижников по русской земледельческой колонии «La progressive» в Канзасе А. К. Маликовым (1839–1904), который, являясь судебным следователем в Псковской губернии, действительно был арестован в мае 1866 г. в связи с делом Каракозова и, оправданный судом, с 1874 г. проповедовал учение о «богочеловечестве», отрицая всякое насилие и призывая к нравственному совершенствованию с целью приближения человека к Богу. В 1875 г. Маликов эмигрировал в Соединенные Штаты, откуда уже в 1878 г., после того как канзасская колония распалась, вернулся на родину (см.: Гордеева И. А. «Забытые люди»: История российского коммунитарного движения. М., 2003. С. 31–36).

ные коммуны¹⁵², а когда ни одна из них не удалась, разочаровался в социализме и пришел – еще до Толстого – к чему-то очень близкому к толстовству, которое и проповедовал на своей новой родине. В 1886 г. он приехал в Россию¹⁵³. Говорят, что полиция знала его настоящее имя и прошлое, но, ввиду полной безобидности проповеди, не трогала его. Он посетил Л. Толстого в Ясной Поляне и написал два открытых письма к нему¹⁵⁴, которые я и издал.

В Москве и Петербурге друзья устроили для него ряд собраний в частных квартирах, на которых он вел свою проповедь. Я был на двух его собраниях в квартире присяжного поверенного Мазараки¹⁵⁵. Говорил он о бесплодности попыток политических преобразований и о необходимости нравственного самоусовершенствования, которое само по себе, без всяких потрясений, приведет к коренному общественному переустройству¹⁵⁶. Говорил он тягуче, нудно, неубедительно. Однако в ту эпоху упадка общественного настроения, после разгрома «Народной воли»¹⁵⁷, он многим нравился, – во всяком случае, собирал публику и вызывал горячие споры. На одном из двух собраний, на которых я присутствовал, против него с блестящей, хотя, быть может, слишком резкой речью выступил проф. Н. М. Коркунов. Он указывал, что нельзя так обособлять этику и социальный строй, как это делает Фрей, и без всяких научных данных говорить о возможности изменений в общественном строе, который ведь развивается по известным законам, изучаемым наукой.

– Вы учитесь по книжкам, а я научился тому, что говорю, из личного опыта, из самой жизни, – возразил Фрей.

– Нет, извините, я тоже не молод (это, пожалуй, было не совсем верно, так как тогда Коркунову было лет 30–35. – В. В.), тоже имею свой жизненный опыт, который никогда не игнорировал, и он-то и научил меня тому, что без науки человечество обойтись не может.

И сам Фрей, и его письма мне очень не понравились, и я очень неохотно согласился на их издание, но издать их очень просил меня Ф. Ольденбург, быстро подружившийся с Фреем и на некоторое время ставший его горячим поклонником. В одном отношении Ольденбург оказался прав: письма Фрея разошлись почти так же быстро, как и сочинения самого Толстого. Я этого не ожидал.

Издания я выпускал в 400 экземплярах (печатать более не бралась литография); выглядели они прекрасно, – не только по сравнению с подобными же партийными изданиями того времени, выпущенными подпольно в России, но даже по сравнению с легальными студен-

¹⁵² Имеются в виду земельные колонии в Канзасе (1871–1877) и Орегоне (1882–1884); см.: *Батурицкий В.* Гейнс // *Русский биографический словарь*. СПб., 1914. Т. 4. С. 355–359; *Полнер Т. И.* Н. В. Чайковский и богочеловечество // *Николай Васильевич Чайковский: религиозные и общественные искания*. Париж, 1929. С. 121–127, 159–161.

¹⁵³ Неточность: В. Фрей приехал в Россию в конце лета 1885 г.

¹⁵⁴ Вслед за письмом Фрея из Петербурга от 5 сентября 1885 г., полученным Л. Н. Толстым и широко распространявшимся в копиях, последовало обширное «Дополнение» от 3 ноября, в котором В. Фрей рассказывал о беседах с писателем 7–12 октября в Ясной Поляне и своих надеждах на присоединение его к сформулированной позитивистом Огюстом Контом «религии Человечества». Посетив Москву в начале декабря, Фрей обратился к Толстому со вторым письмом, от 10 декабря, дискутируя с его трактатом «Так что же нам делать?», а перед отъездом в Англию, 26 февраля 1886 г., написал ему третье послание.

¹⁵⁵ В. В. Водовозов упоминается в числе оппонентов В. Фрея, «настаивавших на активной борьбе со злом, ясно разумея под ним существующий политический режим», на собрании в квартире М. И. Свешникова (*Чеботарев И. Н.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове и петербургском студенчестве 1883–1887 гг. // *Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.* М.; Л., 1927. С. 246).

¹⁵⁶ А. А. Корнилов указывал, что в поисках идеала социальной правды В. Фрей пришел к мысли «о необходимости связать реформу социального строя с этическими и религиозными началами», проповедуя «религию Человечества», сущность которой заключается «в сознании себя частью великого, прекрасного и бесконечного существа – Человечества в его прошлом, настоящем и будущем», а мораль – в известной позитивистской «молитве» или формуле: «Порядок как основание, любовь как принцип, прогресс как цель; жить для других, жить открыто» (*Корнилов А. А.* Указ. соч. С. 66, 68).

¹⁵⁷ Партия «Народная воля», созданная в 1879 г. после раскола народнического общества «Земля и воля», организовала 1 марта 1881 г. убийство императора Александра II и была фактически полностью разгромлена к весне 1883 г.

ческими изданиями лекций¹⁵⁸; конечно, это не был позднейший печатный шрифт пишущих машин, но вполне четкий и очень изящный почерк (особенно в некоторых книжках). Книжки были очень чисто отпечатаны, очень аккуратно сброшюрованы и обрезаны¹⁵⁹.

Все шло прекрасно. Старушка Грובה брала со студентов за литографирование лекций, при большом числе экземпляров, 2–2½ копейки с листа, с меня – 6 копеек (с ее бумагой); расплачивался я всегда аккуратно, не задерживая платежа ни на один день, и она постоянно выражала мне полнейшее довольство мною.

– Уж так я вам благодарна, так благодарна. Благодаря вам я заказала новый литографский камень¹⁶⁰, из долгов вылезла. Только и боюсь я. Уж вы меня не подведите! Племянник у меня живет, – очень боюсь, как бы не донес. И рабочих боюсь. Только двум я доверяю (у нее их было, помнится, пять или шесть. – В. В.), с ними я и работаю. Всегда по ночам; запираюсь, занавески спускаю и чтобы к утру все чисто было. А то далеко ли до греха: инспектор ходит, смотрит. Студенты ходят и всё любопытствуют, как их лекции на камне выходят. Нужно, чтобы камень к утру был чист. Не подведите вы меня, Василий Васильевич!

Кармалина была особой другого сорта. Это была старая дама, дальняя родственница, что-то вроде троюродной сестры, М. И. Семевского¹⁶¹. У М. И. Семевского были сильно развиты родственные чувства; всякие двоюродные и троюродные кузины всегда вертелись около него в качестве приживалок и получали от него всяческие услуги, нередко – и маленькие пенсии. М. И. Семевский приспособил Кармалину к брошюровочному делу, помог ей открыть мастерскую, сдавал ей в брошюровку свою «Русскую старину» и познакомил с другими издателями. Дело у нее шло недурно, – исполняла свою работу удовлетворительно, вечно просила авансов и притом старалась иметь вид, что она – особа интеллигентная, служащая делу просвещения ради идеи. Познакомился я с нею через М. И. Семевского и предложил ей работу, предупредив о ее нелегальном характере, о сопряженной с нею ответственности, о необходимости крайней осторожности и тайны, но за то пообещав двойное вознаграждение против обычного. Она охотно согласилась.

– Вы не беспокойтесь, Василий Васильевич, – говорила она, – если я попадусь, я ни за что вас не выдам, ни за что на свете; пусть делают со мной что хотят, хоть в тюрьме, хоть в Сибири сгноят. Мне что, я – старуха, все равно помирать надо, а вам еще жить да жить.

При всей моей молодости я этим обещаниям не верил и говорил ей:

– Простите, Клеопатра Федоровна, я не очень уверен в том, что вы сдержитесь; как посадят в тюрьму, так не выдержите долго. Но я прошу вас только об одном: если будете иметь

¹⁵⁸ Об издании студентами лекций профессоров см.: *Глинникова С. В.* С дозволения профессора: в ходу – литографированные лекции // *Мир библиографии.* 2012. № 1. С. 22–28; *Зайцева А. В.* Из истории издания учебной литературы в России // *Высшее образование в России.* 2014. № 8/9. С. 136–138.

¹⁵⁹ Все или большинство этих изданий имеются в Толстовском музее в Петербурге.

¹⁶⁰ Отшлифованная пластина известкового камня, на которую с помощью литографского карандаша или литографской туши наносится изображение для печати.

¹⁶¹ Мать В. В. Водовозова, Елизавета Николаевна, вспоминала: «Кармалина, двоюродная сестра Семевских (исполнявшая кой-какие работы у М[ихаила] И[вановича]), а затем и секретарские обязанности в журнале “Русская старина”), была особою, в которой уживались самые противоположные качества ума и сердца: прямая, неглупая от природы, порядочно образованная, она в то же время отличалась полною бестактностью и необыкновенными чудачествами; многие, совершенно несправедливо, считали ее даже нравственною и умственною тупицею. Люди, поручавшие ей какую-нибудь работу, говорили о ней как об особе добросовестной, работающей, но шалой. Она то забывала прийти к работодателю в назначенный срок, то теряла данную ей для переписки рукопись или книгу и, по ее же словам, только потому, что она неожиданно для себя торопливо собралась в цирк посмотреть представление циркового наездника с выдрессированными собаками, обезьянами или другими животными. Самою выдающеюся чертою ее характера было хроническое безденежье; она занимала направо и налево, у всех, кто попадался на глаза. Даже при желании уплатить свой долг она никогда не могла этого сделать. Как только она получала плату за труд, она накупала множество безделушек и опять оставалась без денег. Она никому не умела внушить уважения, а ее двоюродные братья Семевские относились к ней с нескрываемым презрением. Только Василий Иванович жалел ее, обращался с ней дружески и находил, что она просто несчастный и взбалмошный человек» (*Семевская Е. Н.* Василий Иванович Семевский // *Голос минувшего.* 1917. № 9/10. С. 61). О Кармалиной см. также: *Водовозова Е. Н.* Из недавнего прошлого // Там же. 1915. № 1. С. 167–168.

какую-нибудь возможность предупредить меня об обыске у вас, то сделайте это. А главное, старайтесь не попасться. Держите листы так, чтобы никто из рабочих не мог их прочитать, а когда будете работать над ними, то работайте скорее и скорее сдавайте мне.

Если в отношениях с литографией и переплетной я вел себя еще сравнительно осторожно (скорее, впрочем, в своих обращаемых к ним советах и требованиях, чем в собственных поступках), то при распродаже я осторожности совсем не проявлял. Я приносил изданные мною книжки в университет целыми пачками и чуть не на глазах инспекции продавал их знакомым и полужнакомым и даже вовсе не знакомым студентам, и я сам теперь не понимаю, как это сходило мне с рук целых два года. Мои товарищи – братья Ольденбурги, Шаховской и другие – брали у меня десятки экземпляров и так же их благополучно распродавали. Издание в 400 экземпляров обыкновенно расходилось в несколько недель без остатка. Назначая продажную цену книжек приблизительно по 12–14 копеек за лист в 16 страниц довольно большого формата, я вполне покрывал свои издержки и даже составил маленький капитал, который мечтал употребить на расширение своего издательства.

К более крупному изданию я и приступил во второй год моего издательства. Это был перевод книги проф. Туна «История революционных движений в России» (A. Thun. Geschichte der Revolutionären Bewegungen in Russland). Книга эта, принадлежавшая перу балтийского немца, ставшего профессором во Фрейбурге, вышла в Германии года за три перед этим¹⁶². В России она была запрещена, но в обществе и в особенности в радикальных кругах обратила на себя сразу большое внимание, несмотря на свои очень и очень крупные недостатки. Первые главы этой книги, в которых излагалась история декабристов и петрашевцев, совершенно компилятивны, поверхностны, даже бессодержательны. Главная часть книги, посвященная революционному движению 60-х и особенно 70-х и начала 80-х годов, тоже особенной глубиной и серьезностью не отличалась. Автор пользовался главным образом русской зарубежной литературой, порядочная коллекция которой была в его распоряжении. Пользовался он также осведомлением со стороны нескольких своих знакомых революционеров, всего более – Дейча, но недостаточно знал литературу, выходившую в самой России. А между тем в России подпольно выходили очень важные для истории революционного движения журналы: «Земля и воля»¹⁶³, «Народная воля»¹⁶⁴ и другие. Совершенно не пользовался даже русскими легальными газетами, в которых, помимо других фактических сведений, мог бы найти отчеты о политических процессах, до 1881 г. печатавшихся хотя и с существенными цензурными пометками, но все же довольно полно, а они представляли собою богатый материал для его темы. Частных промахов у Туна было очень много, и это я знал уже тогда. Но все-таки книга Туна была единственным систематическим изложением истории революционного движения за 25 лет; все же там, для большинства русского общества того времени – только там, можно было почерпнуть знакомство с программами и идеологией различных революционных кружков за последнюю (тогда) четверть века, с их разногласиями и спорами, с их деятельностью и гонениями, которым они подвергались.

Период, когда я занимался своим издательством, был периодом правительственной и общественной реакции; революционные организации после 1 марта 1881 г.¹⁶⁵ и предательства Дегаева¹⁶⁶ были разгромлены, почти все сколько-нибудь деятельные революционеры казнены

¹⁶² Книга А. Туна «История революционных движений в России» вышла в 1883 г. в Лейпциге.

¹⁶³ «Земля и воля» (Петербург; 1878–1879) – газета с подзаголовком «Социально-революционное обозрение», нелегальный орган революционно-народнического общества с тем же названием; вышло пять номеров; в марте – апреле 1879 г. издавались также «Листки “Земли и Воли”» (№ 1–6).

¹⁶⁴ См.: В[одовозов] В. Народная Воля – партия и журнал // Энциклопедический журнал Брокгауза и Ефрона. Доп. Т. 2. С. 239–240.

¹⁶⁵ 1 марта 1881 г. народоволец И. И. Гриневский смертельно ранил императора Александра II, бросив в него бомбу.

¹⁶⁶ Завербованный в 1882 г. инспектором Петербургского охранного отделения подполковником Г. П. Судейкиным, С. П.

или арестованы, и в революционном движении было затишье. Но вряд ли многие думали, что оно совершенно убито. Напротив, и в радикальных, и в либеральных, и даже в консервативных кругах общества жило убеждение, что революционное движение в недалеком будущем возродится с новой силой, и интерес к его истории был очень велик.

С самим Альфонсом Туном я имел случай лично познакомиться во время моего первого самостоятельного путешествия за границу в 1884 г. Его книгу я тогда же купил и привез домой. При всех ее недостатках она несомненно удовлетворяла тем требованиям, которые я предъявлял к книгам, чтобы включить их в число издаваемых мною, и решился приступить к ее переводу и изданию. И действительно, интерес, возбуждаемый ею, был настолько велик, что и после меня различными группами молодежи в разных местах России было сделано несколько попыток издать ее нелегальным способом; сколько я знаю, ни одна из них не увенчалась успехом.

Почти через два десятилетия, в 1905 и 1906 гг., когда цензурные условия сильно изменились к лучшему, эта самая книга появилась, уже легально, в нескольких различных русских изданиях¹⁶⁷; из них мне известны целых три издания: одно – социал-демократическое, с примечаниями и дополнениями Плеханова, Дейча и др.¹⁶⁸, другое – эсеровское, тоже с дополнениями и примечаниями¹⁶⁹, третье – без примечаний¹⁷⁰. А между тем к этому времени была опубликована масса нового материала по истории революционных движений, книга Туна уже сильно устарела, и ее недостатки были еще заметнее, чем в мое время.

К решению издать эту книгу я пришел в начале 1886 г. Я сообщил о нем в нашем товарищеском кружке и встретил в большинстве его членов несочувствие. Шаховской не интересовался книгой Туна и не видел особенной общественной надобности в ее переводе. Другие признавали интерес книги, но указывали на ее значительный объем и связанный с объемом риск. Гревс острил, что мои силы пропадут втуне. Братья Ольденбурги и особенно Сергей решительно отговаривали меня. Но я настоял на своем, и тогда мои друзья все же согласились помогать мне и исполнили это с большой горячностью, особенно С. Ф. Ольденбург и А. С. Зарудный, которые вместе со мною проредактировали часть перевода. Ольденбург так мотивировал при этом свое поведение, которое многим казалось непоследовательным: он считает издание книги Туна делом опасным и вместе с тем не настолько общественно важным, чтобы стоило его предпринимать; но раз ему, несмотря на все усилия, не удалось отговорить меня, то он считает нужным помочь мне, чтобы облегчить мой труд и, насколько возможно, ослабить его риск.

Само собою разумеется, что я никакой непоследовательности в этом не видел и от души был благодарен Сергею Ольденбургу. И в своем отношении к моему предприятию он был чрезвычайно выдержан и систематичен. Когда в ноябре 1886 г. г. Ульянов и его группа затеяли демонстративную панихиду по Добролюбову (по случаю 25-летия его смерти)¹⁷¹ и в нашем дружеском кружке обсуждался вопрос об участии в ней, причем я заявлял о своем желании

Дегаев выдал полиции многих народовольцев.

¹⁶⁷ См.: Водовозов В. [Рец. на кн.:] Тун А. История революционных движений в России. С. 307–314.

¹⁶⁸ См.: Тун А. История революционных движений в России / Пер. Веры Засулич, Д. Кольцова и др. [СПб.]: «Библиотека для всех», [1906].

¹⁶⁹ См.: Тун А. История революционного движения в России / Пер. с нем. под ред. и с примеч. Л. Э. Шишко. СПб.: Земля и воля, [1906?].

¹⁷⁰ См.: Тун А. История революционных движений в России. М.: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1905; *Он же*. История революционного движения в России. Ростов-на-Дону: Донская речь, [1906].

¹⁷¹ Имеется в виду студенческая манифестация, организованная 17 ноября 1886 г. с целью отслужить панихиду по Н. А. Добролюбову на Волковом кладбище, которая была разогнана, а почти 40 ее участников задержаны полицией; возмущенный «грубым деспотизмом» правительства, которое «не стесняется соблюдением хотя бы внешней формы законности для подавления всякого открытого проявления общественных симпатий и антипатий», А. И. Ульянов призывал противопоставить «грубой силе» властей «тоже силу» (Прокламация, написанная и гектографированная Александром Ильичом Ульяновым по поводу разгона Добролюбовской демонстрации 17 ноября в Петербурге // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 355–357).

пойти на нее, то именно Ольденбург не то что убеждал меня, а прямо требовал не делать этого, так как иначе я рисковал погубить свое издание. И я подчинился.

Из других членов нашего кружка С. Е. Крыжановский указал мне на некоторые любопытные материалы для истории русского революционного движения, появившиеся в польском журнале «Przegląd Społeczny», и так как я совершенно не знал польского языка, то перевел их мне по-русски¹⁷². Я собирался поместить их в приложении к книге Туна.

Задача перевода на русский язык осложнялась и затруднялась тем, что книга была переполнена цитатами из русских источников, приведенными, конечно, по-немецки. Неудобно было обратно переводить их с немецкого; надо было цитировать их по подлиннику, но подлинник – русские заграничные журналы и подпольные листки – был запрещен, и доставать его было не легко. Поэтому все же чаще приходилось переводить, чем восстанавливать по подлинному тексту. И помню, что часто, очень часто, стремясь по догадке восстановить русский текст, я оказывался бессилем сделать это. До сих пор у меня в памяти, как, найдя в цитате из одного русского нелегального журнала жалобу на то, что благодаря собственной неосторожности революционеры попадают и оставляют *corpus delicti*¹⁷³, мы вдвоем с С. Ф. Ольденбургом и А. С. Зарудным ломали голову над переводом этого выражения и в конце концов оставили его в его латинской форме, хотя чувствовали в ней что-то неладное. А много лет спустя я имел случай прочитать подлинник и убедился, что здесь стояло «с поличным». Помню также случай, как, найдя в немецкой транскрипции фамилию революционера Hamkrelidse, нам тогда незнакомую, мы усомнились, как нужно писать ее по-русски. Зарудный и я думали: Гамкрелидзе (мы были правы), а Ольденбург настаивал на том, что если бы он действительно был Гамкрелидзе, то Тун написал бы Gamkrelidse. Ольденбург был очень настойчив и, как ни дико звучала для нашего уха фамилия Хамкрелидзе, переспорил нас обоих.

Чуть не с первых страниц работы я заметил, что промахи Туна значительнее, чем мне казалось раньше, и что они объясняются не только недостатками его материала, но также или неполным знанием русского языка, или значительной небрежностью при пользовании его источниками, и что у него встречаются значительные недоразумения даже там, где он просто излагает или цитирует русский источник. Поэтому я решил снабжать книгу своими примечаниями, в которых я исправлял ошибки автора или пополнял его. Понемногу эти примечания стали разрастаться, и мне пришлось выделить их в «приложения», и не очень большая книга, листов в двадцать, все более пухла, грозя обратиться в нечто очень солидное. К участию в ней приходилось привлекать все новых лиц. Так я привлек к нему Лидию Карловну Давыдову (дочь композитора и виолончелиста К. Ю. Давыдова, впоследствии жену М. И. Туган-Барановского, умершую около 1900 г.), в то время молодую барышню, с которой, равно как и со всей семьей Давыдова, я был хорошо знаком. Она по моей просьбе перевела несколько глав из книги Туна. Часть книги перевела Наталья Егоровна Вернадская, жена В. И. Вернадского (впоследствии известного минеролога, академика).

Большой ошибкой моей было то, что я приступил к литографированию, когда перевод, редакция и приложения к книге были не только не закончены, но едва начаты. Мне не хотелось оставлять литографию Гробовой без моей работы, так как я боялся, что ее у меня перехватят, а вместе с тем надеялся, что при разделении труда по переводу буду поспевать за литографией,

¹⁷² Ср.: «Мне помогали в моей работе (переводе и составлении примечаний) очень и очень многие лица; из них некоторые в настоящее время отряхли прах юношеского радикализма от ног своих и оказались в том лагере, из которого может изойти разве гонение на свободную мысль, а никоим образом не желание распространить ее в обществе. Одним из людей, оказавших мне при этом издании большие услуги, был С. Е. Крыжановский, тогда еще мой товарищ по университету, впоследствии директор одного из департаментов Министерства внутренних дел и один из верных сподвижников покойного В. К. Плеве, ныне даже товарищ министра внутренних дел, вполне достойный своего шефа. С. Е. Крыжановский для приложения к Туну перевел с польского из какого-то нелегального журнала несколько отрывков, касавшихся истории русского революционного движения» (Водовозов В. [Рец. на кн.:] Тун А. История революционных движений в России. С. 308).

¹⁷³ состав преступления (лат.).

которая ведь не могла печатать более двух листов в неделю. Но в этом я ошибся, – тем более что сделал еще другую, роковую ошибку.

Осенью 1886 г. я неожиданно получил письмо от П. А. Гайдебурова, редактора «Недели», весьма популярного тогда в среде провинциальной интеллигенции и мелкой буржуазии еженедельного журнала. Он предложил мне участие в нем, притом сразу давал мне ведение иностранного отдела¹⁷⁴.

С Гайдебуровым до того знаком я не был (если не считать того, что он был довольно частым посетителем в семье моего отца в очень давние годы и знал меня, когда мне было лет 9–10). Обратился же он ко мне потому, что ему рекомендовал меня его близкий сотрудник и мой хороший знакомый Я. В. Абрамов, известный в 80-х годах публицист ультранароднического направления, позднее, в 90-х годах, прославившийся проповедью «малых дел».

Соблазн для молодого человека, еще не выступавшего в печати, был очень велик, и я не мог от него удержаться. Поэтому с ноября 1886 г. я стал политическим хроникером «Недели». Перечитав много лет спустя свои обозрения¹⁷⁵, я убедился, что был очень плохо подготовлен к своему новому амплу, и нашел в своих статьях массу грубых, непростительных ошибок, которых, однако, Гайдебуров не замечал.

Но, как бы то ни было, мои обозрения в «Неделе» требовали усиленного труда и времени; занятия в университете шли своим чередом, и на Туна оставалось все меньше и меньше времени. И если это не отражалось на качестве перевода, над которым я работал вовсю, то отражалось на том, что я затягивал работу и все меньше и меньше обращал внимания на обязанности конспирации.

И гроза разразилась.

Собственница брошюровочной мастерской Кармалина рассчитала одного из своих рабочих. Тот отомстил доносом в полицию, что она брошюрует нелегальные книги. В ночь на 25 февраля 1887 г. у нее был сделан обыск, и все напечатанные листы Туна – их в это время было уже около 20 – найдены в неприкосновенном виде¹⁷⁶.

По какой-то непонятной для меня причине Кармалина не была сразу арестована и утром 25 февраля пользовалась полной свободой (возможно, конечно, что за ней ходили сыщики), но не сделала ни малейшей попытки предупредить меня. Часов в 12 утра она была арестована и с

¹⁷⁴ 24 октября 1886 г. П. А. Гайдебуров пишет 22-летнему студенту: «Любезнейший Василий Васильевич, я хотел бы предложить Вам одну журнальную работу (периодическую), вполне, как мне кажется, подходящую к Вам. Если Вы в принципе не против таковой, потрудитесь побывать у меня или около 12 часов, или между 7 и 8. Весь Ваш, П. Гайдебуров». 4 ноября редактор «Недели» снова обращается к юноше: «Будьте добры, любезный Василий Васильевич, известить меня, на чем Вы остановились относительно моего предложения, и если решили его принять, то когда именно думаете приступить к делу». 5 ноября Водовозов ответил: «Многоуважаемый Павел Александрович. За предложенную Вами работу я решился взяться, но приняться за нее раньше декабря я никак не могу. Кое о чем мне необходимо было бы с Вами переговорить лично; поэтому я просил бы Вас назначить мне дни и часы, в которые я мог бы зайти к Вам, не потревожив Вас». На это Гайдебуров отвечает: «В воскресенье утром я обыкновенно дома, любезнейший Василий Васильевич». А уже 6 декабря, советуясь с начинающим журналистом относительно того, какие зарубежные издания надо для него выписать, Гайдебуров напоминает: «Значит, Вы к следующему номеру составите Политическую хронику. Если же Вам попадется что-нибудь интересное вне этой рубрики, то можете, если пожелаете, сделать отдельную заметку, – хотя лучше бы на первое время сосредоточиться на политике» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2115. Л. 1, 3, 5, 10, 20).

¹⁷⁵ См., например: [Водовозов В. В.] Политические известия // Неделя. 1886. № 50–52; 1887. № 1–8; *Он же*. Международные отношения в 1886 г. // Там же. 1887. № 1.

¹⁷⁶ В ходе обыска в переплетной мастерской в доме № 11 по Большой Итальянской улице полиция изъяла 97 готовых брошюр А. Шеффле «Сущность социализма» и 320 экземпляров еще не сшитой, обрывавшейся на 192-й странице книги А. Туна «История революционных движений в России». Автор предисловия к книге указывал, что, изданная весной 1883 г., она является уже «несколько устаревшей», поскольку революционное движение «не прекратилось», появились «новые подпольные журналы, брошюры и прокламации», но обещал исправить этот недостаток за счет приложения и подстрочных примечаний к тексту, подчеркивая, что работа Туна остается «до сих пор единственной в своем роде», ибо «обстоятельно и беспристрастно передает события борьбы между правительством и группой радикалов», описывая «смену направлений в среде самих революционеров». Полиция обнаружила и часть листов упомянутого приложения, включавшего программу, воззвания и прочие документы партии «Народная воля» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 9–12).

первых же слов на допросе в охранном отделении назвала мою фамилию¹⁷⁷. Дня через два она была выпущена, и даже мастерская ее не была закрыта. Но, возмущенный доносом на меня, М. И. Семевский взял у нее «Русскую старину» и отказал ей в пенсии; еще кто-то из издателей отказал ей в работе, и ей пришлось самой закрыть свою мастерскую. Она сильно бедствовала и года через три умерла. Я, со своей стороны, ничего другого от нее не ожидал, совершенно на нее не сердился и даже сожалел, что М. И. Семевский нанес ей из-за меня такой тяжелый удар. Предупредить его, однако, я не мог, так как в то время сидел в тюрьме.

Итак, гроза разразилась.

Как уже сказал, заваленный срочной работой, я последнее время совершенно пренебрегал требованиями конспирации и застигнут был с поличным. Впрочем, конспирация вообще не в моем характере. У меня были найдены экземпляры всех моих изданий, в том числе неоконченного Туна, и рукописи переводов, между прочим – Давыдовой, Вернадской и Крыжановского; некоторые из них были уже переписаны для литографии и даже отпечатаны, так что хранить их не было никакой надобности, а я просто забывал их уничтожать. Найдены также различные нелегальные издания и – что всего хуже и непростительнее – куча различных писем и записок, хранить которые тоже не было никакой надобности. Обыск продолжался часов до семи, главным образом в моей комнате; во всех остальных он был произведен совершенно поверхностно, чуточку тщательнее – в комнате моего брата Николая, тогда – гимназиста VI класса.

В моей комнате обыск производил жандармский офицер; частный пристав обыскивал остальные комнаты¹⁷⁸ и только по окончании этой работы пришел на помощь жандарму. Начал обыск жандармский офицер с большим рвением, внимательно просматривая и даже прочитывая каждую бумажку. Но так как у меня были два стола, в каждом – по два ящика и в ящиках – масса бумаг и, увы, далеко не в идеальном порядке, то часа через два он устал и в дальнейшем просматривал бумаги все поверхностнее и поверхностнее, иногда отбрасывая или не замечая таких, какие, с его точки зрения, могли представлять значительную цену. Зато он отбирал целые кипы бумаг, с его точки зрения, совершенно не нужных. Но всего интереснее, что, осмотрев в общем внимательно четыре ящика столов, он забыл посмотреть на столах или, по крайней мере, на одном из них, а там лежала рукопись очередной главы Туна в большом конверте с именем и адресом моей переписчицы и даже с набросанным на конверте планом двора ее дома. Эту рукопись я только что перед тем дал Ольденбургу, который взялся занести ее переписчице и для которого был нарисован план ее двора, чтобы избавить его от необходимости расспрашивать дворника. Выходя от меня, Ольденбург держал конверт в руках и, вернувшись по требованию офицера в комнату, положил его на стол¹⁷⁹. Жандарм, по счастью, не

¹⁷⁷ Ср.: «Дворянка, дочь поручика Клеопатра Федорова Кармалина, 60 лет, [показала], что Василий Водовозов, с которым она познакомилась, бывая в доме его родителей, в мае 1886 г. принес к ней для брошюровки 350 экземпляров сочинения графа Толстого “О деньгах”. Работу эту она приняла и по окончании передала Василию Водовозову. Затем, в октябре того же года, Василий Водовозов, зайдя к ней, предложил принять для брошюровки 350 экземпляров сочинения Шефле “История революционных движений в России” и столько же экземпляров “Приложений” к этому сочинению, добавив, что сочинения эти доставит ей какая-то женщина. На вопрос, не заключают ли в себе сочинения эти чего-либо запрещенного, Водовозов заявил ей, что книги эти не заключают в себе ничего преступного, а составляют только литографированные переводы старых немецких сочинений. Поверив Водовозову, она согласилась принять работу, догадываясь, впрочем, что переводы эти – нецензурные, но не предполагая в них, однако же, ничего преступного. После этого, в течение времени с октября до января 1887 г., какая-то неизвестная ей пожилая женщина доставила к ней 16 связок литографированных листов; из них 350 экземпляров сочинения Шефле она, обвиняемая, сброшюровала, передавая по мере изготовления Водовозову, которому, таким образом, отдала 250 экземпляров; другое же сочинение (“История революционных движений в России”) осталось несброшюрованным, так как Водовозов не доставил ей окончания этого сочинения, обещая прислать в феврале, почему оно и обнаружено при обыске несброшюрованным» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 15).

¹⁷⁸ Квартира матери В. В. Водовозова, состоявшая из семи комнат, располагалась на двух этажах, соединенных внутренней лестницей, что было тогда редкостью в Петербурге и немало озадачивало полицию (см.: Водовозова Е. Н. Из недавнего прошлого // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 166).

¹⁷⁹ А. А. Корнилов утверждал, что С. Ф. Ольденбург «лишь случайно уцелел тогда, при катастрофе, постигшей Водово-

обратил на это внимания. Эта его оплошность, спасшая от привлечения к моему делу двух человек, была для меня великим счастьем. Вернувшийся с обыска в других комнатах пристав в то же время осмотрел мою библиотеку, для студента – весьма значительную, и извлек и показал жандарму какую-то немецкую книжонку Лассалья, от которой тот только досадливо отмахнулся рукою, и не заметил неподалеку стоящего Собрания сочинений Герцена в заграничном издании и ряд томов Чернышевского¹⁸⁰. Затем они вместе пошарили на полках позади книг, но только на высоте своего роста; нагнуться, чтобы осмотреть таким же образом нижние полки, или влезть на лестницу, чтобы осмотреть верхние, они поленились. А там как раз оставались запакованные пачки еще не распроданных экземпляров Шэфле.

На основании своих наблюдений над поведением жандармского офицера я создал свою теорию психологии обыска, и так как всю свою остальную жизнь я прожил в ожидании возможного обыска, то на ней до некоторой степени построил и свое поведение. Запретные книги, если они не имели очень бросающегося в глаза внешнего вида, я просто ставил в общий ряд с другими книгами, только – на самых верхних или нижних полках; нелегальные листки я вставлял между листами неразрезанных книг; иногда при этом забывал, каких именно, и не мог найти их, когда они были нужны, и находил совершенно случайно через многие годы. Некоторые вещи – револьвер, а в большевицкие времена – запасы сахара, чая, мыла, – позади книг на верхних или нижних полках. Но, главное, я не уничтожал ни одного черновика своей статьи, сданной в редакцию и даже напечатанной, вообще ни одной бумажки, если только был уверен в ее полной политической невинности. Благодаря этому у меня всегда бывали груды совершенно ненужного бумажного хлама. Все наиболее ценное, что я особенно не желал видеть в жандармских руках, я клал под груды старого ненужного бумажного хлама. Таким образом моя теория дала для меня самого оправдание той неряшливости по отношению к своим бумагам и столам, которая и раньше была чертой моего характера, и некоторый козырь в спорах с женою, которая постоянно попрекала меня ею. И моя теория многократно и при царе, и при большевиках подвергалась жизненной проверке и каждый раз выходила оправданной. При последующих обысках у меня ничего не находили, хотя почти всегда что-нибудь неудобное найти было можно.

На этот раз жандарм уехал с богатой добычей; он запаковал три или четыре больших пакета рукописей и книг¹⁸¹.

По окончании обыска жандарм составил протокол. По какой-то неожиданной для меня снисходительности он, осведомившись у Ольденбурга о фамилии и звании и узнав, что тот оставлен при университете по кафедре санскритского языка, сказал:

– Я вас не стану заносить в протокол.

Это, конечно, и для меня, и для него было очень приятным сюрпризом.

Затем жандарм позволил мне пообедать и проститься наедине с матерью и семейными и увез меня на извозчике вместе с пакетами в охранное отделение на Гороховой, здание, в котором впоследствии мне не раз приходилось бывать как в царские, так и в большевицкие времена. Несмотря на то что я попался на занятии историей революционного движения, что с тюрьмой, арестом и обыском я был в теории прекрасно знаком, несмотря на это, я был практически настолько неопытен, что не взял с собой ни подушки, ни чая, ни чего-нибудь съедобного; только смену белья дала мне мать.

зова», ибо «благодаря находчивости присутствовавшего при обыске отчима Водовозова, В. И. Семевского, успел освободиться от листа только что принесенной им рукописи, находившейся в момент прибытия жандармов у него в боковом кармане» (Корнилов А. А. Указ. соч. С. 77).

¹⁸⁰ См.: Сочинения А. И. Герцена. Т. 1–10. Genève; Bale; Lyon, 1875–1879; Сочинения Н. Чернышевского. Т. 1–[5]. Vevey, 1867–1870.

¹⁸¹ В рукописи далее зачеркнуто: «Великим счастьем для меня было то, что он не взял очередной главы Туна с адресом переписчицы, и переписчица не была привлечена к делу. Не захватил он случайно и одной записки Вернадской, которая, сама по себе невинная, могла бы сыграть ту же роль, что и записка Давыдовой».

В охранном отделении меня заставили прождать довольно долго. Было восемь или девять часов вечера. Я никогда в последнее время не ложился спать ранее двух часов ночи, но тут вследствие обилия впечатлений и переживаний почувствовал страшное утомление; сон клонил меня. Я не мог противиться этому позыву; за отсутствием в комнате дивана я сдвинул несколько стульев, положил вместо подушки шубу и крепко заснул.

Прошло с полчаса. Раздался звон шпор (а может быть, шпор и не было и я слышал их во сне), и я проснулся. Властным голосом меня потребовали в соседнюю комнату, и там кто-то в жандармском мундире подверг меня первому допросу.

Я признал, что все найденные у меня вещи найдены действительно у меня и принадлежат мне и что я действительно издавал литографским образом и Толстого, и Шэфле, и, главное, Туна.

– Где вы их литографировали?

– К сожалению, я не могу этого сказать.

– Где брошюровали?

– Тоже не могу сказать.

– Кто вам помогал в издании?

– Никто, я сам все делал.

– В таком случае я должен буду вас заключить в Дом предварительного заключения¹⁸², где вы на досуге обдумаете, выгодно ли вам ваше укрывательство.

Затем меня отвели в прежнюю приемную и, как это ни странно, со мной, несмотря на глубокое, пережитое мною волнение, повторилась прежняя история: я лег на стулья и снова крепко уснул. Не хочу сказать, чтобы я был спокоен, не волновался, не мучился, не боялся. Напротив, все эти человеческие чувства мною владели в полной мере. Сердце мучительно сжималось и колотилось; голова была полна тягостных мыслей о своем будущем и о том, что я погубил или могу погубить кое-кого из друзей или посторонних¹⁸³, и, несмотря на все эти переживания, мне больше всего хотелось спать. И я крепко спал.

Около часа ночи меня разбудили и отвезли в Дом предварительного заключения на Шпалерной. Массивная железная решетчатая дверь с лязгом открылась, чтобы принять меня, и захлопнулась за мною.

«Отсюда не убежишь!» – сразу мелькнула у меня мысль, хотя ни раньше, ни позже о побеге не думал.

Захлопнулась дверь, и я сразу почувствовал себя отрезанным от всего мира.

В канцелярии Дома меня подвергли новому личному, особенно оскорбительному, обыску с раздеванием, отобрали цепочку от часов (часы оставили), отобрали деньги, в которых дали расписку, и отвели в камеру в пятый этаж. Не осмотревшись даже в ней, наскоро раздевшись, я завалился на кровать и опять крепко заснул.

¹⁸² Дом предварительного заключения на Шпалерной – следственная тюрьма, открытая в 1875 г. и примыкавшая к зданию Петербургского окружного суда.

¹⁸³ В рукописи далее зачеркнуто: «которых я губить тем менее желал, чем менее было их нравственное участие в моем деле: собственницу типографии Гробову, собственницу брошюровочной Кармалину (о чьей роли в моем деле я тогда еще не знал)».

Глава II. Тюрьма

Потекли скучные, однообразные тюремные дни. Первые дни, впрочем, были не столько скучны, сколько мучительны. Приходилось¹⁸⁴ переживать мучительную мысль о совершенных ошибках. Потерян университет, потеряна надежда на профессию, к которой я стремился. Будущее рисовалось очень мрачно. Всего более, однако, мучила мысль о предстоящем допросе.

В 6 часов утра разбудили уголовные, которые вошли в камеру, чтобы очистить клозет. В 7 часов вторично разбудил надзиратель, принеся кипяток. Но чайника не было; на двух вделанных в стену железных полочках стояли только две почерневшие грязные оловянные тарелки, такие же ложка, миска и кружка. Пришлось вылить кипяток в эту последнюю, но воспользоваться им не удалось: не было ни чая, ни сахара. Я огляделся. Из окна, маленького, грязного, устроенного выше моего роста, с железной решеткой, тускло виднелся кусочек мрачного февральского неба. Обратил внимание на толщину стены.

«Прочная, – подумал я, – долго простоит; много понадобится усилий, чтобы ее разбить».

Я вспомнил один мой разговор, года за два перед тем. В мае 1885 г., по случаю окончания курса, большей частью моих университетских друзей в квартире нашего товарища М. И. Свешникова была устроена дружеская вечеринка.

Речь зашла о предстоящей революции. Я, один из всех, доказывал неизбежность и даже известную близость таковой.

– Лет через тридцать, не больше, должна вспыхнуть революция, – говорил я. – На больший срок не хватит самодержавного режима, слишком он всем ненавистен, слишком гнетет народ.

– Ты Россию знаешь только по книгам да революционным листкам, – возражал мне А. Н. Краснов (впоследствии профессор ботаники в Харькове, умерший около 1915 г.), – а я ее всю исколесил и ручаюсь тебе, что и двухсот лет мало, чтобы пробить толщу невежества и дикости, которую обросла русская деревня.

– Вы оба говорите вздор, – возразил нам обоим Федор Ольденбург. – Что будет через тридцать лет, никто не знает и знать не может. В наше время технического и экономического прогресса тридцать лет – слишком большой срок, чтобы можно было за него что-нибудь предсказывать. Такие перемены могут произойти, о которых теперь ровно ничего сказать нельзя. А уж через двести лет – и подавно.

Из нас трех прав, конечно, был Ольденбург. Но любопытно, что назначенный мною срок, для назначения которого у меня, конечно, не было решительно никаких оснований, исполнился почти точь-в-точь, хотя революция предстала совсем не в том виде, о котором я говорил. Тогда я верил в этот срок, но толстые стены тюрьмы заставили меня усомниться в нем. Увы! Это, конечно, не свидетельствовало о глубине моей веры. Замечу здесь, что тридцать лет – это была уже большая уступка. В 70-х годах для революции обыкновенно назначался срок гораздо более короткий, так – года в два, и этот срок я сам не раз слышал гимназистом, притом не от гимназистов, а от людей весьма немолодых, например Вл[адимира] Ром[ановича] Щиглева¹⁸⁵, небезызвестного революционного поэта и очень мирного обывателя, без единого ареста и даже обыска дожившего до 1900 г.¹⁸⁶ (о нем есть заметка в Энциклопедическом словаре Брокгауза – Ефрона¹⁸⁷, его стихи – в «Русской старине» и «Голосе минувшего»).

¹⁸⁴ Зачеркнуто: «присматриваться к новым до сих пор условиям жизни и».

¹⁸⁵ См.: Щиглев В. Р. Василий Иванович Водовозов в воспоминаниях // Русская старина. 1886. Вып. 11. С. 405–424.

¹⁸⁶ Неточность: В. Р. Щиглев умер 1 октября 1903 г.; см.: Семевский В. И. В. Р. Щиглев // Русские ведомости. 1903. № 297. 29 октября.

¹⁸⁷ В[енгеров] С. Щиглев // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1904. Т. 40. С. 77.

Я продолжал осматривать мое новое жилище. В нем было 6 шагов в длину, 3 шага в ширину; вместо потолка – низкие своды; ввинченная в стену койка с грязным матрасом, подушкой и одеялом; ввинченные в стену железные столик, стул и полочки для посуды; под окном – раковина и кран для воды, устроенный так, что вода шла, пока кран придерживаешь рукою, так что умываться можно было только одною рукою; над столом – газовый рожок; в углу – клозет; железная, крепко запертая и отпираемая с пронзительным лязгом ключей дверь, в двери – волчок, то есть форточка, извне отворяемая, через которую надзиратели наливали кипятка и передавали пищу и вещи; в волчке – маленькое застекленное отверстие – глазок, с наружной стороны закрываемое особенной задвижкой; через этот глазок надзиратели могли всегда наблюдать за арестантом. На стене – тюремные правила. И больше ничего.

Я ознакомился с правилами. Узнал свои скромные права и очень серьезные обязанности; узнал, что за всякую провинность мне грозит карцер, лишение свиданий, переписки, книг и прогулки.

Делать мне было решительно нечего, и я, умывшись без мыла, голодный, без чая, начал угрюмо, как зверь в клетке, шагать из угла в угол.

Часов в 10 явился ко мне пожилой начальник Дома и объяснил, что при тюрьме имеется лавочка, из которой я имею право выписывать на свои деньги предметы домашнего обихода, посуду, съестные припасы, письменные принадлежности, бумагу, почтовые марки и т. д., вообще все, что только не запрещено в тюрьме; сообщил мне, что я буду получать казенный обед, но если хочу, то могу заказывать за 35 копеек «свой» из двух блюд, что заказы в лавочку я должен делать письменно накануне, но для вновь прибывших арестантов делается исключение, и поэтому чай, сахар, чайник, мыло и все другое я могу получить сегодня же; только обедом в первый день мне придется довольствоваться казенным, ибо «свой» готовится только по предварительным заказам.

И действительно, только первое утро я просидел голодный и без чая. После казенного обеда я в первый же день при втором разнесе кипятка имел возможность напиться чая¹⁸⁸ и даже с булками. Очень неприятное чувство возбуждала необходимость обходиться без ножа и вилки, которые в тюрьме запрещены.

Тогда же я получил каталог тюремной библиотеки. Ознакомление с ним доставило мне большое удовольствие. Я в нем нашел подбор русских и иностранных классиков (в русских переводах) в лучших имевшихся тогда изданиях и большой ассортимент книг по истории, политической экономии, юриспруденции и естествознанию. Вообще, тюремная библиотека оказалась довольно значительной и хорошо подобранной. Но удовольствие я испытал не только от того, что предвидел возможность заполнить тяжелые тюремные досуги интересным чтением, но в особенности потому, что, просматривая каталог, я видел в нем отчасти дело моих рук.

Произошло это таким образом. Одним из моих товарищей по университету был известный богач, Иннокентий Михайлович Сибиряков, пайщик сибирских золотых приисков, один из известной семьи Сибиряковых. Его личное состояние определялось, как говорили, 7 миллионами рублей. Верна ли эта цифра, я не знаю, но что средства его были велики, это – бесспорно. Будучи человеком совершенно исключительной душевной доброты, вместе с тем живя очень скромно, не швыряя денег на кутежи, Сибиряков, как кажется, поставил себе целью истратить все свои средства на общественные дела и при этом старался тратить их по возможности разумно и целесообразно. Это ему не всегда удавалось. Как все богатые люди подобного склада характера, он был несчастною жертвою своего состояния и, по-видимому, глубоко страдал. Он постоянно был окружен толпой прихлебателей, рвавших его со всех сторон. Деньги у него выклянчивали, вымогали угрозами, за деньги ему платили постоянными оскорблениями.

¹⁸⁸ Далее зачеркнуто: «своего, то есть полученного за свои деньги».

Помню один его довольно редкий рассказ (он вообще неохотно говорил об этом) об одном субъекте, ему незнакомом, который обратился к нему с письмом такого рода: «Говорят, для вас помочь – то же самое, что другому плюнуть. Так не дадите ли вы мне 100 рублей, мне они до зарезу нужны». Сибиряков ответил, что он не охотник до плевков ни в прямом, ни в переносном смысле. Тем не менее Сибиряков жертвовал десятки тысяч рублей на научные экспедиции (например, Потанина), на библиотеки, издание разных малоходких книг, стипендии учащимся и т. д.

Чтобы дать понятие о том, как расходовал свои деньги Сибиряков, расскажу о следующем его пожертвовании. На одной из лекций в университете В. И. Семевского, читанной в 1884 или 1885 г., Сибирякова задело за живое указание лектора на полное отсутствие научных исследований по истории рабочего класса на сибирских золотых приисках и пожелание, чтобы кто-нибудь из молодых сибиряков, слушающих его лекции, пополнил этот пробел. Недели через две Сибиряков пришел к Семевскому и предложил ему самому заняться этой работой, причем предлагал, во-первых, возможность на его средства совершить поездку в Сибирь для собирания материалов по интересующему вопросу, во-вторых, средства на приобретение этих материалов или их переписку и, в-третьих, совершенно необычный гонорар – по 500 рублей за первые 30 печатных листов книги и по 300 рублей за следующие; наконец, в-четвертых, он брался издать эту работу.

Ничего подобного не ожидавший В. И. Семевский был очень поражен этим предложением. Сначала он отказался, указывая, что ближайшие годы его заняты другой работой – по истории крестьянского вопроса в России¹⁸⁹, – которая уже давно начата и которую не может бросить. Сибиряков ничего не имел против того, чтобы работу по истории Сибири Семевский отложил на несколько лет, и все-таки настаивал на том, чтобы она была сделана. На это Семевский заметил:

– Но вы должны иметь в виду, что, изучая положение рабочих в Сибири, я должен касаться и положения рабочих на принадлежащих вам в доле приисках. Весьма возможно, что я натолкнусь на факты неблагоприятные.

– Никаких цензорских или редакторских прав за собою я не оставляю, – ответил Сибиряков. – Вы вполне свободны в вашей работе, и книга будет напечатана в том самом виде, в каком вы сдадите ее мне.

В конце концов Семевский принял предложение Сибирякова, и оба исполнили свои обязательства. Семевский совершил в 1891 г. полугодичную поездку по Западной и Восточной Сибири (еще до проведения туда железной дороги¹⁹⁰), в несколько следующих лет написал большую книгу под заглавием «Рабочие на сибирских промыслах»¹⁹¹, и эта книга была в 1898 г. издана Сибиряковым¹⁹².

В начале 90-х годов моральная религиозность Сибирякова в духе Льва Толстого перешла в церковную православную религиозность, и он постригся в монахи в Афонском монастыре. Перед этим он пожертвовал 420 000 рублей на образование капитала имени своего отца для выдачи пособий и пенсий приисковым рабочим¹⁹³, 40 000 рублей – на открытие в Петербурге

¹⁸⁹ Приват-доцент по кафедре русской истории в Петербургском университете в 1882–1886 гг., В. И. Семевский работал над докторской диссертацией «Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века» (издана под этим названием в 2 томах: СПб., 1888), которую защитил в Московском университете в 1889 г.

¹⁹⁰ Строительство Транссибирской магистрали (Великого Сибирского пути, Сибирской железной дороги) началось в 1891 г. и было завершено в 1901 г., регулярное железнодорожное движение открылось в 1903 г.

¹⁹¹ Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах: историческое исследование. СПб.: И. М. Сибиряков, 1898. В 2 т.

¹⁹² Подробнее см.: Гаврилов С. В. Историк и меценат: К истории взаимоотношений В. И. Семевского и И. М. Сибирякова // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 101–109.

¹⁹³ Положение о капитале имени потомственного почетного гражданина М. А. Сибирякова (размером 410 тыс. рублей в 4%-х государственных бумагах по номинальной их стоимости) было утверждено министром государственных имуществ 15

анатомического института и сделал еще несколько крупных пожертвований. Все-таки истратить всех своих средств он не успел, и крупные остатки его богатства достались монастырю¹⁹⁴. Через несколько лет после этого, в 1901 г., Сибиряков умер.

Ко мне он чувствовал значительную симпатию именно потому, что я не только не вымогал у него денег, но и несколько раз отказался от предлагавшейся им помощи на мои издания, о которых знал и которым сочувствовал, так как по своим убеждениям был очень близок к Льву Толстому. Однажды, приблизительно за полгода до моего ареста, Сибиряков сообщил мне, что намерен пожертвовать по библиотеке во все петербургские тюрьмы, и предложил составить список книг, по которому обещал их приобрести. С большим удовольствием исполнил я это, воспользовавшись для естествознания помощью Вл[адимира] Вернадского. Вручив Сибирякову список – нужно заметить, что в нем было книг тысяч на две, на три для каждой библиотеки, – я им больше не интересовался и даже не спросил Сибирякова, исполнил ли он свое намерение.

И вот, попав в тюрьму, я в первый же день получил на этот вопрос утвердительный ответ. Я сразу увидел, что каталог библиотеки по всем своим отделам состоит как бы из двух частей: из части старой, состоящей из разрозненных и совершенно случайных книг, и части новой, подобранной систематически – и именно подобранной мною. Впоследствии я увидел, что и самые книги резко отличались одни от других: книги прежние – истрепанные, изорванные, расплывающиеся; напротив, книги, пожертвованные Сибиряковым, – все новенькие, в прочных переплетах, чистые¹⁹⁵.

Итак, начались долгие тюремные дни. Жизнь начиналась в 7 часов утра, когда приносили первый кипяток, продолжалась, первое время моей сидки, часов до трех, до половины четвертого, когда маленькое загрязненное тюремное окошко отказывалось пропускать свет, достаточный для чтения, и вновь начиналась в 6, когда пускали газ. В 9 часов газ тушили, после чего я часа два работал еще со свечою. Но первые дни работа, даже простое чтение романов, шла очень туго: слишком тяжело было настроение, слишком мучительны переживания; донимала незнакомая мне раньше бессонница. Дневные часы я обыкновенно сумерничал и преимущественно эти часы тратил на перестукивание с соседями. С этим способом разговора я ознакомился уже в первый день тюремной жизни.

Едва ушел от меня помощник начальника Дома, как я услышал размеренные стук в стену. Я знал, конечно, о существовании тюремной азбуки, но самой азбуки не знал и потому отвечал бессмысленным многократным стуком сгибом пальцев. Сосед несколько раз начинал свою размеренную речь, и каждый раз я прерывал его своим бессмысленным многократным стуком. Наконец он догадался, что я безграмотен, и простучал мне подряд русский алфавит. Тогда я понял, что русская азбука разделена на 6 рядов, в каждом ряду – по 5 букв и что каждая буква обозначается сначала несколькими ударами, указывающими ряд, в котором она стоит; затем, после короткого перерыва, – вновь несколькими ударами, обозначающими ее место в

марта 1894 г.

¹⁹⁴ В 1893 г. И. М. Сибиряков пожертвовал приват-доценту Петербургского университета П. Ф. Лесгафту 200 тыс. рублей и свой дом для создания биологической лаборатории с анатомическим и зоологическим музеями, в 1894 г. – 147 тыс. рублей в пользу Богоявленского монастыря в Угличе. Это вызвало подозрение в невменяемости миллионера, имущество которого было опечатано, но два психиатрических освидетельствования, проведенных в июне 1894 г. и январе 1895 г., признали его здоровым; остаток личного капитала в размере 2,4 млн рублей он пожертвовал на устройство столичного подворья Свято-Андреевского скита и постройку Андреевского собора на Афоне.

¹⁹⁵ Далее зачеркнуто: «28 лет спустя мне случилось вновь сидеть в этой самой тюрьме, – в своем месте я расскажу об этом. К тому времени от сибиряковского книжного богатства остались только жалкие воспоминания; книги, приобретенные когда-то по моему списку, были так же истрепаны, изорваны, испачканы и в значительной части совсем исчезли; новые же совершенно не приобретались, и библиотека пополнялась, видимо, только случайными пожертвованиями отдельных тюремных сидельцев. Одним словом, вместо хорошей библиотеки, благодаря которой можно было, сидя в тюрьме, приобрести некоторое общее образование, был совершенно несистематический подбор случайных книг, при помощи которых можно было с грехом пополам убивать долгие дни и вечера».

ряду; например, чтобы передать букву «в», занимающую 3-е место в 1-м ряду, надо ударить сперва 1, потом 3 раза; для буквы «о» – 3 и 4 раза, так как она занимает 4-е место в 3-м ряду; само собою разумеется, что буквы, впоследствии устраненные большевиками из обычной азбуки, – как і, ѣ, ъ, – из азбуки тюремной были устранены задолго до них. Едва я это понял, как началось планомерное перестукивание; сперва оно шло медленно, с ошибками, потом все быстрее. При каждом звуке шагов по коридору разговор приходилось, конечно, прерывать.

– Кто вы? – разобрал я вопрос.

Я ответил.

– Давно арестованы?

– Вчера.

– По какому делу?

Вопрос поставил меня в тупик. Я не знал установившихся кратких ответов («по своему») и должен был в довольно длинной фразе изложить сущность моего дела.

О том, что подобное сообщение может быть опасно, я не думал: случаи подсаживания в соседство к арестантам шпионов, впоследствии ставшие обыденными, тогда еще были малоизвестны, и арестанты друг другу по общему правилу доверяли, – конечно, до известной степени. Бывали, разумеется, и более осторожные арестанты, но я к их числу не принадлежал. Впрочем, все-таки я не сказал ничего сверх того, что прокуратуре уже было известно.

– А вы кто? – в свою очередь спросил я.

– Френкель.

– По какому делу?

– По лопатинскому¹⁹⁶.

Это имя тогда мне ничего не говорило. Фамилию Германа Лопатина я несколько раз мимолетно слышал, но сколько-нибудь ясного представления о нем не имел. В книге Туна она, помнится, не встречалась или если встречалась, то не приковывала к себе моего внимания¹⁹⁷.

– Давно сидите?

Френкель ответил мне довольно длинной фразой, из которой я понял, что он сидит два месяца. Впоследствии я узнал, что, расшифровывая эту фразу, ошибся: он сидел в разных тюрьмах около трех лет¹⁹⁸, а два месяца – только в Доме предварительного заключения. Но уже два месяца повергли меня в ужас; по спине у меня пробежали мурашки. Два месяца! Неужели и я посижу столько же?

Любопытна человеческая психология. Не было надобности переводить Туна, чтобы знать, что даже за гораздо меньшие вины, чем моя, люди сидят в тюрьмах гораздо больше двух месяцев. Среди моих личных знакомых было немало таких, которые высидели по несколько лет. Близким знакомым нашей семьи, которого я помнил со своего раннего детства, был доктор (впоследствии профессор) А. А. Кадьян (умер, помнится, в 1917 или 1918 г.), и я хорошо помнил тот день, когда он явился к нам, только что освобожденный из этого самого Дома предварительного заключения после трех лет сидки в нем и других тюрьмах¹⁹⁹. Хорошо я знал также

¹⁹⁶ На «процессе 21-го», проходившем в Петербургском военно-окружном суде с 26 мая по 5 июня 1887 г., на котором Г. А. Лопатин, П. Ф. Якубович и другие обвинялись в принадлежности к тайному сообществу, поставившему себе целью ниспровержение существующего государственного строя, а именно – намерении восстановить разгромленную в 1881–1883 гг. партию «Народная воля», большинство подсудимых были приговорены к смертной казни, замененной каторгой, а трое, в том числе Я. Г. Френкель, оправданы за недостатком улик.

¹⁹⁷ А. Тун упоминает, что в 1869 г. (правильно: в 1870 г.) П. Л. Лавров был освобожден «смелым революционером Лопатиным» («im Jahre 1869 vom kühnen Revolutionär Lopatin befreit»); см.: Thun A. Geschichte der Revolutionären Bewegungen in Russland. Leipzig. 1883. S. 69.

¹⁹⁸ Неточность: Я. Г. Френкель содержался под стражей со 2 июня 1885 г., то есть более полутора лет.

¹⁹⁹ А. А. Кадьян, арестованный 7 июля 1874 г., содержался в тюрьмах Самары и Москвы, откуда 18 февраля 1875 г. был переведен в Петропавловскую крепость, а 19 января 1876 г. – в Дом предварительного заключения и, проведя в тюрьмах 3 года и 8 месяцев, 23 января 1878 г. на «процессе 193-х» был признан невиновным; он скончался 16 ноября 1917 г.

известного сибирского публициста Н. М. Ядринцева, отбывшего много лет тюремной повинности и потом ссылки в том самом Шенкурске Архангельской губернии²⁰⁰, в который и мне суждено было попасть. Знал известного издателя Л. Ф. Пантелеева, приговоренного к каторжным работам и проведенного на поселении в Сибири лет 12 или 15²⁰¹. Знал многих других. И вот, испытав на себе всего один тюремный день, я был приведен в ужас, когда пришлось конкретно представить себе два месяца в тюремной обстановке. Два месяца быть запертым, как зверь! Ужасно! Увы! Скоро два месяца прошли, а конца моему заключению еще не предвиделось.

Закончить разговор с Френкелем и выяснить недоразумение с двумя месяцами мне не удалось; нас накрыло начальство. Мне, как попавшемуся в первый раз, тот самый помощник начальника Дома, который только что говорил со мной в самом благодушном тоне, сделал строжайший выговор с угрозой репрессиями в случае повторения, а Френкель, как попавшийся, вероятно, не в первый раз, был в наказание переведен куда-то в другое место, и начавшееся наше с ним тюремное знакомство было прервано в самом начале. Лет через двенадцать оно возобновилось уже на воле, – мы оба с ним жили в Киеве и там встретились.

Любопытно, что из полудюжины людей, с которыми я познакомился посредством перестукивания в тюрьме, с тремя я имел случай познакомиться позднее на воле. Кроме названного сейчас Френкеля, это были И. И. Гильгенберг и П. Ф. Якубович.

Гильгенберг был арестован 3 или 4 марта и попал в соседнюю со мною камеру, освободившуюся после увода из нее Френкеля. Он был студентом Технологического института; арестованный в отдаленной связи с делом 1 марта, он подробно рассказал мне, посредством перестукивания, о том, что произошло в этот день в Петербурге. Гильгенберг просидел в Доме предварительного заключения месяцев 15 или 16 и был отправлен в административном порядке в Шенкурск, куда я прибыл за месяц до него²⁰². Там я имел случай свести с ним более близкое знакомство.

П. Ф. Якубович оказался моим соседом через месяц или полтора после моего ареста. Так как три или четыре человека, с которыми я до него беседовал, все сидели по лопатинскому делу, то я прямо спросил его:

– Вы – по лопатинскому делу?

– Нет, по своему, – ответил он.

Мне осталось не вполне понятным, почему он решительно выделяет свое дело от лопатинского, хотя дела их были объединены и судились они, как я узнал впоследствии, вместе. Затем, когда я поставил ему вопрос о времени сидки, то повторилось то самое, что в разговоре с Френкелем, только – при иных масштабах. Два месяца сидки²⁰³ казались мне чем-то вполне естественным, но когда я узнал, что Якубович сидит с 1884 г., то мороз опять продрал меня по коже.

«Неужели и мне суждено пробыть здесь три года», – с тоской и ужасом думал я²⁰⁴.

²⁰⁰ Арестованный в мае 1865 г. по делу «Общества независимости Сибири», Н. М. Ядринцев был заключен в Омскую тюрьму, а в апреле 1868 г. приговорен к 12 годам каторги, замененной бессрочной ссылкой в Шенкурск Архангельской губернии, откуда его, помилованного, освободили в декабре 1873 г.

²⁰¹ Неточность: арестованный в 1864 г., Л. Ф. Пантелеев после года заключения в Вильно был приговорен военным судом к 6 годам каторжных работ, замененных ссылкой в Енисейскую губернию, откуда вернулся в 1874 г., окончательно поселившись в Петербурге в 1876 г.

²⁰² При обыске 2 марта 1887 г. у И. И. Гильгенберга, уволенного с первого курса столичного Технологического института и состоявшего с осени 1886 г. в петербургской рабочей группе «Народной воли», изъяли конспект ее программы, брошюру «Царь-голод» и рукопись «тенденциозного» содержания, после чего он попал в Дом предварительного заключения, а 14 апреля 1888 г. по высочайшему повелению от 30 марта был выслан на 4 года под гласный надзор в Архангельскую губернию с водворением в Шенкурске.

²⁰³ В рукописи далее зачеркнуто: «меня уже не пугали.»

²⁰⁴ В рукописи далее зачеркнуто: «Лет через 10 или 12, когда Якубович вернулся с каторги и жил уже известным писателем в Петербурге, я с ним познакомился в редакции “Русского богатства” и затем многократно видался. В первый же день нашего знакомства на воле я напомнил ему о нашем очень недолгом соседстве в Доме предварительного заключения, – оно

Кроме людей, с которыми я перестукивался сам, я слышал разговоры двух заключенных, сидевших над моей головой в верхней 6-й галерее. Они разговаривали не перестукиванием, а шагами: сделает один шаг, подождет немного, потом сделает 4–5 быстрых шагов, сильно топая ногами; опять более долгий перерыв, опять шага 2 или 3 быстрых и коротких, опять короткий перерыв и т. д., и таким образом – целыми часами. Мне, сидевшему под ними, их разговоры были хорошо слышны, особенно когда я, лежа на койке, прикинул ухом к стене, продолжение которой в верхнем этаже разделяло собеседников. Иногда я начинал прислушиваться к ним, считать шаги и расшифровывать их. Но мне осталось совершенно непонятным, каким образом слышали они друг друга: ведь шагов своих непосредственных соседей я никогда не слышал, как и они меня. Может быть, слушая, они ложились и прикинули ухом к полу. Но подражать им в этом отношении²⁰⁵ мне никогда не приходило в голову: срок моей сидки для этого был недостаточно долог. Через два года, возможно, и я бы дошел до этого. Тем менее достаточен он был для того, чтобы опускать голову в клозетную дыру и вести переговоры живым человеческим языком посредством трубы, соединяющей 6 клозетов в 6 этажах. А между тем мне известно, что такая система переговоров практиковалась.

Те двое, сидевшие надо мной, прибегали к такому не совсем удобному способу переговоров (не совсем удобному, если предположить, что им действительно приходилось для слушания ложиться на пол), вероятно, потому, что этот способ был безопаснее, чем перестукивание, которое легче могло обратить на себя внимание надзирателей и от которого труднее было отпереться. С неудобством же лежания на полу они мирились потому, что разговор был для них не праздной болтовней, заполняющей тюремный досуг, а серьезным делом: оба они были лопатинцы, сидевшие в то время на одной и той же скамье подсудимых и, очевидно, сильно нуждавшиеся в сообщении друг другу фактов и своих мыслей. Фамилий их я не узнал, но хорошо помню жуткие разговоры о вероятности или невероятности смертной казни. Как известно, большинство лопатинцев было приговорено к повешению, но в действительности никто из них казнен не был.

Прошли два первых, особенно мучительных дня моей сидки. На третий день, 28 февраля, которое приходилось в субботу, меня вызвали на первый допрос на Гороховую. Допрос вели товарищ прокурора окружного суда Янкулио и жандармский офицер Потулов под общим надзором товарища прокурора судебной палаты Котляревского. На столе была разложена груда отобранных у меня материалов. Я сам не знал с полной достоверностью, что у меня забрано и что уцелело, и потому с невольной тревогой старался проникнуть взором в эту груду, чтобы по возможности определить линию своего поведения. Системы полного отказа от каких бы то ни было показаний тогда еще не было, а если бы и была, то я вряд ли прибег бы к ней. Запираться в факте моего издательства не было ни малейшего смысла, но задача была не совершить невольного предательства и спасти кого можно. Всего больше я боялся за Кармалину²⁰⁶ и Гробову: все остальные помогали мне более или менее сознательно и сознательно шли на известный риск. Кармалину же и Гробову я привлек к делу, соблазнив материальной выгодой, и делать из них политических мучениц решительно не хотел. Еще во время обыска я просил С. Ф. Ольденбурга предупредить Гробову, а В. И. Семевского – Кармалину. Ольденбург действительно отправил

продолжалось всего несколько дней; это были или дни суда над ним, или непосредственно предшествующие суду, и беседовал я с ним очень мало. Меня удивило, что в то время, когда дни тюремной жизни, такие скучные и однообразные, во всех своих мельчайших событиях совершенно ясно сохранились у меня в памяти и разговоры с соседями посредством перестукивания я могу передавать почти дословно, Якубович не только не помнил наших с ним разговоров, но и совершенно не помнил даже самого факта нашего соседства; правда, недели через две, когда мы вновь встретились с ним, Якубович сказал: “Представьте, вернувшись домой, я все время думал о ваших словах и решительно ничего не мог вспомнить. И только вчера, вдруг, все это время всплыло в моей памяти. Я вспомнил вас и другого соседа, с которым переговаривался в то время. Вообще от того времени у меня в памяти ясно стоит только наш процесс, все остальное подернулось каким-то туманом”».

²⁰⁵ Зачеркнуто: «ложиться на голый асфальтовый пол, чтобы слушать и считать чьи бы то ни было шаги».

²⁰⁶ Зачеркнуто: «о роли которой в моем деле я тогда не знал».

к Гробовой своего брата, тот благополучно прошел к ней и просил ее уничтожить все следы отношений со мною. Кармалину же предупреждать не понадобилось. Но узнал обо всем этом я только две недели спустя, на первом свидании с матерью²⁰⁷. Боялся я и за Лидию Давыдову, за Крыжановского и Н. Е. Вернадскую²⁰⁸.

Янкулио был высокий тонкий человек, чрезвычайно подвижный; голова, руки и ноги его были точно на шарнирах и ни одной минуты не оставались спокойными. Вел он себя в тоне чрезвычайной любезности, соединенной с крайней веселостью и смешливостью; каждую минуту он заливался тоненьким хихиканьем, – даже там, где я не видел решительно никакого повода для смеха. Вместе с тем он очень ловко вел допрос, приводя меня прямо в ужас, как бы невольно не навести его на нежелательные следы.

Сначала допрос вертелся в области очевидных фактов, и позиция моя была совершенно ясна, держаться на ней было не трудно.

– Вы ли издавали?

– Я.

– Где печатали, где брошюровали?

– Не могу сказать.

– Кто вам помогал в переводе и во всем остальном?

– Никто, я все сделал один.

– Хи, хи, хи, все – один. Г-н Водовозов, да ведь всего один человек сделать не может. Да и в университете вам учиться приходилось, когда же вы все успевали? Вам, очевидно, приходилось очень много работать.

– Приходилось.

– Что же, вам совершенно не удавалось ни в гостях побывать, ни у себя никого принимать?

Но сбить таким образом, очевидно, было нельзя. Хуже был вопрос: а откуда вы доставали рукописи новых сочинений Толстого и материалы для приложений к переводу Туна, с каких пор занимаетесь издательством, что успели издать и как распространяли свои издания. Но и на них можно было либо отвечать определенным фактическим сообщением (конечно, не всегда стесняясь строгой истиной и умалчивая о многом), либо заявлять вежливо, но решительно:

– Простите, на этот вопрос никак не могу ответить²⁰⁹.

²⁰⁷ На следующий день после обыска в переплетной мастерской К. Ф. Кармалина нанесла визит матери В. В. Водовозова, оправдываясь: «Бога ради, не сердитесь! Вы сами увидите, что я не виновата... Я вам расскажу все по порядку. Утром вчера ко мне нагрянула полиция и сейчас же нашла книги, – рабочий все им указал. А пристав нашего участка начал на меня кричать, топтать ногами и все тыкался: “ты” да “ты”, точно я простая баба: “Ну, ты, собирайся!” – орет он во все горло. Я уж и пальтишко накинула, к двери прижалась, да в эту минуту мой песик выскочил из-за перегородки и бросился на пристава, так тот даже оторопел, а затем стал орать на меня еще пуще прежнего. “Уйми, говорит, старая дура, свою собаку!” Я песика унимаю, а пристав меня, ей-богу не вру, самыми непечатными словами, как горохом, осыпает. И вдруг свой кулачище в мое лицо как сунет, ногами топает, а сам кричит: “Сейчас говори, сволочь, кто эти листы тебе приносил?” Как же было не сказать? Я и сказала. Что же тут такого? Не могла же я дать ему избить меня до полусмерти? И сколько я неприятностей из-за всего этого вынесла: вхожу в мастерскую, а рабочие меня на чем свет бранят, в голос кричат: “Такое обхождение вы по заслугам получили: выдали студента, да и одеваетесь хуже последней судомойки!.. Вас и за хозяйку-то никто не почитает!”» (Водовозова Е. Н. Из недавнего прошлого. С. 168–169).

²⁰⁸ В рукописи далее зачеркнуто: «так как в бумагах моих сохранились совершенно случайные записки с их подписью, невинные сами по себе, но выдававшие по почерку авторов перевода. Участие их всех, особенно Давыдовой, которая, за исключением перевода одной главы Туна, никакого касательства к делу не имела, было второстепенное, и кара, которая могла им угрожать, должна была быть невелика, но... все же».

²⁰⁹ Ср.: «Допрошенный 28 февраля в качестве обвиняемого студент С.-Петербургского университета Василий Васильев Водовозов, 22 лет, объяснил, что, будучи знаком с Кармалиной уже несколько лет и получив летом 1886 года от одного лица, которое назвать не желает, для брошюровки литографированные сочинения Толстого “О деньгах” и “Церковь и государство” в количестве нескольких сот экземпляров, он предложил эту работу Кармалиной и, по брошюровке, по предложению того же лица, передал эти сочинения нескольким лицам, которых также назвать не желает. Затем, с осени 1886 года, то же лицо стало передавать ему для брошюровки литографированные листы сочинений Туна “История революционных движений в России” и “Сущность социализма” Шефле в переводе на русский язык, причем, насколько он, Водовозов, знает, к означенным сочи-

Но гораздо хуже пошло, когда приступили к отобранным документам. Следователи, видимо, еще не успели ознакомиться с материалами обыска и потому просто брали документы по порядку.

– Вот, например, эта тетрадка, что это такое? Перевод главы Туна, очень хорошо. Но как будто он сделан не вашим почерком? А чьим же?

– Я, право, не помню.

К моему стыду, это был черняк²¹⁰ одной из первых, уже отлитографированных глав, ни к чему не нужный, который я, по непростительному легкомыслию, забыл уничтожить.

– Но тут есть поправки, сделанные другим почерком. Чей это почерк? Как будто похоже на ваш. Ведь это ваш почерк? Дайте взглянуть, как вы пишете? Ну, совершенно же ваш, точь-в-точь. Значит, переводили для вас другие лица, а вы редактировали?

Правда таким образом всплывала, и шаг за шагом мне приходилось признавать ее. А тут, словно нарочно, из груды бумаг высунулась записка Л. Давыдовой, приглашавшей меня на музыкальный вечер в их дом, и высунулась как раз своей подписью. Записка – невинная, но подпись и почерк выдавали принадлежность ей преступной рукописи²¹¹.

У меня составилась план действий. Я сделал попытку взять инициативу беседы в свои руки и начал сам извлекать из кучи бумаг некоторые, с чрезмерными подробностями объясняя, что в них нет ничего, что было бы нужно скрывать. И, продолжая заговаривать зубы моим следователям, я осторожно кончиками пальцев тянул к себе записку Давыдовой, чтобы потихоньку препроводить ее под стол и в карман. Но Потулов²¹², все время державшийся совершенно пассивно²¹³, вдруг вскочил, злобно толкнул меня и наложил свою руку на бумаги.

– Здесь была сделана попытка изъять один документ, вот этот, – провозгласил он.

К счастью, ошибся и вместо письма Давыдовой вытащил совершенно другую записку²¹⁴. Злобным тоном начал он допрос по ее поводу, но мне было нетрудно ответить на все его пункты, так как эта записка и своим содержанием, и своей подписью не представляла ничего компрометирующего²¹⁵.

нениям, переведенным буквально на русский язык, были прибавлены предисловие, примечания и приложения переводчика; сочинение же Шефле было издано по заграничному русскому изданию, сверенному с немецким подлинником, но без примечаний и предисловия Лаврова и Тарновского, как не согласных с убеждениями означенного выше, передавшего ему, Водовозову, эти издания, лица. Он, Водовозов, и эту работу предложил Кармалиной, причем, как в первый раз при передаче сочинений Толстого, так и теперь, на вопрос Кармалиной, не имеют ли эти сочинения революционного характера и не составляют ли они призыва к бунту, отвечал отрицательно и относительно последних сочинений (Шефле и Туна) сказал, что сочинения эти имеют характер чисто научный. Когда, вследствие этого, Кармалина согласилась, он стал доставлять ей эти сочинения для брошюровки частью лично, частью через одну женщину, которую назвать не желает» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 15–16).

²¹⁰ черновик (*устар.*).

²¹¹ Изъятая записка гласила: «Приезжайте. Я буду дома. Л. Давыдова». Но, сличив почерк в записке с тетрадью, содержащей часть перевода сочинения А. Туна, эксперты установили, что они написаны одним лицом: «...дочерью артиста Карла Давыдова (бывшего директора С.-Петербургской консерватории), Лидией, 17 лет, воспитанницей частной гимназии кн. Оболенской, хорошей знакомой семейства Водовозовых». В ночь на 27 апреля у нее произвели обыск, не обнаружив ничего, кроме одного «тенденциозного содержания» стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Порог», напечатанного в «Вестнике Народной Воли» № 2 за 1884 г., и списка книг, прочитанных ею летом 1886 г., включающего труды Э. Бехера, Л. Блана, Л. Гейссера, Ф. Лассалья. Давыдова отрицала свое участие в переводе Туна, утверждая, что, когда она вместе с родителями проводила лето на даче в Парголово, живший там же Водовозов снабжал ее книгами, но исключительно исторического содержания. В свою очередь Водовозов уверял, будто часть перевода в тетради «писана не Лидией Давыдовой, а другим лицом, назвать которое не желает», а из книг ничего, кроме «Оснований политической экономии» Д. С. Милля, не приносил, но «Порог» Тургенева в гектографированном виде был получен именно от него (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 24–25).

²¹² Зачеркнуто: «сидевший на противоположном конце стола».

²¹³ Зачеркнуто: «и предоставлявший допрос Янкули».

²¹⁴ Зачеркнуто: «бумажонку, не имевшую для меня никакого значения; это была записка одного университетского товарища, просившего меня принести в университет какую-то книгу, вопреки русскому обычаю снабженная полной подписью и адресом ее автора».

²¹⁵ Зачеркнуто: «я действительно охотно давал книги из своей довольно обширной для студента библиотеки и знакомым, и полужнакомым, и доказательство тому было налицо в виде моей записной книжки, с записью отданных на прочтение книг,

Потулов успокоился и, по-видимому, сам усомнился в своей правоте, а Янкулио был явно на моей стороне. Допрос продолжался часа три, я исписал несколько листов своими показаниями. Наконец Янкулио поднялся и, вежливо протягивая мне руку, сказал:

– Теперь мы вас отпускаем, а послезавтра, в понедельник 2 марта, вновь вас вызовем, и я надеюсь, тогда дело пойдет быстрее.

Я осведомился, могу ли я просить о свидании с матерью и о присылке мне из дому некоторых необходимых вещей.

– О свидании в этой стадии процесса не может быть и речи. О свидании должна просить ваша мать, а не вы, и не теперь, а позднее, когда для нас выяснятся главные обстоятельства дела. Вы сами можете ускорить этот момент – большей откровенностью своих показаний. Этим же вы смягчите и свою участь, да и участь ваших друзей, в особенности друзей, которые литографировали ваши издания; ведь все равно мы их узнаем. А что касается вещей, то вот как раз пакет с ними для вас.

– Могу я его взять?

– Нет, он будет вам доставлен в Дом предварительного заключения.

Затем в той же извозничьей карете, в которой меня привезли со Шпалерной на Гороховую, отвезли обратно в Дом предварительного заключения.

Вернулся в тюрьму я крайне удрученный. На столике я нашел обед, совершенно простывший, с плавающим поверх супа жиром; есть его было нельзя; кипяток тоже остыл. Я не жалел об обеде, ибо совершенно не чувствовал голода, но невозможность напиться чая еще более увеличила мое и без того удрученное состояние духа.

Я чувствовал, что пройдет несколько дней и будет произведен обыск у Давыдовой, а благодаря характеру ее матери и отца он должен будет принять прямо трагические формы²¹⁶. Я еще не терял надежды отстоять Гробову и Кармалину, но умный, хитрый Янкулио приводил меня в ужас; он до всего доберется, думалось мне. Ведь если брошюровку еще можно производить в частной квартире и, следовательно, нет смысла производить повальный обыск во всех переплетных Петербурга, то не может быть сомнения, что литографировал я свои издания в легальной литографии, а литографий в Петербурге не так много и обыскать их все вполне возможно. Если Гробова почему-нибудь не предупреждена? В последний раз я сдал ей, вопреки обыкновению, сразу целых три листа, – они должны быть у нее готовы; успела ли она их уничтожить? А если даже и успела, то одно появление полиции в ее маленьком помещении приведет ее в такой ужас, что она может без нужды сознаться, или кто-нибудь из ее рабочих может дать неудобное показание.

Два дня я провел под гнетом этих мыслей. Я почти не спал, почти ничего не ел, пробавляясь только чаем с лимоном. В понедельник 2 марта я поднялся утром с постели, совершенно разбитый после бессонной ночи. Лишь только около моей двери раздавались шаги, сердце начинало усиленно стучать.

«Это за мною, сейчас на допрос».

Но шаги умолкали, за мною никто не приходил. Наконец шаги действительно остановились у моей двери, раздался громкий лязг тюремных ключей, и дверь отворилась. Но это был пакет с вещами, доставленный мне через тюремное начальство. В нем – несколько смен

находившейся в той же бумажной груди».

²¹⁶ О бурной реакции перепуганных «до умопомрачения» К. Ю. Давыдова, директора Петербургской консерватории, и его жены А. А. Давыдовой, будущей издательницы журнала «Мир Божий», на визит матери арестованного, желавшей переговорить с их дочерью, см.: Водовозова Е. Н. Из недавнего прошлого. С. 173–176. Сама Л. К. Давыдова говорила, что «как она, так, вероятно, и многие сотрудники перевода Туна сочтут своею нравственной обязанностью отправиться в жандармское управление и заявить о своем участии в названном издательстве», дабы облегчить участь арестованного, и пришлось доказывать юной идеалистке «всю несостоятельность и неправильность такого взгляда», ибо «наши нравы обязывают того, кто попался, мужественно выкручиваться самостоятельно и все силы употребить на то, чтобы даже случайно кого-нибудь не пристегнуть к своему делу, если бы оно даже велось сообща» (Там же. С. 177).

носившего и постельного белья, теплое одеяло, умывальные принадлежности и т. д., все – вещи самые обыкновенные; ни писем, ни книг не было. Была только одна надпись: «Василию Васильевичу Водовозову», сделанная рукою моей матери. Вещи, конечно, несколько скрашивали мою жизнь; было приятно грязное тюремное одеяло заменить домашним; пропитанное салом, дурно пахнущее тюремное полотенце заменить своим. Все же это для меня не представляло такой большой ценности, чтобы изменить мое настроение. Но тут была живая связь с другим миром – миром, ставшим для меня потусторонним, если не загробным, то затюремным. Ясное свидетельство, что кто-то вне тюрьмы думает обо мне. Это было чрезвычайно трогательно, и надпись: «Василию Васильевичу Водовозову» я перечитывал десятки раз. Несколько часов я был под впечатлением, я готов сказать – под обаянием, этой посылки, и эти часы дали мне передышку от щемившей меня тоски. У меня даже вновь появился аппетит, но как раз, в ожидании допроса, я не заказал своего обеда и должен был довольствоваться казенным.

К вечеру, однако, чувство тоски вернулось, и еще одну ночь я провел без сна. На следующий день допроса опять не было, в среду – тоже. В чем дело? Наконец, в четверг для меня стала ясной причина этого явления.

5 марта у меня оказался новый сосед, И. И. Гильгенберг, который и рассказал мне довольно подробно о событиях 1 марта. Не помню, назвал ли он фамилии главных деятелей этого события, Ульянова и Шевырева, но я догадался о них и без него. Я понял, что все жандармские и прокурорские силы отданы не моему, а другому, гораздо более важному делу и что мне придется теперь долго сидеть в ожидании допроса, а следовательно – и свидания.

Ульянов и Шевырев были моими товарищами по университету. Я был юристом, Ульянов и, кажется, Шевырев (наверное не помню) – естественниками. Тем не менее я с ними как-то познакомился. Знакомство наше было не очень близкое: в «гости» друг к другу мы не ходили, но оба они нередко заходили ко мне, – по большей части чтобы попросить ту или иную книгу; нередко беседовали мы в университетском коридоре, нередко также вместе возвращались часть дороги из университета²¹⁷.

Ульянов был одним из людей, за всю мою жизнь произведших на меня самое сильное впечатление. Замечательно одухотворенное бледное чистое лицо его, с высоким лбом, на редкость умные глаза останавливали на себе внимание всех, кто с ним встречался. Он был идеалистом в лучшем смысле этого слова. Весь он жил умственными и общественными интересами. В нем чувствовалось полное отсутствие обычных человеческих слабостей; тщеславие и самолюбие, как кажется, совсем отсутствовали у него, а если и нет – то были так глубоко спрятаны, что их и не заметишь. Когда я с ним познакомился, – кажется, это было в начале 1886 г.²¹⁸, он не принадлежал к числу особенно крайних радикалов и был скорее всего культурником; особенно интересовался студенческими землячествами, кассами взаимопомощи, так называ-

²¹⁷ Ср. с воспоминаниями В. В. Водовозова «Встречи с Александром Ильичом Ульяновым», публикуемыми в приложении (т. 2, с. 314, 316–317).

²¹⁸ Ср.: «С Александром Ильичом Ульяновым я познакомился, помню, в конце 1885 г. У меня уже тогда была довольно хорошая библиотека, и я ее широко предоставлял в пользование всем моим знакомым. А. И. пришел ко мне, – не помню уж, с чьей-нибудь рекомендацией или просто на кого-либо сослался, – и тоже стал брать книги. Читал он по политической экономии; что именно, я теперь, конечно, не помню; помню лишь, что в момент его ареста у него на руках осталась моя книга – том “Deutsch-Französischen Jahrbücher”; эту книгу я купил антикварным образом во время своей поездки по Германии и крайне дорожил ею, как большою редкостью. Была ли она взята у него при обыске или нет, я не знаю, но назад я ее не получил» (Там же). Мемуарист имеет в виду вышедший в феврале 1844 г. двойной номер журнала «Deutsch-Französischen Jahrbücher» («Немецко-французские ежегодники»), изданного в Париже К. Марксом и А. Руге с публикациями обоих (в том числе первого по еврейскому вопросу). А. И. Ульянов и его товарищ О. М. Говорухин, заинтересовавшись статьей Маркса, взялись за ее перевод и, как вспоминала А. И. Ульянова-Елизарова, которой доверили правку перевода, на одном из свиданий с матерью после ареста брат просил «разыскать и вернуть две одолженные им редкие книги», принадлежащие Водовозову. «Одна из них, – поясняла Ульянова-Елизарова, – оказалась у [И. Н.] Чеботарева и была возвращена. Другая – “Deutsch-Französischen Jahrbücher” – со статьей Маркса о религии была передана мною вместе с переводом Говорухину. Ее найти не удалось. Мы искали купить ее за границей, в книжных магазинах и у букинистов, но не нашли» (Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 124).

емыми кружками саморазвития²¹⁹. В ноябре 1886 г. он был одним из инициаторов панихиды по Добролюбову по случаю 25-летия его смерти. Невинная эта затея кончилась конфликтом с полицией, совершенно ничем не вызванным, и толкнула Ульянова на новую дорогу. Он решил, что для борьбы с деспотизмом, при котором не допускается даже невинная панихида по любимому писателю, необходим террор, и вместе с Шевыревым начал готовить покушение на жизнь Александра III.

Ульянова толкала на его дело отвлеченная идея. Он думал о человечестве, о России, о свободе, о социализме и в жертву им приносил свой труд, мысль и жизнь, – приносил вполне сознательно и в полном смысле слова беззаветно. Личной злобы и мести ни к царю, ни к режиму у него не было, потому что ни от царя, ни от режима он сам до тех пор не страдал, – нельзя же назвать страданием кратковременный арест из-за панихиды. Я готов сказать, что Ульянов был живым воплощением тех образов, которые рассеяны в романах и воспоминаниях Кравчинского²²⁰, и единственным человеком, встреченным мною на моем жизненном пути, который до некоторой степени оправдывал идеализацию Кравчинского.

Шевырев был человеком совершенно другого типа. И в умственном, и в моральном отношении он стоял неизмеримо ниже своего товарища. Раздражительный и злобный, тщеславный и самолюбивый, он руководствовался по преимуществу именно этими чувствами. Впоследствии я слышал утверждение, будто бы участие в терроре было для него формой самоубийства, вызванного сифилисом; верно ли это, я не знаю.

Как бы то ни было, Ульянов и Шевырев с конца 1886 г. готовили покушение на цареубийство; Ульянов делал бомбы. В разговорах со мной и он, и Шевырев несколько раз зондировали почву, можно ли привлечь меня к их делу, но я решительно не сочувствовал политическому террору, и, не доводя разговора до конца, оба они его прекращали²²¹; но я совершенно ясно видел, что они носят с мыслью о каком-то террористическом акте.

Однажды – вероятно, это было в январе 1887 г. – Ульянов попросил меня спрятать некоторое количество инфузорной земли (кизельгура²²²).

– А что такое инфузорная земля? – спросил я.

– Это вещество, которое употребляется в технике для самых различных целей, – хотя бы для чистки ножей, – и поэтому, найденное в невинном месте, оно само по себе ничего особенного не представляет. Но, конечно, оно употребляется и для других целей, и мне в настоящее время хранить его у себя опасно.

– А много его у вас?

– Нет, фунтов десять²²³, вот – приблизительно такой ящик.

Относясь с полным доверием к этому объяснению, я все-таки решил, что мне брать на хранение эту вещь совершенно не следует; но, желая оказать услугу этому исключительно при-

²¹⁹ Отмечая, что в 1886 г. почти все члены биологического кружка, включая А. И. Ульянова, вступили в Студенческое научно-литературное общество при Петербургском университете, И. Н. Чеботарев вспоминал: «В главные секретари общества была выставлена кандидатура Александра Ильича. Ее горячо поддерживали несколько человек и особенно В. В. Водовозов, который между прочим указал, что Ульянов интересуется не одними червями да тараканами, но занят и более широкими планами; не будучи узким специалистом по зоологии или химии, он станет истинным секретарем научно-литературного общества во всей широте его задач» (*Чеботарев И. Н. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове и петербургском студенчестве 1883–1887 гг.* // Там же. С. 244–245).

²²⁰ См.: *Степняк С. [Кравчинский С. М.] Подпольная Россия*. Лондон, 1893; *Он же*. Домик на Волге. Женева, 1896; *Он же*. Андрей Кожухов. Женева, 1898; *Он же*. Штундист Павел Руденко. Женева, 1900; см. также: *Степняк-Кравчинский С. М. Собрание сочинений*. Ч. 6: Публицистика и критика / С вступ. ст. В. В. Водовозова. СПб.: Светоч, 1908; см. также: *Водовозов В. Кравчинский* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Доп. Т. 2. С. 3.

²²¹ Ср. с воспоминаниями В. В. Водовозова «Встречи с Александром Ильичом Ульяновым» (т. 2, с. 315–317).

²²² Кизельгур (от нем. Kieselgur), инфузорная или диатомовая земля, трепел – осадочная горная порода диатомит, применяемая как адсорбент, фильтрующий или абразивный элемент; в качестве наполнителя использована А. Нобелем, пропитывавшим ее нитроглицерином, при создании динамита.

²²³ 1 фунт равен 0,4536 килограмма.

влекательному человеку, я обратился с этою просьбою к Александру Аркадьевичу Кауфману, впоследствии известному статистику (умер в 1919 г.). Политические воззрения А. А. Кауфмана были окрашены, в особенности в то время, самым умеренным либерализмом; впоследствии он несколько подвинулся налево и стал активным членом кадетской партии. Мы с ним были старыми и близкими знакомыми, — он был гимназическим товарищем моего старшего, рано умершего брата Михаила, и я познакомился с ним еще до своего поступления в гимназию, а потом учился с ним в одной гимназии, хотя и в разных классах²²⁴. В то время, о котором идет речь, он уже окончил университет.

Я передал Кауфману просьбу Ульянова, не называя его фамилии, и на его вопрос об инфузورной земле повторил ему ульяновское объяснение. Кауфман согласился. Через несколько дней Ульянов привез ко мне инфузорную землю. Ее оказалось не 10 фунтов, а по крайней мере 30²²⁵, и это был не маленький ящик указанных Ульяновым размеров, а большая, хорошо упакованная корзина. Я был несколько смущен этим, но, выразив слабое неудовольствие на несоответствие слов и действительности, тем не менее принял корзину и свез ее к Кауфману. Кауфман выразил гораздо более сильное неудовольствие, чем я, но также принял и поставил корзину на чердак.

Когда Кауфман узнал о моем аресте, а затем — о событиях 1 марта, то сильно встревожился, а узнав от В. И. Вернадского о том, что инфузорная земля употребляется при выделке динамита, совсем перепугался и не знал, куда и как сплавить опасную вещь, пока наконец не надумал: как только прошел лед и на Неве показались ялики для катанья, он вместе с кем-то из приятелей брал ялик и частями отвозил инфузорную землю на взморье, где и высыпал ее в воду. Эту операцию ему пришлось повторить несколько раз²²⁶. Узнал я об этом много позднее, уже после освобождения из тюрьмы; узнал также, что Кауфман страшно сердился на меня, — конечно, совершенно справедливо. Я, в свою очередь, имел бы право сердиться на Ульянова, — но Ульянов был уже мертв.

Совершенно несомненно, что Ульянов обманул меня и воспользовался мною, как нередко пользовались революционеры либеральными, готовыми им помогать, но чуждыми революции обывателями. Смотреть на меня как на такого обывателя Ульянов, конечно, имел полное право, но самый факт такого пользования обывателями, как своего рода пушечным мясом революции, мне, разумеется, был очень не по душе. Но, вспоминая, что я и сам до некоторой степени так же поступил с Л. Давыдовой, втянув ее в чуждое ей дело и навлекши на нее серьезные неприятности, я простил Ульянову, и его образ не потускнел в моей памяти; быть может, даже этот нехороший²²⁷ поступок сделал его в моих глазах более человеческим.

В последний раз я виделся с Ульяновым дней за пять до моего ареста. Не помню, зачем он зашел ко мне, но, зайдя, он разговорился и просидел у меня часа два. Мы говорили о совре-

²²⁴ В автобиографии А. А. Кауфман сообщал, что учился в гимназии Историко-филологического института, окончив которую в 1881 г. с золотой медалью, был зачислен на юридический факультет Петербургского университета, где уже на третьем курсе вступил в Студенческое научно-литературное общество и «здесь нашел среду, влияние которой сохранилось на всю жизнь; отсюда вынес интерес к науке, известные народнические взгляды (последним, впрочем, обязан в значительной мере семье Водовозовых и В. И. Семевскому), здесь завязал дружеские связи, в значительной части сохранившиеся на всю жизнь», но от политических и публицистических течений, даже от студенческих движений, стоял тогда «совсем далеко», а к последним «относился резко отрицательно» (Кауфман А. А. Автобиография // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 1. С. 152–153).

²²⁵ То есть 13,6 килограмма.

²²⁶ Иную версию приводит жена С. Ф. Ольденбурга, утверждавшая, что он после ареста А. И. Ульянова отнес часть «порошка в лабораторию к В. И. Вернадскому, чтобы узнать, что это такое», и тот, «произведя исследование, сказал, что это — трепел, составная часть динамита». Попытка спустить его в реку «почему-то не удалась», и тогда один из приятелей братьев Ольденбургов, студент Военно-медицинской академии А. И. Яроцкий, предложил перевезти трепел к нему: «У него был собственный домик на Петроградской стороне, недалеко от Ботанического сада, и около дома садик». Там-то, под видом пересаживания цветов, трепел «незаметно смешали с землей и закопали» (Ольденбург Е. Г. Студенческое научно-литературное общество при С.-Петербургском университете // Вестник Ленинградского университета. 1947. № 2. С. 154).

²²⁷ В рукописи первоначально было «не вполне хороший».

менном положении России, в частности о терроре как о средстве борьбы с деспотизмом. Я отрицал положительное значение террора, он защищал, стараясь не выходить из чисто теоретической постановки вопроса.

– Послушайте, Ульянов, – сказал я наконец, – ведь для меня совершенно ясно, что вы не только теоретический сторонник террора, а что-то готовите. Неужели это покушение на царя?

Вопрос был поставлен слишком прямо, и Ульянов, естественно, попытался уклониться от ответа; но сделал он это крайне неискусно, и я только укрепился в своем убеждении.

Я не первый раз в жизни встречался с живым террористом. Во время моей заграничной поездки за три года перед тем я имел случай познакомиться с Верой Засулич, но террористический акт в ее жизни был тогда в прошлом, и притом в далеком прошлом; здесь же я видел живого человека, подготовлявшего страшный акт, и человек этот вдобавок возбуждал к себе совершенно исключительную симпатию.

Как я уже сказал, террору я тогда не сочувствовал, но террористы, обвеянные романтической дымкой и знакомые главным образом по отчетам о политических процессах и по «Подпольной России» Кравчинского («Андрея Кожухова» тогда еще не было)²²⁸, вызывали во мне к себе самое восторженное сочувствие, а личность Ульянова только укрепляла его. Я счел нужным передать ему выражение недовольства со стороны Кауфмана (не называя, конечно, его по имени), но тем не менее расстался с Ульяновым чрезвычайно дружески. Больше его я не видал²²⁹.

Около 10 марта меня неожиданно вызвали на свидание. Меня провели длинными тюремными коридорами и лестницами в комнату для свиданий и посадили в небольшую клетку с проволоочной решеткой величиной в обычную оконную раму сзади и с такой же решеткой спереди. На расстоянии аршина перед решеткой спереди была другая решетка, а за нею – помещение для родственника, приходящего к арестанту на свидание. Минут десять мне пришлось прождать в этой клетке, недоумевая, кого я сейчас увижу, после чего в помещение была введена моя мать. Ни обняться, ни пожать руку было невозможно; можно было только разговаривать, и то не свободно: как сзади меня, так и сзади моей матери ходили помощники начальника тюрьмы, очень активно вмешиваясь в наши разговоры. За десять минут ожидания я уже огляделся и успел взять себя в руки в ожидании того, что я сейчас увижу, но на мою мать, неожиданно увидевшую меня запертым в клетке, это зрелище произвело ошеломляющее впечатление; она разрыдалась, хотя вообще умела владеть собою²³⁰. Прошло довольно долго, прежде чем она успокоилась, и потому получасовое свидание в действительности оказалось для нас еще более коротким, – ни о чем толком мы не успели переговорить, тем более что начальство каждый раз нас обрывало, как только моя мать касалась наиболее интересных для нас вопросов. Она попробовала рассказать о событии 1 марта, которое я в общих чертах уже знал, но помощник начальника Дома злобно раскричался:

– Я сейчас прерву ваше свидание, я донесу, я говорить об этом не позволяю.

То же самое повторилось, когда она начала рассказывать о том, каких лиц посетила в хлопотах обо мне и что успела сделать. Мать попробовала перейти на французский язык в рас-

²²⁸ Очерки о жизни русских революционеров, написанные С. М. Кравчинским на итальянском языке и печатавшиеся в 1881 г. в миланской газете «Il Pungolo» («Жало») под общим заголовком «La Russia sotterranea» («Подпольная Россия»), вышли отдельным дополненным изданием в мае 1882 г. в Милане, в английском переводе в 1883 г. в Лондоне и на русском языке в 1893 г. там же; роман «The career of a nihilist» («Карьера нигилиста»), изданный в Лондоне в 1889 г., вышел на русском языке в Женеве под названием «Андрей Кожухов» уже после кончины автора в 1898 г.

²²⁹ Ср. с воспоминаниями В. В. Водовозова «Встречи с Александром Ильичом Ульяновым», публикуемыми в приложении (т. 2, с. 316).

²³⁰ Ср.: «Недели через полторы после обыска, когда отобрали были формальные показания как от всех членов моей семьи, так и от служащих у меня в то время и служивших в моем доме много лет тому назад, мне разрешены были свидания с сыном. <...> Когда я подошла к железной клетке с двойной решеткой, в которую с другой стороны ввели моего сына, я была так ошеломлена и потрясена, что долго не могла выговорить ни слова» (Водовозова Е. Н. Из недавнего прошлого. С. 182).

чете на то, что надзирающее начальство его не понимает; расчет, вероятно, был правильным, потому что начальство сейчас же запретило вообще разговор на иностранном языке. Однако к концу свидания мы успели приноровиться говорить отдельные фразы, когда оба начальника оказывались не у наших, а у соседних клеток, где были свидания других арестантов, и таким образом кое-что важное она все же успела шепнуть мне. Во всяком случае, я узнал, что благодаря Н. С. Таганцеву ей удалось добиться свидания со мной, и притом два раза в неделю, хотя прокуратура крайне не хотела его давать.

Внешняя обстановка свиданий для политических в Доме предварительного заключения совсем не та, что в обычных уголовных тюрьмах, описанная в «Воскресении» Толстого. Там большая комната во всю свою длину разделена двумя параллельными высокими решетками на три части; в одной части находятся арестанты, вызванные на свидание; в другой – их родственники, а посередине между ними – между решетками – ходят тюремные надзиратели. Арестанты – вместе в толпе, и родственники тоже – вместе в толпе. Приходится отыскивать своих через две решетки, отделенные друг от друга аршина²³¹ на два, и кричать среди гула общих разговоров. Князь Нехлюдов такого свидания с Катюшей не выдержал. Здесь, в Доме предварительного заключения, напротив, свидания были индивидуальны, кричать не было никакой надобности, и надзирающее начальство не мелькало между арестантом и родственником, а ходило позади того и другого. Конечно, сидеть в звериной клетке очень неприятно и столь же неприятно приходящему с воли родственнику видеть близкого человека в такой клетке. Но все-таки это в конце концов выносимо, к этому не трудно приноровиться.

После первого наши свидания пошли регулярно, дважды в неделю, а приблизительно через месяц мать добилась и третьего свидания, притом так называемого личного. Оно давалось в тюремной камере – не моей, а свободной от постояльца; там можно было и обняться, и сидеть рядом, и пожать руку, и даже секретно передать небольшую записку – конечно, с большим риском. Но в этом последнем обыкновенно не было и надобности, так как вместо помощника начальника Дома при свидании присутствовал простой надзиратель, малоинтеллигентный, не понимавший, о чем идет речь, и обыкновенно совершенно не вмешивавшийся в разговор, так что можно было сказать решительно все, особенно если вести его с осторожностью и все особо важное излагать языком, понятным только для своих, – эзоповым или даже французским.

На следующий же день после первого свидания я получил сразу с полдюжины писем моей матери, которая аккуратно писала их мне с первого дня ареста. Мои письма, тоже аккуратно писавшиеся, она получила только через несколько дней после свидания.

Первое свидание было переломным днем в моем настроении. Хотя сознание того, что я многих погубил, по-прежнему щемило мне грудь, но все-таки я успокоился и ждал следующего допроса гораздо хладнокровнее. Я начал усиленно читать в области классической литературы и истории и работать по юриспруденции, готовясь к экзаменам, ко времени которых, как я надеялся, меня выпустят²³². Отчасти под влиянием тюрьмы и допросов я начал более серьезным образом, чем раньше, знакомиться с уголовным правом и процессом, а под влиянием предстоявших экзаменов – вообще с юриспруденцией, тогда как раньше мои интересы лежали почти исключительно в области модной тогда науки – политической экономии.

Прошло еще недели две, когда меня в конце марта вызвали наконец на допрос. К моему удовольствию, я увидел, что Янкулио из числа лиц, ведших мое следствие, исчез; он, как я сразу догадался, как более тонкий и ловкий следователь понадобился для более важного и крупного дела первомартовцев, а для меня был назначен простоватый и малосообразительный

²³¹ 1 аршин равен 0,71 метра.

²³² В рукописи зачеркнуто: «В общем, три с половиной месяца этой моей сидки принадлежат к числу тех периодов моей жизни, когда я работал особенно интенсивно. Между прочим, именно тогда я всего более познакомился с классической литературой, русской и иностранной (в переводах), подбор которой был, как я уже сказал, произведен мною заблаговременно».

товарищ прокурора Кемпе, с которым мне было гораздо удобнее вести дело. Несмотря на эту свою простоватость, он впоследствии дослужился до товарища обер-прокурора Сената. Жан-дарм Потулов, которого я несколько не боялся, несмотря на его по временам страшные рыкания, остался при моем деле.

На этот раз, однако, на допрос я был вызван не по своему делу, а как раз по делу первомартовцев: из просмотра моих бумаг, в частности моей записной книжки, куда я заносил выдачи из моей библиотеки, следователи убедились в моем знакомстве с Ульяновым и Шевыревым, и им хотелось узнать, нельзя ли и меня привлечь к этому делу, а если нет, то нельзя ли от меня что-нибудь выведать по этому делу. И в том и в другом им пришлось разочароваться. Мое знакомство с двумя первомартовцами я объяснил в полном согласии с действительностью и вместе с тем совершенно невинно; инцидент с инфузорной землей остался совершенно нетронутым, а рассказывать о моих разговорах с Ульяновым у меня, конечно, не было никаких оснований. Показания Ульянова и Шевырева ни в чем не разошлись с моими, и опасность быть привлеченным к этому делу для меня миновала²³³. Однако судя по многим данным, в том приговоре, который мне был назначен, некоторую долю нужно отнести на самый факт знакомства с этими страшными лицами. По крайней мере, на одном из последних допросов в ответ на мой вопрос, в чем я обвиняюсь, Кемпе мне заявил:

– Прежде всего вы обвиняетесь в издании книг Туна, Шэфле и Толстого, а затем в принадлежности к партии «Черного передела»²³⁴. К партии «Народной воли» вы, по-видимому, не принадлежите.

Я совсем ошеломлен. К партии «Черного передела» я никогда не принадлежал, да в это время ее уже не существовало; решительно никаких данных для подозрения в моей принадлежности к ней не было, и даже самое имя «Черного передела» на допросах не упоминалось ни разу. Чернопередельческой литературы при обыске у меня найдено не было; найденная у меня новейшая запретная литература имела по преимуществу характер народовольческий.

– Помилуйте, при чем тут «Черный передел»? Где же хотя бы тень доказательства?

– Да как же: нелегальная работа, революционные знакомства, а между тем действительно нет оснований подозревать вас в террористических покушениях.

Такова была логика прокуратуры: я знаком с революционерами-народовольцами, но в их деле не участвовал; ergo²³⁵ – я виновен в чем-то менее серьезном; партий известно следователям две: народовольцы и чернопередельцы (социал-демократы, уже появившиеся тогда за границей в лице Плеханова, Аксельрода и других, в России еще почти не имели своих сторонников, хотя группа Благоева в Одессе²³⁶ была в это время уже раскрыта и ликвидирована²³⁷); я, следовательно, должен принадлежать к чернопередельцам.

²³³ Полиция изъяла у А. И. Ульянова январское 1887 г. письмо с подписью В. В. с приглашением зайти за нужной ему книгой. На допросе В. В. Водовозов не отрицал, что действительно знает нескольких обвиняемых в покушении на цареубийство: в гостях не бывал, за исключением одного раза у П. Я. Шевырева, но принимал у себя дома, так как, имея хорошую библиотеку, охотно выдавал книги всем желающим. Ульянов тоже выгораживал товарища и говорил, что, желая заручиться его рекомендацией для вступления в студенческое общество, познакомился с Водовозовым в марте 1886 г., несколько раз приходил к нему за книгами, но, мол, понятия не имел, что он переводит, составляет примечания и литографирует «Историю революционных движений в России», и тем более не знает, кто приносил ему нелегальные издания. Ульянов признал, что автором полученного им послания с подписью В. В. был Водовозов, хотя, ссылаясь на забывчивость, отказался назвать взятую у него тогда книгу (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 19–20).

²³⁴ «Черный передел» – нелегальная политическая организация народнического направления, возникшая после раскола тайного общества «Земля и воля» в 1879 г. и выступавшая против революционного террора; просуществовала до конца 1881 г., отдельные кружки – до середины 1880-х гг.; часть ее руководящих деятелей, включая Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, Л. Г. Дейча, В. И. Засулич и др., оказавшись в политэмиграции в Швейцарии, образовала в 1883 г. марксистскую группу «Освобождение труда».

²³⁵ следовательно (лат.).

²³⁶ Неточность: имеется в виду одна из первых марксистских групп, созданная в Петербурге в декабре 1883 г. болгарин Д. Н. Благоев (в 1881–1885 гг. он учился в Петербургском университете, ранее – в Одесском реальном училище) и принявшая в 1884 г. название «Партия русских социал-демократов».

За вторым допросом через неделю или полторы последовал третий, за ним – четвертый и т. д., всего десять или двенадцать. Эти уже были посвящены непосредственно моему делу. Очень скоро нашлась та записка Лидии Давыдовой, о которой я уже говорил и по которой установили принадлежность ей одной относящейся к переводу Туна рукописи. У нее был сделан обыск, – к счастью, ничего не нашли. Ее свезли в градоначальство, но в тот же день освободили.

Нашли у меня одну записку приблизительно такого содержания: «Знаешь ли ты о брошюре Шэфле “Der Krieg in Zahlen”²³⁸? По-видимому, очень ценная. Желательно достать, перевести, издать и распространить»²³⁹. В подписи ясно было «Сер...», конец неразборчив. Записка эта принадлежала Сергею Ольденбургу и имела совершенно невинный характер. Будучи в то время крайним пацифистом и воображая, что изображением ужасов войны можно ее предотвратить, Ольденбург решил, что эта книжка могла бы быть желательной на русском книжном рынке. Но в данном случае он нисколько не сомневался, что цензура не сделала бы никакого препятствия переводу и изданию этой книжки, и потому в данном случае имел в виду исключительно легальное издание. Само собою разумеется, что, живя за десять минут ходьбы от меня и беспрестанно видясь со мной, он не стал бы сноситься по нелегальному делу при помощи почты. Но само собою разумеется также, что следователи не были расположены верить этому, тем более что другая брошюра Шэфле («Сущность социализма») была в числе изданных мною нелегальных книг.

Предъявляя мне это письмо, Кемпе спросил, кому оно принадлежит. Я отказался отвечать на этот вопрос, хотя, может быть, этот отказ в данном случае и был ошибкой, ибо авторство Ольденбурга не могло остаться тайной, а откровенный ответ, может быть, рассеял бы подозрительность.

– Речь в этом письме идет, очевидно, о таком же издании, как все остальные ваши издания.

– Нет, не очевидно, а даже совсем напротив. Автор письма узнал о книге Шэфле из заметки о ней в «Новостях»²⁴⁰, помещенной там около того числа, которым датировано письмо; вам, следовательно, не трудно ее найти и убедиться в этом. Уже из этой заметки вы можете увидеть, что книга эта – статистическая и экономическая, ничего нецензурного в себе не заключающая. Затем эту книгу вы можете найти в любом большом книжном магазине Петербурга и можете узнать, что она продается совершенно свободно. Она у меня есть, я ее читал и тем более убежден в этом. Издавать ее нелегально нет смысла.

– Зачем же тут сказано «и распространить» и зачем автор этого письма обращается именно к вам, занимающемуся нелегальным издательством?

Ответы на оба вопроса были легки и трудны; легки они были бы в беседе со знакомым; трудны на допросе, производимом прокурором и жандармом, заранее решившими не верить ничему, что говорит сидящий перед ними арестант.

– Зачем же вы скрываете имя автора письма, если в нем нет ничего преступного?

На это ответить еще легче: ведь я же вижу, что вы мне не верите и что за моим ответом немедленно последует предписание об обыске²⁴¹.

²³⁷ Зачеркнуто: «и Благоев как иностранец выслан за границу».

²³⁸ Schöffle A. E.Fr. Der nächste Krieg in Zahlen: Militär- und finanzstatistische Studie über die Erhöhung der deutschen Friedenspräsenz [Ближайшая война в цифрах: военно-финансово-статистическое исследование об укреплении присутствия Германии в мире]. Tübingen, 1887.

²³⁹ Правильно: «То, что ты требовал к субботе, доставим в воскресенье утром. Что ты знаешь о брошюре Шефле “Во что обойдется война?” или вроде? Надо достать, перевести, издать и распространить. Ведь цензура позволит?» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 26).

²⁴⁰ Правильно: «Новости и Биржевая газета».

²⁴¹ В рукописи далее зачеркнуто: «но, разумеется, в такой форме я не отвечал. И действительно, мое нежелание назвать имя Ольденбурга в данном случае было ошибкой, но ошибкой, психологически для меня обязательной».

На следующем допросе мне была предъявлена другая записка Ольденбурга²⁴², с полной его подписью. Сходство почерков было несомненно²⁴³, и в ту же ночь у Ольденбурга был сделан обыск. У него забрали довольно много бумаг, между прочим написанных по-санскритски и на других восточных языках, которые производивший обыск жандармский офицер, по-видимому, принял за какой-то шифр. На первом же допросе недоразумение разъяснилось, и рукописи были благополучно возвращены. Но, на беду, у него было забрано также одно письмо С. Е. Крыжановского, само по себе тоже невинное²⁴⁴, но при сопоставлении с найденной у меня рукописью, относившейся к Туну, оно обнаруживало ее автора²⁴⁵.

Из других же лиц по моей неосторожности пострадал еще мой университетский товарищ Б. Б. Глинский (впоследствии редактор «Северного вестника», а затем – «Исторического вестника»). К моему делу он не имел никакого отношения, но у меня было найдено его письмо, обнаружившее его связь с Шевыревым и участие в студенческих землячествах²⁴⁶.

²⁴² Зачеркнуто: «еще более невинная по своему содержанию, но».

²⁴³ В материалах дознания от 12 ноября 1887 г. по делу о дворянине В. В. Водовозове и других лицах, обвиняемых в государственных преступлениях, говорилось: «Ввиду обратившего на себя внимание сходства почерка, коим писано это письмо, с почерком оказавшегося по тому же обыску у Водовозова письма, подписанного магистрантом С.-Петербургского университета Сергеем Ольденбургом, произведена была экспертиза сличения этих почерков, которая сходство между ними подтвердила. Спрошенный затем обвиняемый Водовозов, отказывавшийся первоначально от объяснений, показал, что таковая писана к нему Ольденбургом, что в ней речь идет о носовом платке, который он забыл в квартире Ольденбурга, а издание и распространение брошюры Шефле предполагалось ими с позволения цензуры для восстановления общественного мнения вообще против войны ввиду искусственного возбуждения милитаристического настроения в Германии. Не вполне удовлетворительное объяснение Водовозовым содержания этого письма подало повод к обыску у Ольденбурга, по которому ничего явно противозаконного не обнаружено, вследствие чего и Ольденбург допрошен в качестве свидетеля, причем, объясняя содержание письма от 6 февраля согласно с объяснением Водовозова, насколько оно относится к брошюре Шефле, показал, что не помнит, что именно он в этом письме обещал Водовозову доставить в воскресенье утром» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 26).

²⁴⁴ При изучении взятых у С. Ф. Ольденбурга бумаг выяснилось сходство почерка, которым написаны два письма с неразборчивой подписью «из селения или посада Вульки Бяльского уезда Седлецкой губернии» и отобранная при обыске у В. В. Водовозова рукопись «От чего зависит будущность России» – перевод воспоминаний революционера В. К. Деборгия-Мокриевича, приговоренного в 1879 г. к 14 годам каторги, но бежавшего за границу. Ольденбург пояснил, что эти письма написаны бывшим помощником секретаря С.-Петербургского окружного суда С. Е. Крыжановским, уехавшим из-за болезни в имение вдовы седлецкого губернатора, матери своей мачехи, Е. Ф. Громеко вблизи города Бялы. Допрошенный в качестве обвиняемого, тот показал, что с Водовозовым «ни в каких особенных отношениях не состоял и не состоит», но знает его как библиотекаря Студенческого научно-литературного общества и товарища Сергея Ольденбурга. Водовозов, который вел иностранное обозрение в еженедельнике «Неделя», в начале 1887 г. показал Крыжановскому один из выходивших в Кракове журналов с заинтересовавшей его статьей и попросил помочь ее перевести, ибо, как объяснил, интересуется тем, что за границей пишут о России. Водовозов тоже выгораживал Крыжановского, уверяя, будто «хорошим его знакомым считаться не может, так как с ним встречался только у знакомых и в университете» (Там же. Л. 26–28).

²⁴⁵ В рукописи далее зачеркнуто: «С. Ольденбург, участие которого в моем деле было очень значительно, таким образом обнаружен не был, а Крыжановский, участие которого было совершенно второстепенное, оказался в него впутанным».

²⁴⁶ См.: «Петр Шевырев объяснил свое знакомство с Водовозовым следующим образом: в начале 1886 г., зная, что бывший студент С.-Петербургского университета Борис Борисов Глинский очень интересуется кассами для вспомоществования бедным студентам (правительством не разрешенными), он, Шевырев, зашел к нему на квартиру, чтобы переговорить с ним насчет переустройства этих касс. С Шевыревым вместе отправился и студент Щербаков. Глинский отправил обоих, при письме от 11 февраля 1886 г., к Водовозову. Раньше этого он, Шевырев, ни с Глинским, ни с Водовозовым знаком не был. В тот раз Щербаков к Водовозову не пошел, так что к последнему с означенным письмом явился один Шевырев. Переговоры, по словам Шевырева, с Водовозовым ни к чему не привели, как показалось Шевыреву, потому, что Водовозов мало сочувствовал идее устройства общей студенческой кассы, в которую бы слились все существовавшие отдельные маленькие кассы т. н. землячеств. Познакомившись таким образом с Водовозовым, Шевырев несколько раз бывал у него на квартире с целью получить для чтения книги. По поводу таких книг им, Шевыревым, и было написано найденное у Водовозова его письмо». Вышеупомянутое послание Б. Б. Глинского гласило: «Водовозов, направляю к тебе гг. Шевырева и Щербакова, студентов нашего университета, для переговоров о слиянии нашей кассы с землячествами на началах федерации. Идея эта, собственно говоря, знакомая нам еще в то время, когда мы образовали нашу кассу. В первоначальном виде подобная федерация и имела в виду, но по трудности выполнения это не осуществилось. В настоящее время явились люди с энергией и желанием принести пользу делу, люди, верующие в возможность подобного союза и уже говорившие с другими землячествами и отдельными студентами, а потому я полагаю необходимым дать ход начатому делу и поддержать их» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 21, 14).

Через четыре месяца, во второй половине июня, я был выпущен под залог в две тысячи рублей и остался в Петербурге ожидать приговора²⁴⁷. Из университета я был, разумеется, исключен, не сдав переходных экзаменов; литературная работа моя не возобновилась, нелегальное издательство – тем более, и я жил несколько месяцев без определенного дела²⁴⁸.

Из моих близких друзей я не застал Сергея Ольденбурга, уехавшего за границу в научную командировку, и Федора Ольденбурга, уехавшего в Тверь, где он сделался преподавателем в известной учительской семинарии имени Максимовича и приобрел большое значение как общественный деятель²⁴⁹; застал Вернадского, Гревса и по-прежнему поддерживал с ними близкое дружеское знакомство.

Сблизился в эту зиму я с семьей известного таврического земского деятеля, впоследствии члена Государственной думы В. К. Винберга, бывшей центром очень обширного и радикального кружка. В нем, между прочим, я познакомился (позднее, в 1890 г.) с молоденькой, только что прибывшей в Петербург курсисткой Ольгой Ильиничной Ульяновой, сестрой уже казнённого в это время Александра Ульянова и В. И. Ленина; позднее я скажу о ней больше в связи с семьей Ульяновых.

В феврале 1888 г. кончилось мое дело, и мне и моим товарищам по нему был вынесен приговор, – разумеется, не в судебном, а в административном порядке, приговор «по высочайшему повелению»; я был отправлен на пять лет административной ссылки в Архангельскую губернию в распоряжение архангельского губернатора; Крыжановскому назначено 14 дней тюремного заключения, Глинскому – 10 дней, Лидии Давыдовой – высочайший выговор; Кармалину считать освобожденной от дела²⁵⁰.

Особенно курьезным наказанием был высочайший выговор Лидии Давыдовой, сообщенный ей через околоточного. Для нее он был действительным наказанием, потому что ее отец серьезно считал себя опозоренным всею этой историей, а мать, Александра Аркадьевна Давыдова, была страшно перепугана и за дочь, и за себя, и дочери пришлось пережить очень тяжелые минуты. Лидия Карловна посетила меня, но дала понять, что мне в их доме бывать в течение некоторого времени не следует.

²⁴⁷ В рукописи далее зачеркнуто: «Мне было разрешено пробыть две недели в Петербурге (точнее, под Петербургом, на даче, куда перебралась моя мать), а затем предписано впредь до приговора жить где-нибудь вне университетских городов. Моя мать заявила, что я уеду в имение [Бухово] моей бабушки (Александры Степановны Цевловской, урожденной Гонимской (1813–1887), сестры двух генералов от инфантерии – Ивана Гонимского (1810–1887) и Николая Гонимского (1815–1904). – В. Г.) в глуши Смоленской губернии, и я действительно туда уехал. Через два месяца бабушка умерла на моих руках, и моя мать выхлопотала мне доступ в Петербург, где я должен был ожидать приговора. Осень и зиму 1887–88 гг. я, таким образом, провел в Петербурге».

²⁴⁸ Зачеркнуто: «готовясь к будущему экзамену в университет, сдать который я все же надеялся. Вместе с тем ни в какой другой период моей жизни я не бывал так часто в гостях и не принимал в таком количестве таковых у себя».

²⁴⁹ Называя Ф. Ф. Ольденбурга «замечательным педагогом и благородным человеком», В. В. Водовозов писал, что те, кто помнит студенческое научно-литературное общество при Петербургском университете, закрытое администрацией в 1887 г., но давшее очень и очень многим «толчок в их научных занятиях и поддерживавшее их научные интересы едва ли не в большей степени, чем профессорские лекции <...>, никогда не забудут и того, что душою и живым его центром были, рядом с его председателем – профессором Орестом Миллером, два студента – братья Ольденбурги». Старшему из них было предложено остаться при университете для подготовки к профессорскому званию, но, «верный своим первоначальным стремлениям к педагогической деятельности, он отказался и через два года по окончании университета, осенью 1887 г., принял предложенное ему место педагога тверской земской учительской школы (имени) П. П. Максимовича, задачей которой является подготовка учительниц для сельских школ, преимущественно Тверской губернии» (Водовозов В. Федор Федорович Ольденбург (1862–1914) // День. 1914. № 198. 25 июля).

²⁵⁰ Неточность: в заключении от 12 ноября 1887 г., поддержанном Департаментом полиции, министр юстиции Н. А. Манассеин полагал возможным: «1. Василия Водовозова выслать в Архангельскую губернию под надзор полиции сроком на три года; 2. Сергея Крыжановского подвергнуть аресту на две недели; 3. Бориса Глинского подвергнуть аресту сроком на десять дней; 4. Клеопатру Кармалину подвергнуть аресту на семь дней; 5. Лидии Давыдовой сделать строгое внушение при посредстве начальницы учебного заведения, в коем она воспитывается, по поводу принятого ею участия в переводе сочинения Туна, не пропущенного цензурой». Но в «высочайшем повелении» от 30 января 1888 г. срок высылки Водовозова увеличили с 3 до 5 лет, и если предлагаемое наказание Глинского и Давыдовой не претерпело изменений, то Крыжановский и Кармалина в приговоре даже не упомянуты (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 32, 36).

Глинский, большой специалист по делу устройства общественных обедов и выпивок, был арестован на следующий день после устроенного им студенческого обеда в университетскую годовщину 8 февраля (на котором я тоже присутствовал) и был выпущен ровно через десять дней, так что успел попасть на общественный обед по случаю годовщины освобождения крестьян.

Крыжановский благодаря своим связям в высоких чиновничьих сферах успел отбояриться от наказания, и эта история не помешала ему сделать хорошую карьеру. Поступив на службу, он быстро и решительно повернул направо, довольно круто разорвал с друзьями молодости, был впоследствии товарищем министра финансов при Витте²⁵¹, а затем – внутренних дел при Столыпине и одним из творцов закона 3 июня 1907 г.²⁵²

Кармалина, как я уже говорил, несмотря на оправдательный приговор, пострадала тяжелее других.

Грובה на этот раз вышла совсем сухой из воды. Литография ее по-прежнему процветала на Большом проспекте Петербургской стороны, и нередко, проезжая мимо нее на империале тогдашней конки²⁵³, я читал ее вывеску и думал: не зайти ли к ней, не поговорить ли с ней, но ни разу не решился этого сделать. Скоро мне стало известно, что к ней нашли дорогу студенты, занимавшиеся тем же, чем и я, и что, побуждаемая нуждой или жадностью, она вновь занялась тем же самым делом, на этот раз – с более печальным результатом. Когда через два года я был в Петербурге и вновь проезжал на той же конке, я уже не увидел ее вывески: новое нелегальное издательство, литографировавшее у нее свои издания, было раскрыто, мастерская ее закрыта, она арестована и выслана из Петербурга²⁵⁴. Но моей вины в этом совершенно не было. Не знаю, допрашивали ли ее тогда и о моих изданиях, но, во всяком случае, меня в связи с ее делом не трогали.

Ал[ександр] И[льич] Ульянов и Шевырев были повешены вместе с тремя другими участниками их дела (Андреюшкиным²⁵⁵, Генераловым и Осипановым)²⁵⁶. Во время процесса в Петербург приехала мать Ульянова, Мария Александровна²⁵⁷, и хлопотала, а для этого обивала все пороги. Хлопоты о смягчении участи были, конечно, совершенно бесполезны, но она страстно добивалась хотя бы свидания с сыном перед казнью, чтобы проститься с ним. Очень горячее участие принял в ней известный криминалист, в то время сенатор²⁵⁸, Н. С. Таганцев, и с большим трудом, нажавши все пружины, добился исполнения ее просьбы: свидание ей было дано. М. А. Ульянова была глубоко благодарна Таганцеву и написала ему письмо, в котором, благодаря его, высказала между прочим следующее: «Мне, конечно, никогда не удастся отблагодарить Вас за Вашу сердечность, но я молю Бога, чтобы кто-нибудь из моих детей когда-нибудь смог отблагодарить Вас за меня».

²⁵¹ Неточность: с 1896 г. С. Е. Крыжановский служил в Министерстве внутренних дел, в котором занимал должности вице-директора Хозяйственного департамента в 1901–1904 гг., помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства в 1904–1906 гг. и товарища министра внутренних дел П. А. Столыпина в 1906–1911 гг.

²⁵² Имеется в виду избирательный закон – «Положение о выборах в Государственную думу».

²⁵³ Империял конки – пассажирский ярус на крыше экипажа, который лошади тянули по рельсам.

²⁵⁴ «К счастью, никаких следов литографии, в которой я литографировал, найдено не было. Через несколько дней был сделан повальный обыск во всех петербургских литографиях, но Грובה была предупреждена, и никаких следов ее преступления у нее найдено не было. Таким образом, для нее дело сошло благополучно. Однако она не унялась и, чувствуя в нелегальной работе важное для себя подспорье, в самом непродолжительном времени вновь согласилась на литографирование каких-то других нелегальных изданий, на которых она через три года (в 1890) и попала» (Водовозов В. [Рец. на кн.:] Тун А. История революционных движений в России. С. 309).

²⁵⁵ В рукописи ошибочно повторно указано: «Шевырев».

²⁵⁶ 8 мая 1887 г. в четыре часа утра А. И. Ульянов и его сообщники – П. И. Андреюшкин, В. Д. Генералов, В. С. Осипанов, П. Я. Шевырев – были казнены в Шлиссельбургской крепости.

²⁵⁷ В рукописи ошибочно: «Ильинична».

²⁵⁸ Н. С. Таганцев был назначен сенатором 23 декабря 1887 г., т. е. уже после казни А. И. Ульянова.

Через 33 года после этого второй ее сын, Владимир Ильич Ленин, был властелином России, а сын Таганцева, профессор Вл[адимир] Ник[олаевич] Таганцев, сидел в тюрьме и был приговорен к расстрелу за участие в каком-то едва ли не фантастическом или, во всяком случае, доподлинно неизвестном заговоре против власти²⁵⁹. Ник[олай] Ст[епанович] Таганцев написал Ленину письмо с просьбой о помиловании сына и в этом письме напомнил письмо матери Ленина²⁶⁰. Ответом был немедленный расстрел Владимира Николаевича Таганцева²⁶¹.

²⁵⁹ Имеется в виду дело «Петроградской боевой организации», или заговор В. Н. Таганцева, по которому были арестованы 833 человека, из которых 98, в том числе 25 женщин, согласно постановлениям президиума Петроградской губернской ЧК от 24 августа и 3 октября 1921 г., были приговорены к расстрелу; в числе казненных оказались супруги В. Н. и Н. Ф. Таганцевы, поэт Н. С. Гумилев, профессора Н. И. Лазаревский и М. М. Тихвинский, скульптор князь С. А. Ухтомский и др.

²⁶⁰ 16 июня 1921 г. Н. С. Таганцев написал В. И. Ленину: «Я обращаюсь к Вам с просьбой о смягчении участи сына по двум основаниям: 1) *внешним*: я хорошо знал Вашего покойного отца и Вашу матушку; был в 1857 и 1858 гг. вхож в Ваш дом, 2) *внутренним*: потому что я, по своим убеждениям, в тяжелые времена царизма *никогда* не отказывал в ходатайствах и помощи политическим обвиняемым» (Четыре письма В. И. Ленину // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 9. С. 825). Таганцев не упоминал о «письме матери Ленина» (видимо, апокрифическом), но ссылался на свои ранее отправленные ему мемуары, в которых, замечая, что присутствовал 15–19 апреля 1887 г. на процессе А. И. Ульянова, из подсудимых оставившего «наиболее симпатичное впечатление, как искренне преданный тому делу, за которое он шел на казнь», между прочим вспоминал: «Вечером мне докладывают, что пришла какая-то дама; прошу ко мне в кабинет; входит пожилая особа, которая обращается ко мне: “Николай Степанович, вы меня не узнаете?” – и на мой уклончивый ответ, что не могу припомнить, она говорит: “Да ведь я Ульянова, в Пензе вы у нас бывали”. Я тотчас же ее припомнил, но она была в страшном волнении и в слезах; с нею был небольшой мальчик гимназист. “Да ведь сегодня судили моего сына за посягательство на жизнь государя!” Меня как обухом по головехватило. Я ведь был еще под страшным впечатлением выслушанного приговора. “Ради Бога, помогите: мне сказали, что вы это можете: я хочу увидеть моего несчастного сына. А меня не пропускают, отказывают”. Я долго пытался отговорить ее, вспоминая горькую и страшную истину, о которой она услышит. Но она продолжала настаивать, и я не мог не уступить. С болью в сердце написал я записку Эдуарду Яковлевичу Фуксу, который тогда был прокурором судебной палаты и от которого зависело разрешение свидания. Так она и ушла. На другой день она опять приходила ко мне, но меня не застала и, как сообщила мне жена, которая ее видела, произвела на нее потрясающее впечатление, когда каким-то страшным шепотом она сказала: “Сына я видела, ведь он присужден к смерти”» (Таганцев Н. С. Пережитое. Пг., 1919. Вып. 2. С. 32).

²⁶¹ Неточность: В. Н. Таганцев был расстрелян не ранее 28 августа 1921 г.

Глава III. Ссылка. Материальные и духовные условия жизни в ссылке. – Полицейские условия

Как раз в годовщину моего ареста, 25 февраля 1888 г., я отправился в ссылку. Мне было разрешено ехать на свой счет и даже без провожатого с так называемым «проходным свидетельством» вместо паспорта, то есть бумагой, объяснявшей мое полуправное положение. Железной дороги из Петербурга на Вологду, а тем более из Вологды в Архангельск, точно так же, как линии между Рыбинском и Ярославлем, тогда еще не было, и я проехал на Москву и Ярославль. Так как я, не надеясь на доступ в Петербург, рассчитывал держать экзамен при Ярославском лицее²⁶², то я остановился в Ярославле и обошел профессоров лицей, чтобы позондировать почву и узнать их экзаменационные требования.

Затем, переехав через Волгу по крепкому еще льду (моста тогда еще не было), я сел в скверный вагон тряской узкоколейки, везшей тогда на Вологду, и после медлительного пути прибыл в Вологду. Там я купил кибитку и в ней (чтобы не перекладывать вещей на каждой почтовой станции) направился в Архангельск, около 800 верст и что-то около 40 почтовых станций. Ехал я день и ночь, 5 суток по хорошему санному пути, перепрягая лошадей на каждой почтовой станции, любясь прекрасным сосновым лесом, тянувшимся почти всю дорогу. При свете восходящего и заходящего солнца кора его деревьев отливала красным цветом и представляла контраст с девственным белым снегом. Останавливался я только для чаепития и обеда. Только в Шенкурске и Холмогорах я остановился на несколько часов, чтобы познакомиться с местными ссыльными колониями. Все это можно было проделать совершенно свободно, не встречая никаких препятствий со стороны местной администрации.

Наконец я прибыл в Архангельск. Здесь я должен был явиться к местному губернатору (кн. Голицыну), от которого зависело назначить мне место жительства. Мне предшествовало письмо М. И. Семевского, который просил оставить меня в самом Архангельске. В этом Голицын отказал и назначил мне Шенкурск как самый южный и лучший город Архангельской губернии, причем, однако, сам предложил мне переждать в Архангельске до открытия навигации. Я не понял тогда, что это было замаскированное согласие на ходатайство: можно было остаться до открытия навигации, потом просить об отсрочке на два месяца, потом заболеть, потом просить об оставлении до санного пути и затем – до новой навигации, – и много шансов, что мне это удалось бы; прецеденты, как оказалось, бывали. Но я этого не знал, и меня не прельщала мысль распаковывать свои чемоданы с большим запасом книг, устраиваться на короткое время, чтобы через два месяца срываться с места и вновь ехать куда-то вдаль для нового устройства на новом месте.

В общем, я, вероятно, не сделал ошибки, так как условия жизни и работы в Архангельске вряд ли были лучше, чем в Шенкурске. От железной дороги Архангельск был дальше, почта от Петербурга и Москвы доходила до него позднее даже в нормальное время, а тем более во время весеннего и осеннего бездорожья, климат был значительно хуже, жизнь дороже, окрестная природа хуже, а общество, доступное мне, вероятно, не лучше. Поэтому я остался в Архангельске всего несколько дней, чтобы отдохнуть от поездки, посмотреть город и познакомиться кое с кем из местных обывателей.

Политических ссыльных в то время в Архангельске не было, а из местных людей, с которыми я познакомился, интересным собеседником оказался только один статистик Минейко, хороший знаток края. Затем в той же своей кибитке, приобретя несколько статистических

²⁶² Имеется в виду ярославский Демидовский юридический лицей, основанный в 1803 г., а в 1868 г. приравненный к юридическим факультетам университетов.

изданий Архангельского комитета²⁶³, я отправился обратно в Шенкурск. Весна в этом году была ранняя и особенно быстрая, и сильный мороз, сопровождавший мою поездку от Вологды до Архангельска, неожиданно быстро сменился оттепелью. Я вновь проехал Холмогоры, переночевал там по усиленному приглашению у одного из местных ссыльных и тронулся далее на Шенкурск.

Тронулся я не один. Незадолго перед тем в Холмогорах произошел такой инцидент. Через город по этапу проходила к Архангельску новая партия политических. Местные холмогорские «политики» вышли ее встречать, но сопровождавший ее конвой не допустил их до разговоров с партией и даже поколотил прикладами. В наказание избитые холмогорские «политики» были раскассированы по разным городам Архангельской губернии. Большая часть была отправлена в более гиблые места, как Онега, Пинега и Мезень, а одной, Шейдаковой, как испытавшей побои в меньшей, чем другие, степени, было предписано отправляться в Шенкурск. Ее перевод туда совпал с моей поездкой, и я поехал вместе с нею; впоследствии она стала моей женой. Дорога стала хуже, ехать без ночевки было невозможно, и триста с небольшим верст потребовали от нас на этот раз целых три дня. В середине марта я был в Шенкурске²⁶⁴.

По своему географическому положению Шенкурск не похож на другие северные города России. Он лежит на довольно высоком правом берегу довольно широкой (сажен²⁶⁵ сто) реки Ваги, притока Оби²⁶⁶. Берег песчаный и, следовательно, сухой; на север и на юг тянется прекрасный сосновый лес. Болота имеются только к востоку, а также к западу, на противоположном берегу Ваги. Зимы длинные, холодные и очень многоснежные; лето короткое, иногда довольно жаркое и вообще сухое; весна и осень, особенно последняя, короткие, тянущиеся недели по три, по четыре. В общем, климат можно признать здоровым.

Городишко Шенкурск – маленький, весь деревянный, довольно чистый. По полицейским данным, в нем числилось тогда 1293 жителя. Коренное население – чисто русское и исключительно православное; оно занималось мелкой торговлей, сдачей квартир в наймы чиновникам и ссыльным, отчасти ремеслами (встречая в этом отношении некоторую конкуренцию со стороны ссыльных). Видную часть населения составляло чиновничество, а также ссыльные, политические и уголовные.

Город являлся административным центром громадного территориально уезда. На севере граница ближайшего Холмогорского уезда отстояла верст на 150–200, на юге граница Вологодской губернии – верст 80. И к Холмогорам (и далее к Архангельску), и к ближайшему уездному городу Вологодской губернии – Вельску (а от него к Вологде), по крайней мере, был хороший почтовый тракт; на восток и на запад летом проезда почти не было. Населения во всем уезде было что-то около 80 000; это были крестьяне, находившие подсобный заработок в кустарных и в отхожих промыслах. Из кустарных промыслов я особенно заинтересовался вытачиванием разных безделушек (брошек, разрезальных ножей и т. п.) из изредка находимой в этих местах мамонтовой кости; работа поражала художественностью отделки. Я купил несколько таких вещей по изумительно дешевым ценам и послал их в Петербург в подарок близким людям. Среди крестьян имелось небольшое число старообрядцев.

При некотором знакомстве с крестьянами я обратил внимание на два явления. Во-первых, их более независимый, прямой, менее заискивающий, чем в остальной России, характер, – вероятно, следствие того, что здесь никогда не было крепостного права. А во-вторых, мест-

²⁶³ Имеется в виду Архангельский губернский статистический комитет, созданный в 1835 г.

²⁶⁴ Зачеркнуто: «Я застал в Шенкурске колонию политических ссыльных в 6 человек, причем четверо были с женами, а один (Никонов) на придачу с маленькими детьми. В первые два года моего пребывания в Шенкурске колония довольно быстро росла, хотя, с другой стороны, и убывала: Никонов через несколько месяцев после моего приезда получил значительное смягчение своей участи и был переведен куда-то на юг, чуть ли не в Крым, где у него были родные».

²⁶⁵ Одна сажень равна 2,13 метра.

²⁶⁶ Ошибка: река Вага – приток Северной Двины.

ный язык, довольно сильно отличающийся от ранее знакомых мне говоров русского языка. Я заметил любопытный пережиток *dativus absolutus*²⁶⁷ или *dativus temporis*²⁶⁸ (например: «сего годному году» – в нынешнем году); обратил внимание на винительный падеж существительных женского рода, сходный с именительным («носить вода», «закрыть труба»), некоторые слова в особенном смысле («пахать пол» в смысле мести) и т. д. Я записал довольно много таких особенностей, а также несколько песен, которые я слышал, но никакого употребления из этих записей, к сожалению, не сделал.

Цены в городе были изумительно низкие. Я, например, платил 6 рублей за квартиру в три больших комнаты с кухней; квартира была меблированная, – конечно, очень просто, но для непритязательного человека вполне достаточно. И это была одна из самых дорогих и лучших квартир в городе. Самую лучшую и самую дорогую во всем Шенкурске квартиру занимал жандармский офицер, платя за нее 15 рублей в месяц. Другие ссыльные платили за квартиры 4, 3 и даже 2 рубля, и это были квартиры обыкновенно в две комнаты с кухней. Конечно, все это было примитивно и лишено довольно элементарных удобств. Дрова были изумительно дешевы, так что экономить на них никому не приходило в голову. Мясо стоило 2–3 копейки фунт; десяток яиц весной – столько же, зато зимой их просто нельзя было найти. Несколько дороже, чем в остальной России, был хлеб, так как местного хлеба для потребностей уезда и города (а тем более губернии) не хватало; сравнительно дороги были товары привозные: сахар, чай, табак, но все-таки дешевле, чем можно было бы ожидать. Ведь за доставку гужом товаров от Вологды (400 верст!) местные купцы платили летом 40–50 копеек за пуд, а зимой – 25–30 копеек. Вследствие таких цен я, получавший из дому 40 рублей в месяц, мог считаться богачом, да и другие ссыльные, доходы которых определялись, как я скажу дальше, рублей в 14–15 на человека, следовательно – в 28–30 на супружескую пару, могли жить, не нуждаясь.

Еще по дороге в Шенкурск я обдумал линию своего поведения в ссылке. Что буду я делать там? Прежде всего, конечно, – учиться. Авось мне разрешат по окончании ссылки сдать университетские экзамены, – необходимо быть готовым к ним; для этой цели я взял с собой два больших чемодана, набитых книгами, и рассчитывал на дальнейшую их присылку из дому – частью из моей личной библиотеки, оставшейся в Петербурге, частью новых.

Но, далее, учиться нужно не только из книг. Нужно присмотреться к местной жизни. До тех пор провинции я почти не видал и ее жизнь знал разве по Гоголю и новейшей литературе. Хорошо, если я сумею войти в жизнь местного общества и таким образом познакомлюсь с провинциальным обществом. Будет ли это допущено жандармерией? Увидим. Как на это посмотрят товарищи по ссылке? Тоже увидим. С товарищами по ссылке, надеюсь, сойдуся. Я много слышал о постоянной грызне в ссыльных колониях, но у меня характер, кажется, не сварливый, а те представители ссылки, с которыми я познакомился проездом в Холмогорах и самом Шенкурске, мне понравились. Авось будем жить дружно, а главное, буду усиленно работать.

По приезде в Шенкурск я переночевал первую ночь у одного из товарищей по ссылке (ни гостиницы, ни даже постоялого двора в городе не было; ночевать проезжие, не находившие приюта у знакомых, могли только на почтовой станции), а затем легко, с его же помощью, нашел себе помещение и устроился в городе. Столоваться у себя предложила одна из ссыльных дам, у которой столовалось еще несколько ссыльных и которая делала это совершенно бескорыстно, по «себестоимости», – обед обходился у нее рублей 5–6 в месяц. В первый же день я познакомился со всеми товарищами по ссылке (или возобновил знакомство, так как оно было заведено еще в первый проезд через Шенкурск неделей раньше) и сразу застал две враждебные

²⁶⁷ дательный самостоятельный (*лат.*) – оборот, представлявший собой сочетание существительного (местоимения) в дательном падеже с согласованным с ним причастием, для выражения значения времени, реже – причины или уступки.

²⁶⁸ дательный времени (*лат.*) – оборот, употребляемый для указания конкретного времени действия.

друг другу партии, а меньше чем через два месяца имел несчастье попасть в суперарбитры в третейском суде между ними.

Правовое положение ссыльных регулировалось «Положением о полицейском надзоре» 1881 года, помещенным в приложении к «Уставу предупреждения и пресечения преступлений»²⁶⁹ (т. XIV Свода законов). При этом закон вовсе не знал административной ссылки; он знал только полицейский надзор; административная же ссылка явилась незаконным придатком к надзору, созданным жизненной практикой. Под полицейский надзор (по словам закона) отдавались «лица, вредные для общественного спокойствия»²⁷⁰, и надзор являлся мерой предупреждения могущих быть совершенными преступлений, никоим образом не карой за таковые.

В действительности дело обстояло как раз обратно: под надзор в ссылку отправляли всегда или почти всегда за какое-либо конкретное деяние, признаваемое преступным, как это было со мной. Но если я, по крайней мере, действительно совершил то деяние, в котором обвинялся, то в других случаях нередко было достаточно простого подозрения в совершении такого деяния без всяких доказательств. Факт совершения этого деяния и его преступный характер устанавливались не судом, требующим точных и убедительных доказательств, а «в административном порядке», и кара назначалась обыкновенно по высочайшему повелению на основании доклада, представляемого министром внутренних дел, в свою очередь целиком зависевшего от доклада директора Департамента полиции (в то время директором был знаменитый впоследствии П. Н. Дурново²⁷¹). Были и другие способы назначения административной ссылки.

В ссылке человек попадал в полное распоряжение местной администрации и был совершенно бесправным. По «Положению о надзоре» ему были воспрещены: «1. Всякая педагогическая деятельность. 2. Принятие к себе учеников для обучения их искусствам и ремеслам. 3. Чтение публичных лекций. 4. Участие в публичных заседаниях ученых обществ. 5. Участие в публичных сценических представлениях. 6. Вообще всякого рода публичная деятельность. 7. Содержание типографий, литографий, фотографий, библиотек для чтения и служба при них²⁷². 8. Торговля книгами²⁷³. 9. Содержание трактирных и питейных заведений²⁷⁴».

Далее в «Положении о надзоре» говорилось:

Статья 26. «Лица поднадзорные могут ходатайствовать по судебным делам, относящимся только до них самих, их родителей и детей».

Статья 27. «Врачебная, акушерская, фармацевтическая практика допускается поднадзорным не иначе как с разрешения министра внутренних дел».

И, наконец, увенчивала все эти запретительные статьи статья 28, которая гласила:

²⁶⁹ Неточность: имеется в виду Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г., принятое как приложение I к ст. 1 Свода уставов о предупреждении и пресечении преступлений, которое действовало до 1917 г.; Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей, принятое 12 марта 1882 г., определяло условия пребывания в административной ссылке.

²⁷⁰ В ст. 1 Положения о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей, говорилось, что таковой, «как мера предупреждения преступлений против существующего государственного порядка, учреждается над лицами, вредными для общественного спокойствия» (Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3 (1881–1913). Т. 2. № 730. С. 84).

²⁷¹ Карьера П. Н. Дурново была прервана в 1893 г. громким скандалом с его любовницей, за которой он устроил слежку и изобличающие в измене письма которой распорядился выкрасть из стола секретаря бразильского посольства. Но уже в 1899 г. Дурново был назначен товарищем министра внутренних дел, с октября 1905 г. состоял временно управляющим МВД, а с января по апрель 1906 г. – министром.

²⁷² Пропущены слова: «в качестве приказчиков, конторщиков, смотрителей или рабочих» (Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3 (1881–1913). Т. 2. № 730. С. 86).

²⁷³ Пропущены слова: «и всеми принадлежностями и произведениями тиснений» (Там же).

²⁷⁴ Пропущены слова: «а равно и торговля питьями» (Там же).

«Все остальные занятия, дозволенные законом, разрешаются поднадзорным, но с тем, что от местного губернатора зависит воспретить поднадзорному избранное им занятие²⁷⁵».

Эти постановления лишали ссыльного возможности заниматься каким бы то ни было интеллигентским трудом и отдавали его связанным по ногам и рукам в руки местной администрации; особенно хороша была в этом отношении последняя статья. А если прибавить к ней некоторые другие, например о праве министра внутренних дел предписать администрации контролировать его переписку²⁷⁶ и тому подобное, то станет совершенно понятно, какие тяжелые воспоминания связаны у русской интеллигенции с административной ссылкой.

Стесненный запретительными постановлениями закона и часто еще более диким произволом трусливой, злобной и невежественной администрации, оторванный от привычных занятий, административный ссыльный обыкновенно не мог найти никакого заработка. Правда, он получал денежное пособие, но оно в большинстве случаев было совершенно ничтожно: в иных городах – 6 рублей в месяц, в иных – 3 рубля 60 копеек и даже меньше, – жить на него было совершенно невозможно. За самое пустое нарушение правил, – а правила таковы, что не нарушать их почти невозможно, – а то и без нарушения виновный по усмотрению местной администрации подвергался аресту и высылке в другое место той же губернии, иногда – в тундры, в болота или в совершенно глухой улус²⁷⁷, населенный исключительно полудикими якутами или тунгусами.

Всякий, кто читал «Записки моего современника»²⁷⁸ Короленко, помнит, конечно, что представляла из себя такая ссылка. А в качестве яркого примера бессмысленности и закона о полицейском надзоре, и в особенности его применения можно вспомнить хорошо в свое время (в конце 70-х или начале 80-х годов) известный случай, когда в одном из сибирских городов против ссыльного врача Долгополова было возбуждено «дело о противозаконном вынутии пули из тела» какой-то местной обывательницы. Эта обывательница – притом из общественных верхов города, чуть ли не жена городского головы. В городе не было другого врача, и муж обывательницы слезно умолял ссыльного врача спасти его жену, что тот и исполнил благополучно после некоторых колебаний. Но исправник – вследствие ли враждебных отношений с головой или неприязни к Долгополову, или из опасения, что незаконное врачевание может потрясти основы государственного порядка и приблизить революцию, – поспешил только возбудить «дело» против Долгополова; было произведено следствие в административном порядке, составлено толстое «дело» за определенным номером со значительным числом подшитых к нему листов, и в результате законность была восстановлена, а врач, проявивший своим врачеванием «вредность для общественного спокойствия», после нескольких месяцев тюрьмы был переведен в какое-то совсем скверное место, где, конечно, тоже не было другого врача, но где он лечить уже не решался²⁷⁹.

Таковы были условия ссыльной жизни «вообще», преимущественно – в Сибири. Но в частности, в зависимости от случайного личного состава местной администрации, в особенности губернатора, а также многих других условий жизнь складывалась и иным образом, и

²⁷⁵ Пропущены слова: «если оно сему последнему служит средством осуществления его предосудительных замыслов или по местным условиям представляется опасным для общественного порядка и спокойствия» (Там же).

²⁷⁶ Имеется в виду статья 29, по которой министру внутренних дел предоставлялось право воспрещать поднадзорному непосредственное получение им частной почтовой или телеграфной корреспонденции, препровождаемой на просмотр местному начальнику губернского жандармского управления или уездному исправнику, которые либо передавали ее «по принадлежности», либо, «в случае предосудительного содержания», задерживали (Там же).

²⁷⁷ Улус – административно-территориальная единица на восточных и северных окраинах Российской империи.

²⁷⁸ Правильно: «История моего современника». Первое издание: СПб., 1909. Т. 1; Одесса, 1919. Т. 2.

²⁷⁹ Н. И. Долгополов, студент пятого курса медицинского факультета Харьковского университета, сосланный в августе 1880 г. в Курган и переведенный оттуда в октябре 1882 г. в Сургут, ввиду осеннего бездорожья задержался в Тюкалинске, где за «самовольное» извлечение пули из ноги супруги городского головы попал в тюрьму, после чего был отправлен в село Пельмское Туринского округа, но, заболев по дороге тифом, остался в Ишиме.

иногда – весьма сносно. И, на мое счастье, в Архангельской губернии и в особенности в Шенкурске она в мое время сложилась именно так. Отчасти это объяснялось личными свойствами двух губернаторов, известного Н. М. Баранова, управлявшего Архангельской губернией в течение нескольких первых лет царствования Александра III, и его заместителя, князя Голицына, управлявшего ею при мне.

Баранов, моряк, командир «Весты» во время турецкой войны 1877–1878 гг., прославился каким-то весьма сомнительным подвигом²⁸⁰, за который он должен был оставить флот; в 1881 г. был петербургским градоначальником и здесь прославился созданием курьезного представительного собрания, известного под именем «бараньего парламента»²⁸¹; в наказание за это был отправлен в ссылку архангельским губернатором. Через два года его прежние вины были прощены, и он был переведен в Нижний Новгород, где вновь прославился своим самодурством. Самодуром он был, конечно, и в Архангельске, но самодурство его было очень непоследовательное и не злобное; напротив, под некоторыми влияниями он иногда мог совершать очень хорошие поступки. И вот в хорошую минуту, действуя под влиянием одного чиновника своей канцелярии, бывшего политического ссыльного (помнится, его фамилия Лудмер; он был сотрудником «Юридического вестника» и «Русских ведомостей»), Баранов обратился в Петербург к высшему начальству с указанием на бедственное положение административных ссыльных и необходимость увеличить им казенное пособие.

Обращение его имело успех, и казенное пособие было поднято от какой-то очень низкой нормы до 12 рублей в месяц для привилегированных и 6 рублей в месяц для непривилегированных; сверх того раз в год выдавались «одежные» в количестве 22 рублей для привилегированных и не помню скольких для непривилегированных. На добровольно следующих за ссыльными жен тоже полагалось пособие, хотя в несколько меньшем размере. При этом привилегированность признавалась очень широко: не только по происхождению, но и по образованию, причем для нее считалось достаточным окончить 6 классов гимназии, как для льготы по воинской повинности²⁸². Так как в мое время массовой ссылки рабочих еще не было, то привилегированными оказывались почти все: за мое время из трех десятков прошедших через Шенкурск политических ссыльных к непривилегированным принадлежали только трое или четверо.

В нашей ссыльной среде добровольно производилась уравнительная дележка казенного пособия, а затем все имевшие либо заработок, либо получку из дому должны были отдавать 15% в общую кассу; из этих получек за вычетом некоторых очень незначительных расходов на общественные потребности выдавалась известная сумма не имеющим заработка или дохода с воли. Такова была наша внутренняя конституция, выработанная на общих собраниях и действовавшая некоторое время; позднее она распалась вследствие внутренних раздоров. До этого распада низший доход ссыльного не спускался, сколько я помню, ниже 14 рублей на человека и, следовательно, 28 [рублей] на мужа и жену. При тех удивительных ценах, которые тогда

²⁸⁰ Пароход «Веста», построенный как торговое судно в 1858 г. и оснащенный в начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 5 мортирами, 3 орудиями и 4 скорострельными пушками, 11 июля 1877 г. выдержал неравный пятичасовой бой с неприятельским броненосным корветом, обратив его в бегство, за что командир фрегата, капитан-лейтенант Н. М. Баранов, удостоился ордена Св. Георгия 4-й степени и был произведен во флигель-адъютанты. Но поскольку в газете «Биржевые ведомости» (1878. № 195. 17 июля) появилась статья артиллериста «Весты» капитан-лейтенанта З. П. Рождественского, утверждавшего, что командир фрегата сильно приукрасил события (поскольку в течение пяти часов пытался уйти от погони турецкого корвета), Баранов настоял на проведении следствия и суда, окончившегося для него отставкой.

²⁸¹ Назначенный после убийства Александра II столичным градоначальником, каковой пост занимал в марте – августе 1881 г., Н. М. Баранов создал при градоначальстве временный совет «для ограждения общественной безопасности» из 25 членов, избираемых выборными от населения Петербурга (домовладельцами, квартиросъемщиками, собственниками промышленных и торговых предприятий); голосование производилось по квартирам, куда полицейские сами приносили избирательные урны.

²⁸² Согласно Уставу о всеобщей воинской повинности, принятому 1 января 1874 г., для лиц, окончивших курс шести классов гимназий или реальных училищ, устанавливался сокращенный срок службы: на действительной – полтора года, в запасе – 13 лет и 6 месяцев.

господствовали в Шенкурске, этого было вполне достаточно, – конечно, для скромного существования.

Сносны были и духовные условия. Правда, ни одной общественной библиотеки в Шенкурске не было, но я привез в ссылку два чемодана книг и многократно выписывал из Петербурга новые их партии; была библиотечка у Никонова; были в небольшом количестве книги у многих из нас (у местных жителей их почти не было). Подбор имевшихся книг был довольно односторонен, по большей части – по юриспруденции и отчасти – по экономии. Кто стремился к систематическому чтению по собственной программе, тот не мог не чувствовать духовного голода (особенно если он был естественником). Но жаловаться на полное отсутствие книг все же не приходилось и заполнить время невольного безделья в ссылке разумным чтением было, во всяком случае, возможно. Главное, у нас были, и притом бесплатно вследствие любезности редакций, все лучшие журналы того времени и газета «Русские ведомости». Комплект этих журналов, с 1885 г., вместе с несколькими случайными книгами представлял нашу общественную библиотечку. Для получения этих журналов мы в конце каждого года обращались в редакции с коллективными просьбами о бесплатной их высылке нам и всегда получали благоприятный ответ.

Инициатором этих обращений был, впрочем, не политик, а один уголовный ссыльный по фамилии Виноградский, сосланный по судебному приговору на житье с ограничением в правах состояния за присвоение себе не принадлежащего ему графского титула, принятие другой фамилии («граф Марков») и ношение не принадлежащего ему ордена. Этот Виноградский был человеком с очень жюльническими наклонностями, но вполне интеллигентный, очень неглупый и интересный собеседник. Читать он любил и читал много. Прибыв в Шенкурск, когда там не было ни одного политика, он обратился в главные редакции Петербурга и Москвы с просьбой высылать ему их издания как одинокому политическому ссыльному, живущему в некультурных условиях и не имеющему средств для выписки журналов. Таким образом, тюрьма и ссылка не излечили его от склонности к самозванству. Вначале оно увенчалось полным успехом, но точно так же, как и первое его самозванство, скоро было разоблачено. Когда в Шенкурск прибыли первые действительно политические ссыльные, то они, ничего не зная о выходке Виноградского, обратились в редакции с теми же просьбами, на этот раз – коллективными, и получили удивленные ответы: неужели на несколько ссыльных маленького городишки не хватает одного экземпляра их издания? Пришлось разъяснить редакциям недоразумение, Виноградский был ими лишен их изданий, и они отныне приходили на один из наших адресов.

Когда я прибыл в Шенкурск и узнал все это, то я высказал мысль, что хотя мы, обращаясь в редакции с просьбой о даровой высылке изданий, и не самозванствуем, как Виноградский, но все же злоупотребляем нашим званием политических ссыльных, так как мы не настолько бедны, как ссыльные Сибири или хотя бы соседней с нами Вологодской губернии, чтобы нуждаться в благотворительном получении журналов. Но со мной не согласились, и практика даровой подписки продолжалась.

Для культурного существования у нас случайно, особенно в первое время моего там пребывания, было чрезвычайно благоприятное обстоятельство: довольно высокая музыкальность. Один из нас, именно А. А. Никонов (впоследствии довольно известный адвокат, деятельный член кадетской партии), обладал превосходным баритоном, громадной музыкальной памятью и совершенно исключительной вокальной неутомимостью; он, несомненно, мог, если бы захотел, выделиться на музыкальном поприще и, может быть, напрасно пожертвовал им для юриспруденции. Когда мы собирались вместе, то он целыми часами пел нам романсы – особенно хорошо знал Чайковского – и арии из опер. И мы часто видели, как летом мимо открытых наших окон при пении Никонова начинали прогуливаться горожане и горожанки, причем в числе этих неприглашенных слушателей имела вся местная аристократия: жандармский офицер, исправник, судья, с женами и домочадцами, и другие. Еще один наш товарищ, Брод-

ский, обнаруживал хотя и не такой выдающийся, как у Никонова, но все же порядочный, достаточно приятный в небольшой компании голос, на этот раз тенор. Было и несколько недурных женских голосов, и, наконец, одна из дам недурно играла на гитаре, которую привезла с собою в ссылку.

Кроме местной аристократии, у наших музыкантов или по крайней мере у этой дамы была и еще одна категория неприглашенных слушателей. Когда она играла, то из щелей в большом числе вылезали мыши и садились неподалеку от нее; если она сидела посередине комнаты, то мыши рассаживались вокруг нее кружком, устремив на нее внимательные мордочки и радиусами вытянув свои хвосты. В это время их хоть руками бери, – но ни у кого из нас не хватало душевной сухости, чтобы пользоваться эстетическим чувством для охоты над нашими врагами, с которыми мы боролись иными, более общеупотребительными способами. Я не знаю, отмечена ли в научной литературе эта любовь мышей к музыке, не знаю также, направлена ли она только на гитару; насколько я мог заметить впоследствии, рояль мышей к себе не привлекает. Но знаю, что в драме Ибсена «Маленький Эйольф»²⁸³ для удаления мышей из дома пользуются музыкой, – но не гитарой, а дудкой.

Весьма сносны были, особенно вначале, и полицейские условия жизни, и это – при мне – объяснялось, для всей Архангельской губернии, личными свойствами князя Голицына, который не желал делать карьеру на притеснении ссыльных, а специально для Шенкурска в первое время – также личными свойствами жандармского офицера Шафаловича и исправника Глебовского. Со сменой первого в начале 1889 г. и смертью второго в конце того же года дело несколько изменилось к худшему.

Шафалович был страшно ленив: работать он не любил, целыми ночами играл в карты, а половину дня спал и своим делом совершенно не интересовался. Со служебной точки зрения он должен был быть на самом дурном счету, но мы, судя его со своей точки зрения, были им чрезвычайно довольны. Он сам мне говорил:

– Вы ведь знаете, что я за человек. Выслеживать, подсматривать, копаться в грязи я не люблю. Живи и жить давай другим – вот мое правило. Ну, пальца в рот мне не клади. И если вы мне в бороду наплюете, – не прогневайтесь: не прощу.

И это была совершенная правда. Как бы он вел себя, если бы кто-нибудь действительно наплевал ему в бороду, не знаю; судя по физиономии, он действительно должен быть очень злым и мстительным, но, к счастью, никому из нас (и наших предшественников также) ни разу не случилось сделать этого, и потому, действительно, ничего дурного мы от него не видали. Наклонности создавать дела из пустяков у него не было. А повод к этому один раз был.

В одну летнюю ночь 1888 г. дом, в котором занимал квартиру Шафалович, сгорел; говорят, виновницей пожара была его жена, будто бы забывшая свечу в платяном шкафу; сам Шафалович и его жена выскочили в одном ночном белье; сгорело все дотла, и в течение нескольких недель Шафалович щеголял в мундире нижнего жандармского чина, снабдившего его им, к тому же совсем не подходившем его росту и фигуре. Через несколько дней из Архангельска был прислан другой жандармский офицер, Сомов (позднее заменивший у нас Шафаловича), с задачей выяснить, не политические ли подожгли Шафаловича. Но Шафалович, едва ему Сомов сказал это, с негодованием отверг его подозрение, действительно ни на чем не основанное. Конечно, об этом подозрении я знаю только от самого Шафаловича; возможно, что всю линию Сомова он просто выдумал, но, как бы то ни было, глупого дела против нас не возбудил. Не много, конечно, но бывало и хуже.

От исправника Глебовского придирик мы тоже не видели.

Однажды я явился к нему с просьбою отпустить почти всю нашу колонию на прогулку за город с ночевкой в близлежащей деревне. Вообще в обычных прогулках за город нас не

²⁸³ Пьеса Г. Ибсена 1894 г., рус. перевод – СПб., [1895].

стесняли, но тут шло дело о прогулке с ночевкой в деревне, и притом почти в полном составе. На этот раз Глебовский категорически отказал.

– Нет, этого разрешить никак не могу, – говорил он.

А потом, наклонившись к самому моему уху, прибавил шепотом:

– Вы поезжайте, но... только я не разрешал.

И мы поехали, и ничего из этого не воспоследовало.

Нас не обязывали являться в определенные сроки в полицию для регистрации, как это делалось во многих других ссыльных местах, всегда вызывая очень болезненные конфликты. Никто не мешал нам селиться там, где мы хотели (конечно, в пределах города), и притом отдельно или целыми группами; все зависело от наличия свободных квартир в городе. Никто не мешал столоваться самостоятельно или сообща с другими.

Переписка наша не была под официальным контролем и не подвергалась даже тайному вскрытию: мы часто прибегали на почту тотчас после прихода почты (она приходила два раза в неделю с юга, причем с юга шла московская и петербургская, и два раза в неделю с севера, то есть из Архангельска) и получали письма немедленно по ее распаковке; у властей не было физической возможности вскрытия наших писем так, чтобы мы этого не знали. Если письма к нам и от нас вскрывались, то разве только в месте отправления первых и в месте назначения последних; но никаких признаков такого вскрытия никто из нас никогда не заметил. И совершенно естественно, что мы не стесняли себя в нашей переписке и никогда не видели дурных последствий от этого.

Мы могли сколько угодно посещать друг друга и горожан, и у нас нередко происходили довольно многочисленные собрания (своих товарищей, но с прибавлением нескольких горожан), и на этих собраниях шла совершенно свободная беседа, пели и играли на гитаре (к сожалению, также – и очень усиленно – в карты), иногда читались рефераты. Конечно, это не были «публичные лекции» или «публичные сценические представления» в смысле закона, ибо доступ на них был только по особому приглашению и о входной плате не было и речи, но при неограниченной власти администрации раздуть их в таковые было бы вполне возможно. А однажды мы (говорю «мы», хотя лично я как раз в этом не принял участия, но только вследствие признания своей неспособности и отсутствия охоты) устроили даже домашний спектакль. Кто-то из горожан, местный сравнительно богатый лавочник, дал свою квартиру, ссыльные выбрали пьесу, распределили роли, устроили занавес и разыграли ее, – конечно, без декораций.

Пьеса была «Бабые дело», не помню, чья она²⁸⁴ и откуда мы ее выкопали. Содержание таково: муж, занятый на службе, все время говорит о своих трудах, а когда жена, занятая хозяйством, позволяет себе устать, то презрительно фыркает: устала? от чего устала? какое твое дело? бабые дело! Жена настаивает на том, что ее бабые дело нисколько не легче мужского. Муж соглашается на опытную проверку их спора. Жена находит себе службу и прекрасно с ней справляется, а муж берет «Подарок молодым хозяйкам»²⁸⁵ и начинает по нему хозяйничать; разумеется, он на каждом шагу попадает впросак, и жена в конце концов торжествует.

На спектакль был приглашен весь город; не было только жандармского офицера, который находился в отпуску и в Шенкурск не вернулся, и не было исправника, несмотря на приглашение. Но другие чиновники присутствовали с женами; присутствовало также купечество. Духовенство было приглашено, но, конечно, не явилось. Пьеса была разыграна для любителей весьма недурно: особенно хорош был Гильгенберг в роли попадающего впросак мужа. Пьеса – вполне по уровню понимания местного общества, и публика весело смеялась, а дамы были прямо в восторге. Мужчины были несколько недовольны, что мы подускиваем их жен к

²⁸⁴ См.: К[ана]ев А. Н. Бабые дело: шутка в 2-х д. М., 1882.

²⁸⁵ Имеется в виду поваренная книга Е. И. Молоховец «Подарок молодым хозяйкам, или Средства к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве» (Курск, 1861), выдержавшая до революции 29 изданий.

домашнему бунту. Полиция никакой придирки не сделала. На беду, через месяц или полтора в Шенкурск явился новоназначенный жандарм, который, конечно, услышал о спектакле и сейчас же сделал донос в Архангельск; оттуда прислали запрос исправнику. Не заинтересованный в раздувании дела, исправник представил его так, как оно и было, то есть что спектакль не был публичным, что публика присутствовала только особо приглашенная, – и дело кончилось ничем.

Бывали и еще более яркие случаи попустительства. Педагогическая деятельность ссылкой прямо запрещена, безразлично, платная ли она или бесплатная, и вообще очень строго преследуется. И вот однажды, в темный осенний вечер, ко мне пришел местный дьякон и сообщил, что у него сын, мальчик лет 13, ученик местного духовного училища, по всем предметам идет ничего себе, но вот по арифметике постоянно получает единицы; из-за арифметики сидит второй год в одном классе и очень боится, что его выключат. Так не позанимаюсь ли я с ним?

Дьякон, конечно, знал о моем положении и недаром выбирал темный вечер. И даже счел нужным прибавить просьбу:

– Только вы, пожалуйста, никому не говорите об этом, а то дойдет до училища, будут неприятности.

Конечно, и для меня могли быть неприятности, – об этом он, разумеется, не думал. Я охотно согласился, и никаких неприятностей ни для мальчика, ни для меня не вышло; правда, занятия продолжались недолго, всего с месяц (хотя каждый день)^{286 287}, и мальчик всегда приходил вечером. По-видимому, факт этих уроков остался властям неизвестным, но только благодаря отсутствию строгого надзора, – при таком надзоре это было бы невозможно.

Но вот случай, который вряд ли мог остаться неизвестным властям.

Однажды один мальчик, знавший, что у меня имеется небольшая библиотечка, обратился ко мне с просьбой: а нет ли у вас занятой книжки почитать? Таковая нашлась, и я ему дал. Через несколько дней он вернул ее и просил дать другую, а сверх того привел приятеля, просившего о том же. Подходящих книг в достаточном количестве у меня, конечно, не было, но я выписал их себе из Петербурга и обзавелся таким образом специально подобранной для такого рода читателей библиотечкой, в которую входили народные рассказы Толстого²⁸⁸, сказки Пушкина, некоторые произведения Гоголя, «Конек-Горбунок» Ершова, популярные книжки по истории и естествознанию и другие, причем подбор был произведен известной деятельницей по народному просвещению А. М. Калмыковой (умерла около 1925 г.²⁸⁹) и, следовательно, не без некоторой тенденции.

²⁸⁶ Уроки продолжались недолго, потому что я сам отказался от них, а сделал это потому, что мальчик оказался совершенно невероятным тупицей. Ему задавали на дом задачи, как четыре брата делят наследство в 23 592 р., да так, чтобы первому и второму брату вместе досталось столько, сколько одному третьему, а второму и третьему вместе – в два раза больше, чем четвертому, и т. д. А он только после продолжительных выкладок на бумаге мог ответить, и то часто ошибочно, сколько стоит 5 фунтов хлеба по 3 копейки фунт, и никак не мог понять разницы между «на сколько-нибудь больше» или «во сколько-нибудь раз больше». Задачи, задаваемые ему в классе, были совершенно так же ему недоступны, как дифференциальное исчисление, и объяснить ему их так, чтобы он понял и усвоил, не было никакой возможности почти. Я просто решал их ему, а затем объяснял четыре действия над числами до 20. Бился, бился и устал, отказался. Однажды я его спросил:– Скажи, отчего ты такой простой вещи сообразить не можешь? Ведь другие мальчики куда меньше тебя, а понимают.– А тятка меня – усе по голове, усе по голове. Чуть не по нем, сейчас – по голове. Я уже хотел отказаться от уроков, но этот ответ привел меня в ужас, и я взял себя в руки. В конце концов, однако, я не выдержал, призвал его отца и заявил об отказе. Отец вообразил, что мне нужна плата, но я сказал, что я не могу заниматься ни за какую плату, так как не вижу никакой пользы от моих уроков.– Нет, он теперь хорошие отметки приносит. (Значит, ему ставили отметки за решенную мною задачу, не проверяя, сам ли он решил! Он, несомненно, не мог бы объяснить ни одного действия.)– Скажите мне, почему он у вас такой неспособный? – спросил я. – Не бьете ли вы его? Может быть, случается бить по голове, – вы знаете, это ведь очень вредно. Всего хуже по голове.– Нет, что вы, как можно. Никогда пальцем не трогаю. Заругаться, правда, на него случается, а бить, что вы, как можно!

²⁸⁷ В рукописи далее зачеркнуто: «Жалко мне было и отца, и сына, но ничего поделать я не мог».

²⁸⁸ Имеются в виду «Народные рассказы» Л. Н. Толстого («Чем люди живы?», «Два брата и золото», «Три старца», «Свечка» и др.), написанные в 1881–1886 гг.

²⁸⁹ Неточность: А. М. Калмыкова скончалась 1 апреля 1926 г.

Круг моих читателей тотчас же расширился и достиг полутора или двух десятков; по большей части это были ученики городской школы и местного четырехклассного духовного училища; девочек не было ни одной. Этот круг расширился бы, вероятно, еще значительно, если бы я менял книги без всяких разговоров; но я всегда спрашивал, понравилась ли книжка и, не довольствуясь простым утвердительным ответом, обыкновенно производил легкий экзамен. Я не отказывал в новой книжке даже и в тех случаях, когда мой читатель на таком экзамене не мог связать осмысленно двух фраз²⁹⁰. Тем не менее этот экзамен многим не нравился и заставлял их прекратить хождение ко мне. Как бы то ни было, у меня постоянно бывали мальчишки из нижнего слоя местного населения, и я с ними вел беседы о Царе Салтане, Мертвой Царевне, об Аленьком Цветке, о том, как Бог правду видит, да не скоро скажет²⁹¹, о Петре Великом или о затмениях и землетрясениях. Беседы были самые невинные; незаконного я ничего не делал, ибо моя библиотечка не могла назваться публичной или общественной и запретных книг в ней не было, но тем не менее самый факт таких бесед несомненно противоречил если не букве, то духу, которым проникнуто положение о полицейском надзоре. И тем не менее эти беседы благополучно продолжались до моего отъезда из Шенкурска, даже после смены у нас начальства.

Любопытнее всего, что инициатором обращений ко мне за книгами был сын одного из жандармских нижних чинов, очень смысленный и живой мальчик. У этого жандарма был собственный двухэтажный дом; в нижнем жил он сам, а верхний²⁹² сдавал мне. Несомненно, этот жандарм по обязанностям службы должен был наблюдать за мною, и он не мог не знать о совершающихся ко мне хождениях, инициатива которых к тому же принадлежала его сыну. Доходило ли это до более высокого начальства? Наверное не знаю. Во всяком случае, я не получил за это никакой неприятности, и, насколько мне известно, никто из моих читателей тоже.

Иногда ко мне приходили местные шенкурские обыватели или крестьяне из недалеких деревень за юридическими советами, и я давал их и писал им прошения. Это бывало не часто, но бывало. И тоже ни разу не вызвало неприятности. Крестьяне за эти прошения всегда предлагали какую-нибудь вещную мзду, – я, конечно, всегда отказывался. Чаше, чем крестьяне и местные обыватели, за такого рода советами и прошениями обращались местные уголовные ссыльные. Это все были люди совершенно не интеллигентные или полуинтеллигентные; единственное исключение составлял Виноградский, о котором я уже упоминал. Уголовные ссыльные беспрестанно совершали всякие дебоши и вообще были элементом крайне вредным. Но при этом это были люди чрезвычайно щепетильные в том, что касается их чести. Покажет один из них своему товарищу кукиш с соответственным словесным прибавлением, обругает его «подлецом» или «мерзавцем» или даст пощечину, – и сейчас готова жалоба в суд за оскорбление действием, словом или символом. Такими делами был завален местный суд, особенно с 1889 г., когда на Архангельскую губернию было распространено действие судебных уставов с некоторыми особенностями (без присяжных и др.), и в Шенкурске взамен прежнего дореформенного уездного суда, вершившего дела на основании письменных материалов и непублично, появились мировой судья и устное и публичное разбирательство дела. И эти уголовные ссыльные нередко обращались ко мне за юридическими советами. Не очень редки были случаи, что только я отпущу обиженного, как ко мне заявляется обидчик, или наоборот.

И эта моя деятельность не встречала никаких препятствий со стороны начальства.

Как я уже сказал, наша идиллия объяснялась, по крайней мере отчасти, личными свойствами жандарма Шафаловича и исправника Глебовского. В начале 1889 г. Шафалович был заменен Сомовым, который все время выискивал, как бы нагадить ссыльным, и, в противо-

²⁹⁰ Зачеркнуто: «кроме шаблонного: “Да, понравилось”».

²⁹¹ Имеется в виду рассказ Л. Н. Толстого «Бог правду видит, да не скоро скажет», впервые напечатанный в журнале «Беседа» (1872. № 3).

²⁹² Зачеркнуто: «состоявший из трех комнат и кухни, сдавал мне с женой за 6 рублей в месяц».

положность очень вежливому Шафаловичу, отличался большой грубостью обращения. У нас было с ним несколько второстепенных по значению конфликтов, но, к счастью, из Архангельска он не получал поощрения; в конце концов он обломался, и трагического ничего не произошло.

Неприятен был такой эпизод. На одной свадьбе, произошедшей в нашей среде, шафером был молодой студент-медик, не ссыльный, но местный уроженец, сын лавочницы, на каникулах гостивший у матери. И вот по требованию Сомова его призвал к себе местный воинский начальник и в качестве его начальства (наш медик, студент Военно-медицинской академии, был ему подчинен) сделал строжайший разнос с угрозой всякими карами за близость с нами. Студент не сумел отстоять себя, испугался и отошел от нас.

Глебовский умер поздней осенью 1889 г. Месяца через два, около Нового года, на его место явился новый исправник – Соломко. Он вызвал нас всех в полицейское управление и обратился к нам с грозной речью:

– Здесь до меня была распушенность! Вы ходили по городу, вы шлялись за город. Я этого не позволяю! Вы – под надзором в городе, и за город – ни ногой! Чтобы не сметь!

Прокричав это, не слушая того, что мы начали ему возражать, он, как бомба, выскочил в другую комнату.

– Ну, господа, сейчас все за город! – прокричал один из нас так, что это слышали все полицейские, находившиеся в комнате, а вероятно, слышал в другой комнате и Соломко. Во всяком случае, он это узнал.

И мы двинулись толпой. Партий, вражды между нами больше не было, двинулись все. Однако протест удался не вполне. Была страшная вьюга, мороз – градусов в 20, и я первый заявил, что готов протестовать против исправника, но не против вьюги; меня начали стыдить, взывая к моим гражданским²⁹³ чувствам, но ко мне сразу присоединилась женская половина колонии (хотя вообще к протестам она была склонна более мужской), и минут через двадцать прогулки мы повернули назад. Все-таки мы были за городской чертой и ждали последствий. Но их не было.

В следующие месяцы мы вели себя по-прежнему. Продолжались хождения ко мне мальчиков за книгами, мы продолжали прогуливаться за городом. Последствий не было. Прошло два месяца.

На Масленицу большая часть ссыльной колонии наняла две тройки и поехала кататься за город; не приняли участие те, кто был в ссоре с основным зерном колонии; не принял участие и я, потому что получил уже разрешение выехать через месяц в Петербург для сдачи экзаменов и усиленно занимался. Жена моя поехала²⁹⁴. Зато присоединился к колонии ссыльный духовбор²⁹⁵, известный Веригин, который вообще не считал себя политическим и держался довольно далеко от нас.

Так как за два месяца мы никаких особенных мероприятий со стороны исправника не видели, то уже не думали о его угрозе и не смотрели на поездку как на демонстрацию. Это была прогулка, и только. Проездивши часов 5 или 6, покатавшись на салазках с горы, наши, разруганные, спокойные и очень довольные, вернулись по домам.

Недели через две всем отлучавшимся – повестка с вызовом к следователю. Там допрос – зачем ездили, куда ездили и прочее. Но все это следователь прекрасно знал и без допроса. Через несколько месяцев – разбирательство у мирового судьи за «самовольное оставление места, назначенного для жительства по распоряжению власти»²⁹⁶. Таких дел в практике миро-

²⁹³ гражданским (*устар.*, от *лат.* *civis* – гражданин).

²⁹⁴ Имеется в виду будущая жена В. В. Водовозова Вера Петровна Шейдакова.

²⁹⁵ Духоборы (духоборцы) – одна из групп «духовных христиан», приверженцы которой, считая, что Бог – в душе человека, отвергали всякую обрядность.

²⁹⁶ В протоколе, составленном 12 февраля 1890 г. полицейским надзирателем Шенкурска Ф. А. Черноруцким, указы-

вых судов различных городов со ссылкой бывало много, но, насколько я знаю, только в случае отлучки с ночевкой; ввиду несомненности формальной вины мировые судьи обыкновенно признавали факт правонарушения и приговаривали, по 63-й статье Мирового устава²⁹⁷, к 1 рублю или к 3 рублям штрафа. Но в Архангельской губернии только что (в 1889 г.) введенные мировые судьи были особенные: по назначению, без права несменяемости, без мировых съездов, с апелляцией в Архангельскую палату уголовного и гражданского суда и без права кассации.

При разбирательстве наши подсудимые защищались и произносили более или менее пылкие речи. Хотя меня и не было в это время в Шенкурске, но проект некоторых речей был написан мною, и защита в общем держалась в выработанных мною рамках. То есть подсудимые доказывали, что 6-часовая прогулка не может быть квалифицирована как «самовольное оставление места жительства», для которого необходимо нарушение паспортного устава (самая статья 63 находится в главе о нарушении паспортного устава). Само собою разумеется, что эта аргументация не произвела впечатления на судью (несмотря на точные ссылки на кассационные решения Сената), и подсудимые были признаны виновными; зная судью, этого мы и ожидали, но приговора к трем неделям ареста не ожидал решительно никто.

Дело большинством подсудимых было перенесено в архангельскую палату, но некоторые, считая апелляцию практически бесполезной, а вместе с тем опасаясь, что они окажутся в состоянии подсудности по окончании срока ссылки на воле, этого не сделали. В апелляционной жалобе, написанной мною, мы стояли исключительно на принципиальной почве, настаивая на своем различии прогулки и отлучки, и не прибавили второй части, в которой следовало сказать, что если даже признать инкриминируемое деяние за противозаконную отлучку, то все-таки трехнедельный арест является карой, совершенно не соответствующей обстоятельствам дела. Я указывал на желательность такой прибавки, но ни один из подсудимых со мной не согласился. Палата воспользовалась этим и, отвергнув наши соображения в принципе, прибавила: ввиду отсутствия в апелляционном отзыве указания на меру наказания, палата оставила его без рассмотрения. Приговор, таким образом, был утвержден²⁹⁸. К сожалению, в палате наших интересов не представлял никто, и она решила дело исключительно на основании письменного отзыва.

валось, что политические ссылки Вера Шейдакова, Матвей Винокуров, Иван Гильгенберг, Людмила Ермилина, Николай Горев, Казимир Варпеховский, Александр Машицкий, Виктор Курнатовский, Франц Баньковский, Анна Захарова (будущая жена Машицкого), Аделаида Пумпянская и Клеопатра Чеботарева (по мужу Гриневицкая) самовольно отбыли на лошадях в 2 часа пополудни 11 февраля за 12 верст от города в Шелашское общество Усть-Паденской волости, откуда вернулись около 8 часов вечера. Акт дознания о самовольной отлучке был передан на распоряжение мировому судье 1-го участка по Шенкурскому уезду Ф. Ф. Юкову, но к судебному заседанию 3 мая выяснилось, что Варпеховского и Гриневицкой уже нет в живых, а Винокуров и Ермилина выбыли из Шенкурска, из-за чего, для выяснения места их нахождения, разбирательство отложили. Тем не менее 14 мая мировой судья приговорил Ф. И. Баньковского, Н. И. Горева, И. И. Гильгенберга и В. П. Шейдакову к аресту сроком на 3 недели каждого (ее, как лицо «привилегированного сословия», дочь купца, — при тюрьме, остальных — при полиции), а В. К. Курнатовского, А. А. Машицкого, А. М. Пумпянскую и А. С. Захарову — по совокупности с другим их приговором, от 5 мая, по такому же проступку, — сроком на 1 месяц каждого (первых двух, как дворян, — при тюрьме, остальных — при полиции) (см.: ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 118. Л. 1, 9–13).

²⁹⁷ Имеется в виду Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (четвертая часть Судебного устава, принятого 20 ноября 1864 г.). Статья 63 главы 5 «О нарушениях Устава о паспортах» гласила: «За самовольное оставление места, назначенного для жительства по законному распоряжению надлежащей судебной или правительственной власти, а равно за самовольное возвращение в места, из коих виновные высланы, они подвергаются аресту не свыше трех месяцев или денежному взысканию не свыше трехсот рублей».

²⁹⁸ Хотя ссылки подали апелляционную жалобу, доказывая, что имели право без предварительного разрешения совершать прогулки за черту города, которые не воспрещаются ни Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, ни Положением о полицейском надзоре, ни взятыми от них подписками, 7 сентября 1890 г. Архангельская палата уголовного и гражданского суда утвердила вынесенный приговор. Посчитав, что «самовольные отлучки, хотя непродолжительные и неотдаленные, но вне того города, где поименованные лица обязаны были находиться налицо под полицейским присмотром, равносильны, по смыслу Положения о надзоре, отлучкам, караемым по 63 ст. Устава о наказаниях», палата оставила жалобу осужденных без последствий (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2003), и их дальнейшие попытки оспорить приговор в вышестоящих судебных инстанциях оказались бесплодны.

Приговор, явно несправедливый, вступил в силу. Сенат его, наверное, отменил бы как явно несправедливый и даже не соответствующий установившейся практике, но, как я уже сказал, на архангельский суд кассация не допускалась. Быстротой наша архангельская юстиция не блистала, и если лица, не подававшие апелляции, отбывали наказание еще в Шенкурске через несколько месяцев после преступления, то лица, ее подававшие, отсидели свои три недели более чем через два года. Моя жена сидела, уже будучи на свободе, в Петербурге, в январе 1893 г., а преступление совершено было в феврале 1890 г.! Об этом деле я в свое время напечатал небольшую статью в «Юридическом вестнике» (за 1892 г.)²⁹⁹, выходившем тогда под редакцией С. А. Муромцева, а за ней там же – большую статью о дореформенной юстиции³⁰⁰ вообще³⁰¹.

Одним из наиболее тяжелых условий шенкурской жизни было положение медицинской помощи. В этом отношении Шенкурск был очень обездолен. В соседнем Вельском уезде Вологодской (земской³⁰²) губернии было целых три врача: земский, военный и судебный, и первый из них, Леонтьевский, был исключительно талантливым врачом и очень хорошим человеком; он знал и зубоврачебное дело и недурно рвал и даже пломбировал зубы. В Шенкурском уезде на гораздо более значительную территорию и на население в 80 000 человек приходился всего один казенный врач, который соединял в своем лице и городского, и уездного, и судебно-полицейского врача. Хотя во время набора из Архангельска присылался другой врач, но наш шенкурский должен был вместе с ним свидетельствовать рекрутов и в эти дни не мог ходить к больным. Когда где-нибудь в другом конце уезда обнаруживалось мертвое тело, он должен был мчаться туда за 100, 140 верст, иногда по непроходимым дорогам, на вскрытие, оставляя больных без помощи. Больница была, но очень жалкая; при ней – один вечно пьяный фельдшер. К тому же порядочные врачи шли в Шенкурск крайне неохотно. Когда я прибыл в Шенкурск, врачом там был старик лет за семьдесят, про которого говорили, и, кажется, с полным основанием, что по окончании медицинского курса лет пятьдесят тому назад он не прочел ни одной медицинской книги, ни одного медицинского журнала, а с другими врачами видался только во время военного набора и потом, в те же дни, вечером за карточным столом. Во всяком случае, о его медицинских познаниях рассказывали страшные вещи. К счастью, он месяца через два вышел в отставку.

К счастью, говорю я; однако после него месяца три-четыре, если не больше, Шенкурск оставался вовсе без врача. Потом прибыл некто Бурцев, врач недурной, но месяцев через девять он перевелся куда-то в другое место. Опять месяца два Шенкурск оставался без врача (кстати: что делали в такие междуцарствия мертвые тела, нуждавшиеся во вскрытии? – не знаю). В конце 1889 г. к нам прибыл молодой, только что окончивший курс врач Кашкадамов и засел у нас прочно, на многие годы. Он сразу окунулся в тину провинциальной жизни. Вечера и ночи проводил за карточным столом, преимущественно у жандарма и исправника, ездил на вскрытия, куда его тащила полиция, ходил к больным более состоятельным, где рассчитывал получить гонорар, и вовсе не ходил или ходил крайне неохотно туда, где на гонорар рассчитывать было нельзя, хотя в качестве казенного врача обязан был всех лечить бесплатно. От лечения зубов категорически отказывался и даже рвал их очень неохотно; обязанность зубного врача исполняла в Шенкурске одна женщина, уголовная ссыльная, у которой были щипцы и которая уверяла, что кончила где-то курс зубоврачебного искусства; рвала зубы она сносно, – я это испытал на себе, хотя усиленно говорили, что иногда рвала по ошибке здоровые зубы вместо больных, – но лечить их не могла.

²⁹⁹ См.: [Водовозов В.] Дело о самовольной отлучке // Юридический вестник. 1892. Т. 10. Кн. 2. С. 262–268.

³⁰⁰ Водовозов В. Дореформенная юстиция: Из недавнего прошлого юстиции в Архангельской губернии // Там же. 1892. Т. 11. Кн. 1/2. С. 65–99.

³⁰¹ Зачеркнуто: «начатую мною еще в Шенкурске, но законченную в Петербурге».

³⁰² В рамках земской реформы 1864 г. в 34 губерниях империи, в том числе Вологодской в 1870 г., были введены выборные распорядительные и исполнительные органы местного всесословного самоуправления (земские собрания, земские управы).

Как врач Кашкадамов был лучше первого врача хотя бы в том отношении, что выписывал газету «Врач» (лучшую в то время медицинскую газету, выходившую в Петербурге еженедельно под редакцией известного проф. Манассеина), имел несколько медицинских книг и, по-видимому, в них иногда заглядывал. Но медицинских знаний у него все же было мало, и он делал грубейшие ошибки. Все общество, ссыльное и не ссыльное, кроме исправника и жандарма, его постоянных партнеров за картами и его больших друзей (это были уже новые исправник и жандарм, Соломко и Сомов), относились к нему очень отрицательно³⁰³. В 1891 г., в последний период моего шенкурского пребывания, я начал собирать о нем материалы и собрал довольно большое количество фактов, которые и изложил в длинной и обстоятельной корреспонденции. Направил я ее в газету «Врач» и просил напечатать с моей подписью. Корреспонденция заинтересовала Манассеина, но вместе с тем и немного пугала. Он, как я потом узнал, наводил в Петербурге справки о моей личности, желая выяснить, заслуживаю ли я доверия, и, получив благоприятные обо мне сведения и довольно значительно сократив и смягчив корреспонденцию³⁰⁴, напечатал ее, снабдив примечанием, что все сообщенные в корреспонденции сведения оставляет на моей ответственности. Несмотря на смягчения, корреспонденция все же вышла очень сердитой. К сожалению, она появилась в свет уже после того, как я окончательно уехал из Шенкурска³⁰⁵.

Я просил Манассеина напечатать мне 100 оттисков моей корреспонденции, и Манассеин это исполнил; напечатаны они были в форме листка небольшого формата в 4 страницы³⁰⁶. Оттиски я разослал в открытых бандеролях в Шенкурск на имя ссыльных, чиновников, купцов и других лиц и получил несколько писем в ответ. Из них я узнал, что Кашкадамов, получив номер «Врача», никому его не показал и о появлении моей корреспонденции никто до получения оттисков ничего не знал. Оттиски были получены в день, когда большая часть местного чиновничества собралась на загородный пикник. На прогулке был и Кашкадамов, – и был своего рода героем торжества; главной темой всех разговоров была корреспонденция. Кашкадамов страшно злился и говорил, что он уже написал возражение мне, и возражение такое, что мне не поздоровится.

Его возражение действительно появилось во «Враче». Начиналось оно удивлением. Он, Кашкадамов, удивлялся, как могла редакция серьезного медицинского журнала поместить статью политического ссыльного, тогда как она должна бы знать, что политические ссыльные – это люди, готовые на все, чтобы только очернить администрацию. К этим словам, не к ответу в целом, а именно к этим словам, редакция сделала примечание в таком роде: помещаем ответ г. Кашкадамова, следуя принципу *audiat et altera pars*³⁰⁷, хотя думаем, что для чести автора

³⁰³ И. И. Гильгенберг в письме В. В. Водовозову называет врача «Кошкодраловым» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2120. Л. 1).

³⁰⁴ Ссылаясь на свою корреспонденцию «Из Шенкурска (Архангельской губ.)», напечатанную без подписи автора в 1891 г. в «Неделе» (№ 26), в которой указывалось, что весь уезд обслуживает лишь одна больница на 24 места, за содержание в которой взимается 9 рублей в месяц, каковым считают даже несколько дней, проведенных в ней, В. В. Водовозов негодовал, что местный врач В. П. Кашкадамов «не только не принимает на дому больных из простого народа, но даже в больнице принимает их крайне неохотно, почти никогда не производит освидетельствования, а обыкновенно довольствуется только несколькими вопросами и на основании ответов на них прописывает лекарства; даже обходы больных, лежащих в больнице, он делает крайне редко...» Приводились конкретные примеры «халатного отношения» к пациентам, но редакция газеты убрала из публикации упоминание о «грубейших ошибках» врача, который «смешал брюшной тиф с воспалением мозга, не сумел распознать причины болезни человека, отравившегося фосфорными спичками, лечил ушиб лавровишневыми каплями, ошибался в распознавании сифилиса», а также «отказывается от всех мало-мальски серьезных хирургических операций» (Водовозов. Письмо в редакцию из Шенкурска (Архангельской губернии) // Врач. 1891. № 52).

³⁰⁵ В рукописи далее зачеркнуто: «и я не видел того впечатления, которое она произвела, но имею о нем некоторые сведения».

³⁰⁶ См.: Письмо в редакцию из Шенкурска (Архангельской губернии). Из «Врача» № 52-го. Дозволено цензурою. С.-Петербург, 17 января 1892 г. Типогр. Я. Трея. С. 1–3.

³⁰⁷ следует выслушать и другую сторону (*лат.*).

лучше было бы некоторых мест его ответа не помещать; к тому же мы думаем, что врач должен уметь возбуждать к себе не злобу, а любовь.

Это примечание давало мне редкое торжество, да, впрочем, и весь ответ Кашкадамова тоже. Хотя у меня нет под руками ни моей корреспонденции, ни ответа Кашкадамова и достать их в Праге, где я пишу свои воспоминания, мне негде, но я безусловно ручаюсь за совершенную точность передачи текста этого примечания, – слишком оно мне понравилось, да и впоследствии мне не раз случалось перечитывать его³⁰⁸.

На указание, что он ходит только к богатым больным, Кашкадамов возражал, что богатых людей в Шенкурске нет; есть только чиновники, получающие жалованье, и мелочные лавочники, которые богатыми считаться не могут. На сообщение, что однажды одного заболевшего сифилисом он выписал из больницы через две недели как «радикально излеченного», он, признавая факт, возражал, что в литературе есть указания на такое быстрое излечение сифилиса (врачи, с которыми мне приходилось говорить об этом, смеялись над этим как над непроходимою глупостью), и т. д. Вообще, когда я показывал его ответ знакомым врачам, то они в один голос говорили, что лучшего подтверждения корреспонденции нельзя было бы и пожелать.

И, однако, через много лет после этого Кашкадамов оказался в Петербурге, в печати появлялись кое-какие его работы, между прочим – о чуме³⁰⁹, которую он где-то наблюдал, и в печати же я встречал его имя как врача не без заслуг. Люди, очевидно, меняются. Тем не менее я своей тогдашней корреспонденции ошибкой признать не могу.

³⁰⁸ В примечании редакции говорилось: «Ради возможно широкого применения правила “*audiatur et altera pars*” мы печатаем письмо г. Кашкадамова без малейших изменений, как он сам того желает, хотя в его собственных интересах было бы лучше не печатать некоторых мест этого письма. В частности, все рассуждения о политических ссыльных никакого отношения к фактам, приводимым г. Водовозовым, не имеют; это во-первых, а во-вторых, прежде чем напечатать письмо г. Водовозова, мы из удостоверений лиц, лично нам известных и заслуживающих безусловного доверия, убедились, что г. Водовозов не только сведущий и почтенный юрист, но и человек, не способный сознательно исказить истину». Упомянув о «рассуждениях» В. П. Кашкадамова, редакция имела в виду следующую его сентенцию: «Надо жить в ссыльном городе, чтобы знать, что это за люди и как они стараются очернить имя лиц, составляющих местную администрацию. Ввиду этого я, как находящийся на службе в ссыльном городе и знакомый с образом их жизни и с их умственным развитием, не считаю нужным отвечать лично г. Водовозову, а предназначаю свое возражение для товарищей врачей, прочитавших эту корреспонденцию и, пожалуй, поверивших ей». Считая, что обвинения его в «халатном отношении» к больным «голословны» и «даже нелепы», ибо «юристу, незнакомому с медициной, весьма многое может казаться странным», Кашкадамов повторял, что «ссыльные под влиянием ненависти, питаемой ими к местным служащим, считают своею обязанностью выразить ее в чем бы то ни было». Но в примечании редакции указывалось: «Нам кажется, что врач, как естественный представитель человеколюбия, всегда и всюду может и должен вселять к себе не ненависть, а любовь» (*Кашкадамов, Шенкурский уездный врач*. Письмо в редакцию. 16 января 1892 г. // *Врач*. 1892. № 7. С. 167–169).

³⁰⁹ См. брошюры и оттиски статей В. П. Кашкадамова: Чума в Индии за 1896–1898 гг. СПб., 1898; Отчет о командировке в Индию с 20 февраля 1899 года по 17 июля 1900 года. СПб., 1901. (Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины); О чуме согласно новейшим данным. СПб., 1901; Краткий очерк индусской медицины. СПб., 1902. (Больничная газета Боткина); Предупреждение и лечение чумы. СПб., 1902. (Русский врач. № 3); О чуме и мерах личного предохранения от нее. СПб., 1911, и др.

Глава IV. Ссылка (продолжение). Состав политической ссылки в Шенкурске. – Внутренняя жизнь ссыльной колонии. – Знакомства с горожанами

Когда я прибыл в Шенкурск, я застал там одну ссыльную женщину, бывшую замужем тоже за шенкурским ссыльным, и семь ссыльных мужчин, из которых четверо были с добровольно последовавшими за ними в ссылку женами, а один (Никонов) – на придачу еще с грудным ребенком. Все они, за исключением Никонова, приходили в ссылку, изведав ужасы этапного пути, – ужас гораздо худший, чем сама ссылка. Никонов, а затем я были в Шенкурске первыми, которым было разрешено ехать в ссылку на собственный счет, а за нами этапные чередовались с едущими на собственный счет. С Шейдаковой и мной число ссыльных возросло до 10, а всех взрослых в колонии – до 14. Некоторые прибыли в ссылку месяца за 3–4 до меня, самые давние старожилы насчитывали 2½–3 года, и они были пионерами, некоторое время остававшимися в Шенкурске в одиночестве.

Напротив, раньше, в 70-е годы, Шенкурск был переполнен политическими, – одно время их насчитывалось чуть ли не до полусотни, если не больше. Из лиц, более или менее известных в литературе, в том числе были Н. М. Ядринцев, Шашков, П. Ефименко и другие. Постепенно, с конца 70-х годов, ссыльные вследствие окончания срока или амнистии начали разъезжаться, а новых не присылали, – не потому, конечно, чтобы в России были прекращены политические гонения, а потому, что ссыльных начали направлять в другие места, в том числе и в другие города Архангельской губернии. В течение 3–4 лет Шенкурск как ссыльный центр пустовал. Затем, начиная с 1885 г., он вновь наполняется и число ссыльных начинает быстро расти.

За мной, всего недели через 3–4, прибыл по этапу Гильгенберг (о котором я уже упоминал как о своем соседе по тюремной камере), за ним другие. Однако рядом с приливом новых был и отлив старых. Еще до моего прибытия в Шенкурск из него уехал Панкратов, один из старожилов нашей ссылки (с 1885 г.), подав на высочайшее имя прошение о помиловании. Через несколько месяцев после моего прибытия Никонов по хлопотам родных (его отец – адмирал или вице-адмирал³¹⁰) был переведен куда-то на юг; за ним другие кончали срок ссылки, умирали или переводились в другие места. Сперва прилив превышал отлив, и в 1890 г. общая численность нашей колонии, считая с «добровольными» женами, достигала 20 или 21, но с 1890 г. баланс прилива и отлива стал отрицательным, и к середине 90-х годов (уже после моего отъезда) Шенкурск вновь освободился от ссыльных, чтоб вновь наполниться ими в конце 90-х годов.

В этом чередовании была известная система: Департамент полиции, от которого *de facto* зависело направление ссыльного потока, не хотел, чтоб «политики» создавали колонии с преобладающей прочной организацией и с прочными традициями. Мы знали, например, что у прежней ссылки, нашей предшественницы, была недурная общая библиотечка, но она исчезла безвозвратно (ее частью раздали местным обывателям, а частью взяли с собой последние уезжавшие); нам пришлось создавать таковую заново, и при нашем разъезде ее постигла та же участь: ссылка XX века ее от нас не унаследовала. Не менее, если не более важно, что у каждой группы ссыльных завязываются более или менее прочные связи с местными жителями; образуется свой *modus vivendi*³¹¹ с администрацией; группа отвоевывает некоторые вольности, – и каждый новоприбывающий встречает уже готовую ссыльную колонию и как бы даром полу-

³¹⁰ Вице-адмирал А. И. Никонов, тогда – член Главного военно-морского суда, был назначен его председателем и произведен в адмиралы в 1891 г.

³¹¹ способ существования, образ жизни (*лат.*); имеются в виду условия, обеспечивающие возможность мирного сосуществования противостоящих сторон.

чает готовую систему обычного ссыльного права. Я на себе испытал, насколько готовая ссыльная колония облегчает жизнь каждого новоприбывшего. И вот, с разъездом колонии, все это рушится.

По своему социальному составу все ссыльные колонии того времени были по преимуществу интеллигентскими, хотя уровень интеллигентства был не высок. Массовой рабочей ссылки в то время еще не было. Подавляющее большинство были студенты и студентки, и только изредка, по исключению, попадал какой-нибудь рабочий, мещанин, мастеровой, мелкий служащий. За все время моего пребывания в Шенкурске на три десятка прошедших через него ссыльных были только четыре человека (два из них с женами), не принадлежавших к интеллигенции.

По партийно-политическому характеру состав ссыльных колоний в Холмогорах и Шенкурске довольно значительно отличался друг от друга. В Холмогорах была публика определенно партийная, группировавшаяся по двум партиям: народовольцев и народников. Социал-демократов, как сколько-нибудь организованной силы, тогда еще почти не было³¹². Лично я, познакомившийся во время заграничного путешествия в 1884 г. с Плехановым, Верой Засулич и несколькими другими социал-демократами, в России такового увидел в первый раз только в 1889 г.

Когда я проезжал через Холмогоры, мне был чуть не с первого слова поставлен в укор вопрос: «Како веруеши?»³¹³, и притом в форме вполне определенной дилеммы: народник я или народовец (любопытно, что для прокуратуры я был чернопередельцем, а здесь о таковых уже и не вспоминали). Но я не был ни тем, ни другим. Я считал себя радикалом и социалистом, но ни к какой организованной партии не принадлежал, и даже мои убеждения, несмотря на мои занятия историей революционных партий, не выкристаллизовались в той степени, чтобы я чувствовал полную солидарность с какою-нибудь из существовавших партий. В разные моменты моей жизни мое отношение к политическому террору как средству политической борьбы колебалось, но в ссылку я ехал его противником, и это решительно разводило меня с народовольцами.

Зато я издавна очень интересовался политическими вопросами и политическими формами общественной жизни, горячо сочувствовал принципам парламентаризма, очень интересовался вопросами избирательного права, тогда не интересовавшими почти никого, кроме ученых-государствоведов.

В нашей как легальной, так и нелегальной литературе слова «всеобщее избирательное право» если иногда и употреблялись, то не как ходячий общеупотребительный термин, а как редкое, специально свойственное данному автору выражение наряду с более обычным французским наименованием «suffrage universel»³¹⁴ и иногда с разными терминами собственного изобретения (например, проф. Трачевский, ведший в начале 90-х годов иностранный отдел в газете «Русская жизнь», пытался ввести в обиход выражение «всеобщая голосовка»). Я сам в своем иностранном обозрении, которое вел до своего ареста в «Неделе», обычно употреблял французский термин.

³¹² Далее зачеркнуто: «хотя за границей в эмиграции существовала уже и вела боевую агитацию организация “Освобождение труда”, уже выпустившая в свет первые социал-демократические книжки Плеханова (“Социализм и политическая борьба” и “Наши разногласия”), а в самой России (в Одессе) возникла и уже была разгромлена первая социал-демократическая организация болгарина Благоева».

³¹³ Исповедь начиналась с вопроса: «Како веруеши?», что соответствует чинопоследованию Таинства покаяния; в «Псалтире с воследованием» в «Изложении вкратце о вере, и вопросах и ответах о богословии» (М., 1874) на вопрос: «Како веруеши?» следует ответ: «Верую во единого Бога Отца, и единого рождающегося от Него Бога Сына, и во единого Духа Святого, от Отца исходяща, Бога».

³¹⁴ всеобщее избирательное право (*фр.*).

Отрицательное отношение к «политике» у народников решительно отделяло меня от них. В то время я уже прочел оба вышедших тогда тома «Капитала» Маркса³¹⁵, обе книжки Плеханова³¹⁶ и знал о марксизме больше, чем большинство моих товарищей по ссылке в Холмогорах и Шенкурске; в марксизме меня привлекало к себе соединение политической программы с социализмом (то, что особенно полно развито в первой брошюре Плеханова), но философия истории марксизма была не по мне, и народническая закваска, вынесенная мною из дому (полученная главным образом от В. И. Семевского), была слишком сильна, чтобы я мог признать себя марксистом. В ответ на поставленный мне вопрос: «Како веруеши?» я это высказал и своим ответом дал повод к длинному, горячему и обычно бестолковому спору.

В Шенкурске, напротив, в момент моего приезда туда почти все были в том же положении, что и я; настроение было гораздо менее радикальным, и вопроса о символе веры с первого абцуга³¹⁷ не ставили; убеждения друг друга узнавались постепенно, из бесед, хотя и довольно быстро. Многие из ссыльных, которых я застал, были сосланы по прикосновенности к лопатинскому делу. Так, один из нас, *senior*³¹⁸ нашей колонии (ему было уже за 40 лет, тогда как почти все остальные находились в возрасте между 20 и 25 годами), Франц Бонковский³¹⁹, поляк, человек без формального образования, по профессии – железнодорожный кондуктор, перевез для лопатинской организации груз с нелегальными книгами и на этом попался. Сделал он это не за плату, а, во-первых, по общему сочувствию к делу революции, а, во-вторых, из личной услужливости к хорошему человеку: Бонковский был человеком в высшей степени общительным, легко заключающим дружеские связи, очень охотно оказывающим, так же и принимающим, услуги от знакомых, полузнакомых и даже незнакомых. Сочувствие его делу революции было очень общее, не вылившееся ни в какие определенно партийные рамки. Ни к какой партии или организации он не принадлежал, и политические убеждения его представляли большую мешанину, в которую входили и социализм, и политический радикализм; польский национализм можно было прощупать у него только с большим трудом, несколько больше – у его жены, хотя ни ей, ни ему он нисколько не мешал сближаться и завязывать самые дружеские связи с русскими.

Напротив, его большой приятель, Гриневицкий, тоже поляк, но уже совершенно лишенный польского национального чувства, бывший студент, являлся единственным (в момент моего приезда) членом шенкурской колонии, имевшим вполне определившиеся убеждения: он был народовольцем. Таким же определенным и решительным народовольцем был его друг Панкратов³²⁰, которого я в Шенкурске уже не застал³²¹. Но я еще застал не вполне утихшие споры о нем. Будучи, как я сказал, народовольцем, по всем вопросам занимая в шенкурской колонии, вместе с Гриневицким, место на крайнем левом фланге, Панкратов внезапно подал на высочайшее имя прошение о помиловании и получил таковое. Большинство товарищей по ссылке возмутилось этим, но Гриневицкий взял его под свою защиту: он, дескать, хотел продолжать активную революционную борьбу; что же ему стесняться обмануть царя, которого, может быть, он убьет?

Когда я вошел в состав шенкурской колонии, то я решительно занял место в рядах противников Панкратова, настаивая на том, что если Панкратов действительно убьет царя или

³¹⁵ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Процесс производства капитала / [Пер. Г. Лопатина и Н. Даниельсона]. СПб., 1872; Т. 2. Процесс обращения капитала / Под ред. Ф. Энгельса. [Пер. Н. Даниельсона]. СПб., 1885.

³¹⁶ Плеханов Г. Социализм и политическая борьба. Женева. 1883; *Он же*. Наши разногласия. Женева, 1884.

³¹⁷ От нем. *Abzug* – букв. метание в карточной игре; с первого абцуга (*устар.*) – с самого начала, сразу же.

³¹⁸ старший по возрасту (*лат.*).

³¹⁹ Ф. И. Баньковскому в марте 1888 г. было 39 лет.

³²⁰ В рукописи далее зачеркнуто: «фамилию которого я плохо помню: не то Панкратов, не то Панкратьев; во всяком случае, это был не известный впоследствии шлиссельбуржец Панкратов»; правильно: П. Э. Панкратьев.

³²¹ Зачеркнуто: «За несколько месяцев до моего приезда он получил помилование и уехал».

даже просто вновь провалится на революционной деятельности, то какой богатый материал он даст «Московским ведомостям» и вообще всем реакционерам для обвинений революционеров в нравственной низости! А если даже не попадется, то самая возможность подобных споров в нашей среде о праве делать низости с хорошей целью, конечно, не возвышает уважения к нам в обществе. К тому же за одним человеком, который подаст прошение о помиловании с целью возобновления революционной деятельности, последуют другие, которые уже исключительно по эгоистическим соображениям будут подавать прошения, оправдывая себя примером серьезного революционера Панкратова. А это само по себе будет понижать нравственный уровень людей, принадлежащих к радикальным кругам.

Лет 10–12 спустя этот эпизод получил свой яркий эпилог. Петербургский адвокат Вржосек публично назвал Панкратова шпионом; тот притянул его к мировому суду за клевету, но Вржосек представил какие-то доказательства, и мировой судья оправдал его. После этого Панкратов уже открыто служил в охранке, занимал какую-то очень невысокую должность³²², ни в каком смысле не соответствовавшую гордым мечтам о царевубийстве.

После моего приезда в Шенкурск прибыло много новичков, и некоторые из них внесли большое разнообразие в партийно-политический характер колонии. В их числе был один польский националист, Овсинский. Землевладелец по социальному положению, агроном по образованию, он был чужд каких бы то ни было социалистических стремлений, весь налит идеологией польского восстания 1863 г. Ненависти к нам, русским, как таковым он, кажется, не питал или, по крайней мере, умел ее скрывать. Напротив, он жил общею нашею жизнью, охотно бывал в нашей среде, а когда среди нас появилась одна хорошенькая барышня из уральских казачек, курсистка Чеботарева, он начал усиленно ухаживать за нею и был, видимо, не прочь жениться на ней, — она, однако, предпочла ему Гриневицкого и вышла за него. Но свои политические убеждения он выдвигал очень определенно, очень решительно: единственная политическая задача, ради которой стоит жить и над которой стоит работать, — это восстановление независимости Польши; все остальное — вздор. И он спланировал против себя и русских, и наших поляков — Гриневицкого, даже Бонковского, не говоря уже о социал-демократе Варпеховском.

В числе новичков, прибывших через год после меня (в 1889 г.), были и два социал-демократа: упомянутый сейчас поляк Варпеховский и Машицкий. Это были первые социал-демократы, которых я встретил на русской почве. Из них Машицкий, сын полицейского исправника одного из южных городов, был человек малоинтеллигентный (хотя и интеллигент по формальным признакам: он был студентом, кажется, Харьковского университета)³²³, напоминавший скорее всего какого-то сектанта; в марксизм он верил как в Священное Писание, доказывать его истины не умел, тем более что ни в области политической экономии, ни в области истории

³²² Разоблаченный как «агент 1-й степени» (Предостережение // Искра. 1901. № 11. 20 нояб.), П. Э. Панкратьев был определен на службу в Департамент полиции на должность «чиновника для письма» с указанием, что оглашение в «Правительственном вестнике» приказа о его назначении, по мнению С. В. Зубатова, «представляется по особым соображениям нежелательным». Сам Панкратьев сообщал: «С мая 1891 г. до определения на службу в Департамент полиции 1 декабря 1902 г. я состоял на службе по вольному найму при С.-Петербургском охранном отделении и в этот период времени, в течение 5 лет 11 месяцев, состоял на государственной службе по другим ведомствам: с 19 октября 1893 г. по 1 апреля 1896 г. в Департаменте герольдии Правительствующего Сената и с 1 апреля 1896 г. по 1 октября 1899 г. в Департаменте железнодорожной отчетности Государственного контроля; остальные же 5 лет 7 месяцев моя служба была только вольнонаемной». Исправляя с января 1906 г. должность старшего помощника делопроизводителя Департамента полиции и ходатайствуя в апреле 1908 г. о зачислении ему в стаж трех лет службы по вольному найму при С.-Петербургском охранном отделении, Панкратьев снова просил не публиковать приказ об этом в «Правительственном вестнике», поясняя: «Такое оглашение моей прежней службы, по обстоятельствам Вашему Превосходительству известным, представляется мне крайне нежелательным и может сопровождаться вредными для меня последствиями...» Заболев туберкулезом осенью 1908 г., старший помощник делопроизводителя надворный советник Панкратьев был исключен из списков чиновников Департамента полиции как умерший с 12 сентября 1911 г. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 22. 1 д-во. 1902. Д. 824. Л. 12, 34–35).

³²³ Отец А. А. Машицкого служил приставом 2-го стана Бендерского уезда Бессарабской губернии с 1889 г. и помощником пристава кишиневской полиции с 1891 г., а сам он недолго учился в Одесском пехотном юнкерском училище, но, арестованный в августе 1887 г. за распространение запрещенной литературы, в октябре был сослан в Архангельскую губернию.

сколько-нибудь серьезных знаний у него не было, а язык у него был суконный. Варпеховский, напротив, недавно нелегально прибывший из-за границы, где он, по его словам, был хорошо знаком с Плехановым, Аксельродом и другими видными русскими, а также швейцарскими и немецкими социал-демократами, был очень не глуп, обладал некоторыми знаниями, умел аргументировать и спорить. Мне знакомство с ним дало очень много. Он читал у нас рефераты по разным вопросам, систематически проводя свою точку зрения, и хотя его рефераты не оставались без возражений, но след в душе слушателей оставляли.

Остановлюсь еще на одной ссыльной, А. М. Пумпянской, единственной из моих товарищей по ссылке, с которой мне приходилось постоянно встречаться и после ссылки в течение более 30 лет, до самого конца моего пребывания в России (до 1922 г.). Как-то так случилось, что, когда я был в Самаре, и она оказывалась там; когда я попал в Киев, и она нашла там на некоторое время работу, а когда в 1904 г. я окончательно водворился в Петербурге, то вскоре (после амнистии 1905 г.) и она поселилась там. Это была сравнительно пожилая особа, – ей было тогда (в 1889 г.) лет 36 или более³²⁴. Прибыла она по этапу вместе с восьмилетним сыном. Еврейка (крещеная) по национальности, антисемитка по чувству, однако настолько честная, что никогда не скрывала своего еврейского происхождения, акушерка-фельдшерица по образованию и профессии, особа на редкость некрасивая, она была человеком очень мало интеллигентным, но глубоко чтущим интеллигентность и страдающим от сознания отсутствия ее у себя, человеком очень честным и трудолюбивым и очень сварливым и в общении тяжелым, особенно в шенкурских условиях. По своему мирозерцанию она была решительной революционеркой и несколько напоминала Машурину из тургеневской «Нови»³²⁵, хотя с сильными отклонениями в сторону.

Я сказал, что по мирозерцанию она была революционеркой. Может быть, правильнее сказать – по чувству, так как мирозерцания у нее, в сущности, не было. Она была вся напитана ненавистью к царю, к правительству, к полиции; называла себя социалисткой, но привести свою ненависть и свой социализм в систему не умела и по отсутствию образования, и по неумению систематически мыслить. Ни к какой партии она никогда не принадлежала, но готова была оказывать услуги всем, кто боролся с правительством. Когда она прибыла в 1889 г. в Шенкурск, за ней был уже более чем пятнадцатилетний политический стаж, и когда она в Шенкурске отбывала арест по делу о прогулке, то сидела ровно в 25-й тюрьме. В начале своей политической карьеры она была арестована по делу 193-х³²⁶ и провела 3½ или 4 года в предварительном заключении, хотя какого-нибудь конкретного содержания в обвинении против нее не было: принадлежность к партии, к которой она в действительности не принадлежала и которая доказывалась фактом ее знакомства с несколькими подсудимыми, присутствие на вечеринке, где пели революционные песни, и недонесение о них, – вот и все содержание обвинения. Во время суда она принадлежала к решительным сторонникам протеста и вместе с Мышкиным, Коваликом, Войнаральским и другими демонстративно отказалась от защиты на этом позорном суде, которого не могла признать, и вместе с другими была несколько раз удалена из зала. Но когда прокурор подошел к ее обвинению, то он не нашел решительно ника-

³²⁴ Неточность: Э. В. Пумпянская родилась в 1854 г.

³²⁵ Фекла Машуринина – персонаж романа И. С. Тургенева «Новь» (1877), «натура скрытная, своевольная – и едва ли добрая, едва ли очень умная – но даровитая»; «вся – огонь, вся – страсть и вся – противоречие: мстительна и добра, великодушна и злопамятна, верила в судьбу и не верила в Бога».

³²⁶ Эйдель Вульфовна Пумпянская (после принятия православия в 1881 г. – Аглаида, Аделаида Михайловна), проходя обучение в Повивальном институте в Петербурге, предоставляла свой адрес для нелегальной переписки и носила, под видом невесты, тюремные передачи, за что 13 февраля 1875 г. была арестована и, заключенная в Петропавловскую крепость, находилась там с 15 марта по 15 января 1876 г. Вновь арестованная 19 декабря 1876 г., она содержалась в Спасской части, с июля 1877 г. – в Доме предварительного заключения и, привлеченная к дознанию по «Делу о пропаганде в Империи», оказалась среди подсудимых, участников «хождения в народ», на «процессе 193-х» (18 октября 1877 г. – 23 января 1878 г.), но была оправдана (см.: ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1368. Л. 288–291).

кого материала – и отказался от обвинения по отсутствию состава преступления. Вышло нечто курьезное: подсудимая отказывается в виде протеста от защиты, а обвинитель – от обвинения. Она, конечно, была оправдана – и, как все почти оправданные по этому делу, выслана в административном порядке из Петербурга.

А четыре года тюрьмы за то, в чем сам свирепейший Желеховской не нашел материала для обвинения, были пережиты и свое дело сделали. Революционер был готов. Но революционер, революционность которого выражалась не в каких-либо действиях, а в резких, оскорбительных фразах по отношению ко всякому исправнику или тем более жандарму, с которым ей приходилось встречаться, в радикальных знакомствах, иногда – в чтении той или другой нелегальной брошюры. Средств у нее, разумеется, не было, и она постоянно нуждалась в работе; кроме того, она, как я имел случай многократно убеждаться, действительно любила работу, и несколько раз ей удавалось пристроиться при разных учреждениях по своей специальности: акушеркой-фельдшерницей, а иногда – при какой-нибудь студенческой или другой столовой: хозяйкой. Всегда и везде она оказывалась превосходной работницей, и ею были всегда очень довольны³²⁷, до поры до времени. Но нигде она не засиживалась долго. Или она подвергалась новому аресту по новому, как всегда, в высшей степени пустяковому делу, или же на службе у нее начинались нелады. Нелады же у нее начинались не из-за дурной работы, – этого не могло быть, а из-за того, что она вдруг находила, что доктор или кто-нибудь другой из начальства проводит различие между пациентами из высших классов и простолюдином в ущерб последним или что кто-нибудь из начальства высокомерно обращается с прислугой, – и переставала с ним кланяться, не отказываясь вместе с ним работать. При этом обвинения, возбуждаемые ею, по основательности часто не превышали тех, жертвою которых она была сама в процессе 193-х. Выходили неприятности, и в конце концов ей приходилось оставлять службу.

Все это выходило в высшей степени принципиально, но вместе с тем в высшей степени глупо. Обыкновенно ее ссоры были лишены эгоистического элемента: она заступалась, как Дон Кихот, за других, притом даже за людей, не просящих ее заступничества. Так было по большей части, но не всегда. У нас в Шенкурске она возненавидела Чеботареву, хорошенькую и веселую барышню, любившую кружить головы мужчинам и пользовавшуюся совершенно обычными в таких случаях жизненными преимуществами. Этого Пумпянская вынести не могла как проявление человеческой несправедливости; в этом случае ей приходилось негодовать прежде всего за себя, хотя она делала вид, что заступает за права и интересы Ермиловой – другой ссыльной барышни, как и она, весьма некрасивой.

Я сказал уже, что у Пумпянской был сын, мальчик лет восьми. Отцом его был Поливанов, известный в начале 80-х годов народоволец, в это время сидевший не то в Петропавловской, не то в Шлиссельбургской крепости за устроенное им (кажется) в Саратове вооруженное покушение на освобождение в дороге одного политического арестанта, не увенчавшееся успехом³²⁸. Где-то Пумпянская сошлась с ним³²⁹, и плодом был мальчик.

³²⁷ Например, в «удостоверении» от 24 сентября 1892 г. самарский вице-губернатор А. П. Рогович засвидетельствовал «выдающуюся деятельность г-жи Пумпянской», ибо, приглашенная в марте «на службу в частную Самарскую больницу для тифозных», число коих доходило до сотни, она из-за заболевания двух больничных фельдшеров, заменяя их, трудилась одна, а в мае «изъявила согласие отправиться в Новоузенский уезд в составе санитарного отряда, сформированного Самарским губернским благотворительным комитетом для борьбы с эпидемиями сыпного тифа и цинги», причем «совершенно самостоятельно заведовала двумя больницами, временно открытыми в районе четырех больших сел» и затем участвовала в борьбе с холерой в Бузулукском уезде, отличившись «неутомимым усердием к исполнению принятых на себя обязанностей» и заслужив «полное одобрение гг. врачей, под руководством которых она работала» (Там же. Ф. 102. Оп. 127. 5 д-во. Д. 7527. Л. 89).

³²⁸ За неудачную попытку освободить народовольца М. Э. Новицкого, при совершении которой убил тюремного служителя, охранявшего заключенного на прогулке, П. С. Поливанов был приговорен к смертной казни через повешение, замененной вечной каторгой, которую с 1882 г. отбывал в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, а с 1884 по 1902 г. – в Шлиссельбургской крепости.

³²⁹ В декабре 1878 г. студент ветеринарного отделения Медико-хирургической академии П. С. Поливанов был выслан в Кадников Вологодской губернии, куда в апреле 1879 г. под строгий надзор полиции водворили и А. М. Пумпянскую; их

У мальчика этого были грубые черты лица, мясистые чувственные губы, низкий лоб и всегда злобное выражение глаз. Он производил впечатление дегенерата и был тяжелым крестом своей матери. Когда ему что-нибудь было не по вкусу, он обнаруживал решительную неспособность сдерживаться и бросался на всякого с кулаками, впивался зубами и ногтями, и делал это по отношению к людям взрослым, здоровым и сильным, – и, конечно, получал совершенно естественный отпор. Не плакал никогда. Несмотря на наличность в Шенкурске достаточного числа людей, готовых его учить, учился он неохотно, почти из-под палки и довольно плохо, хотя способности у него были средние, и иногда довольно легко схватывал объяснения. Он сошелся с уличными мальчишками и в качестве их предводителя участвовал иногда в довольно скверных похождениях; мать свою, ничего не имевшую, обворовывал, утаскивая запасы сахара, а иногда и деньги, которые тотчас же тратил на сласти. Мать, со своим раздражительным характером, страшно злилась, кричала на него, но он ее в грош не ставил, и она не могла с ним ничего поделать. Позднее, по освобождении ее из ссылки, она несколько раз отдавала его в учебные заведения, но его отовсюду исключали. Отдавала его и в приют для испорченных детей доктора Маляревского (под Петербургом), своего рода частную колонию для малолетних преступников, куда я же его и пристраивал³³⁰, но и там с ним ничего не сумели сделать, и оттуда тогда пришлось его взять. Лет с 13–14 он начал обнаруживать рано проявившиеся, но сильно повышенные половые инстинкты, и мать страшно боялась, чтобы в этой области он не наделал какой-нибудь беды. Однако лет в 15 он несколько переменялся; научился сдерживаться, начал учиться, поступил в какое-то учебное заведение (кажется, в реальное училище) и даже кончил его; очень рано женился, и нашлась молоденькая и миловидная девушка, которая за него вышла, – скоро он бросил ее. Тем не менее, когда я встречался с ним в этот период жизни, я выносил убеждение, что перемена в нем внешняя, поверхностная и что в конце концов ему не миновать каторги, но не за деяния политического характера. Уж очень злобным огоньком зажигались его глаза при всяком возражении ему, и очень страшные нервные судороги пробежали по лицу и телу, и очень отталкивательное было выражение его лица. Кажется, мать его держалась того же мнения.

Однако факты не подтверждали моего убеждения. С грехом пополам он находил какую-то работу и мог – с помощью матери – существовать. В то же время он сошелся с левым крылом социалистов-революционеров (максималистов)³³¹ и принял участие в их работе. В 1907 г. в Фонарном переулке (в Петербурге) было совершено ограбление казенного экипажа, перевозившего деньги, – и главную или одну из главных ролей в этом деле сыграл молодой Пумпянский³³². Ограбление не удалось³³³, организаторы его были арестованы и заплатились каторгой в

незаконнорожденный сын Николай Пумпянский появился на свет 9 февраля 1881 г., когда его отец уже покинул Кадников, переведенный в августе 1880 г. на родину под гласный надзор полиции.

³³⁰ 19 сентября 1890 г. В. В. Водовозов, получивший разрешение приехать в Петербург для сдачи экзаменов, писал А. М. Пумпянской в Шенкурск: «У Маляревского я был, когда еще приют не переехал в город, видел только жену М[аляревского] и говорил с нею. Плата за учеников очень различна, до 600 рублей в год; иногда они принимают и даром, но теперь решительно не могут. Впрочем, пусть лучше я поговорю с самим д-ром М[аляревским] по переезде приюта в город. Я там буду непременно, т. к. приют меня очень заинтересовал; но в близком будущем собраться туда мне было бы очень трудно, т. к. приют находится от нас верст за 6–7 (на Охте), а теперь у меня экзамены» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 118. Л. 57).

³³¹ Имеется в виду Союз социалистов-революционеров – максималистов (ССРМ), учредительная конференция которого проходила 10–24 октября 1906 г. в Финляндии.

³³² Правильно: 14 октября 1906 г.; известно, что Н. П. Пумпянский через знакомых банковских служащих выяснил час отправки и сумму перевозимых денег.

³³³ Неверно: с помощью бомб, остановив в Фонарном переулке экипаж помощника казначея Петербургской портовой таможни С. П. Германа, группа боевиков (двое из них погибли, а четверо были схвачены и уже 18 октября повешены) сумела захватить около 400 тыс. рублей, большая часть которых бесследно исчезла; обвинение в похищении их Маргаритой (Аделью Каган), которая в пролетке вывезла с места экспроприации два мешка с деньгами, а вскоре открыла в Париже мастерскую дамских нарядов, стало предметом разбирательства 17–18 января 1908 г. на собрании парижской группы социалистов-революционеров – максималистов с участием В. Л. Бурцева (подробнее см.: *Генис В. Л. «Человек патологический». Максималист Добковский и провокаторы. М., 2018. С. 319–330).*

Сибири. Таким образом моя уверенность в его будущей судьбе оправдалась лишь наполовину или вовсе не оправдалась: Пумпянский попал на каторгу, но как раз за преступление, которое было, по своим заданиям и по официальной квалификации, политическим. Мать его, которую я в это время видал довольно часто, просто сияла от счастья: сын попался не по уголовному делу. Она ходила к Зарудному с просьбой взять на себя защиту ее сына, но Зарудный, которому все это дело глубоко претило, отказался. Она очень упрашивала меня убедить Зарудного, и я, которому это дело тоже претило, скрепя сердце, очень неохотно, но делал это, – однако без успеха.

Мать, неожиданно составившая себе очень высокое мнение о своем сыне, была в страшном негодовании на Зарудного и шипела на него еще долго спустя: отказался от защиты ее сына, очевидно, потому, что ей нечем ему заплатить; ведь взялся же он (через несколько времени после дела ее сына) за защиту каких-то лоботрясов, убивших даму с целью грабежа бриллиантов.

– А вы читали, как он их защищал, и согласились бы, чтобы он таким же образом защищал вашего сына? – спрашивал я ее.

– А как?

– Да ведь он все построил, во-первых, на том, что деяние этих господ неправильно подведено обвинительным актом под разбой, когда тут налицо только грабеж, а во-вторых, на том, что они были смолоду развращены условиями жизни.

Кажется, некоторое впечатление на Пумпянскую это произвело, но все-таки, несмотря на все мои ссылки на факты, доказывавшие бескорыстие Зарудного, она осталась при своем убеждении.

Несмотря на то что Пумпянский попал в «политические», я оставался при своем убеждении, что по существу, в глубине души, он все-таки уголовный тип и если попал в политические, то как раз по такому делу, в котором не сразу скажешь, где кончается уголовщина и начинается политика.

Мне было суждено еще несколько раз встречаться с молодым Пумпянским. В 1917 г. я был в Таврическом дворце на торжестве в честь прибывшей в Петербург Брешковской³³⁴. В честь нее говорились речи; Керенский вместе с несколькими другими несли ее на кресле. В числе этих других я заметил уже не молодого человека, лицо которого мне показалось знакомым и заинтересовало меня, но которого я никак не мог вспомнить.

Через полчаса он подошел ко мне.

– Не узнаете? Пумпянский.

Через несколько дней он посетил меня. Я его действительно не узнавал. Он говорил по вопросам, в то время волновавшим всех, говорил горячо, искренно и – очень не глупо, возбуждая интерес к себе и к своим мнениям.

– Я эсер, – сказал он в разговоре, – и притом правоверный.

Освобожденный с каторги, он быстро вошел в Сибирь в партийную среду и энергично работал в ней. Приехал в Петербург на короткое время и скоро собирался уезжать (и действительно уехал) в Сибирь, откуда вернулся в конце 1917 г. членом Учредительного собрания³³⁵. Тут я его не видал. После разгона Учредительного собрания он опять уехал в Сибирь и пропал для меня без вести; в наступившие годы разрухи даже его мать не получала от него никаких вестей. Но она страшно гордилась тем, что ее сын – член Учредительного собрания.

³³⁴ «Бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская, приехавшая в Петроград 29 марта 1917 г., была торжественно встречена на Николаевском вокзале тысячами людей во главе с министром юстиции А. Ф. Керенским и председателем Петроградского совета Н. С. Чхеидзе, которые повезли ее в Таврический дворец, где открывалось Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов.

³³⁵ По списку эсеров Н. П. Пумпянский был выбран членом Учредительного собрания в Забайкальском избирательном округе.

Когда я вспоминаю о нем, я решительно не могу соединить в одно мои впечатления от прежнего Пумпянского, дегенерата и уголовного преступника *in potentia*³³⁶, и Пумпянского 1917 г., неглупо говорящего об общественных вопросах, интересующегося, можно сказать, даже живущего ими и в то же время вполне владеющего собой, умеющего выслушивать собеседника и дельно возражать ему. Правда, я мало его в это время видел и мало знал о нем. Что с ним случилось позднее, не знаю. Может быть, он перешел к большевикам³³⁷ и его уголовные инстинкты нашли новое применение в политической по внешности деятельности, а может быть, остался верен своему эсерству и погиб в борьбе с большевиками. Все возможно...

Что касается его матери, то она, в последние годы сильно поломанная и даже обломанная жизнью, где-то служила подряд целые годы, не подвергаясь более ни политическим преследованиям, ни удалению со службы, и часто посещала меня. В одно из посещений она сообщила, что у нее есть возможность получить революционный паек, но она колеблется: уж очень ненавидит большевиков. Видимо, ей, переживавшей голод и нужду, была нужна нравственная санкция для революционного пайка. Я дал ей свою санкцию, и она, видимо, очень обрадовалась этому. В последний раз я ее видел, кажется в 1920 или в 1921 г. О сыне она ничего не знала, а относительно себя сказала:

- Я теперь черносотенкой стала.
- То есть?
- Милоков был прав, когда хотел сохранить монархию.

В это время она, старуха около 70 лет, производила впечатление еще бодрой и очень работоспособной женщины, по-прежнему всем интересующейся, по-прежнему стремящейся к знанию, которого она не в силах постигнуть, и лучше научившейся себя сдерживать, чем в шенкурские годы. Несмотря на свое новоприобретенное черносотенство, она осталась по существу прежней Пумпянской, какой я ее знал 30–35 лет перед тем.

В Шенкурске в мое время был еще Веригин, духобор, впоследствии приобретший большую известность как инициатор известного переселения духоборов в Канаду³³⁸. Говорить о нем мне очень трудно, и вот почему.

Я знаю, что Веригин впоследствии сыграл очень крупную роль и показал себя несомненно крупным человеком. Между тем, зная его, я никак не могу себе его представить в роли вождя, серьезного деятеля. Напротив, он все время производил впечатление человека очень маленького, одинаково по умственным и по нравственным силам. Где причина этого несоответствия моего впечатления с действительной ролью человека? В нем или во мне? В том ли, что я не способен постигнуть действительно крупного человека, или в том, что в те годы этот человек действительно не был еще крупным? Не знаю.

Веригин прибыл в Шенкурск по этапу приблизительно через год после меня и не пожелал познакомиться с политическими ссыльными. Напротив, он познакомился и сошелся с чиновничеством и даже вполне вошел в его жизнь, то есть проводил вечера то у исправника, то у судьи, то у жандарма, то у кого-нибудь другого из чиновников, играя в карты. Он был богатым

³³⁶ потенциально (*лат.*).

³³⁷ Уполномоченный правительства Дальневосточной республики в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги с резиденцией в Харбине, куда в 1923 г. забрал и мать, Н. П. Пумпянский, вступив в ВКП(б), скончался 12 июля 1932 г. в Пекине, о чем бывший министр Временного Сибирского правительства И. И. Серебренников записал в дневнике: «В последние годы он был на службе у большевиков и получал 1000 иен жалованья в месяц. Умирая, он не скрывал того, что служил большевикам только ради “шкурных интересов”, и заявил, что не верит в успех коммунистического эксперимента» (цит. по.: *Хисамутдинов А. А.* Пекин в дневниках И. И. и А. Н. Серебренниковых. Владивосток, 2017. С. 54).

³³⁸ Отказываясь от военной службы и присяги Николаю II, духоборы подвергались гонениям со стороны правительства, и с декабря 1898 г. по апрель 1899 г. примерно треть их (до 7,5 тыс. человек) четырьмя партиями, при материальной поддержке Л. Н. Толстого, эмигрировала в Канаду, где П. В. Веригин, автор «Декларации братской жизни», присоединился к своим приверженцам (после освобождения в декабре 1902 г. из ссылки, в которой, в Архангельской и Тобольской губерниях, находился беспрерывно с 1887 г.).

человеком, у него была своя верховая лошадь, на которой он с большим шиком ездил; проигрывать в карты он мог сравнительно большие суммы (на шенкурский масштаб), и местное городское общество очень дорожило им. К нему несколько раз приезжали с Кавказа родственники или единоверцы, – они-то и привезли ему лошадь.

Но вовсе не познакомиться, живя одновременно в таком городишке, как Шенкурск, да еще в одинаковом социальном положении, нельзя, и уже через полгода Веригин стал бывать у нас, а мы – у него. Однако в общую жизнь нашей колонии он все-таки не вошел; в нашей кассе участия не принял, членом нашей библиотечки не стал и книг у нас не брал. Раз только принял участие в той прогулке, о которой я говорил в предыдущей главе, и поплатился за нее трехнедельным арестом³³⁹. Бывал он у нас как знакомый городской обыватель, и охотнее – у тех из наших товарищей, у которых играли в карты. Однако бывал (под конец моего пребывания в Шенкурске) и у меня, где карточной игры не было. Но посетителем был очень малоинтересным. Я всегда интересовался религиозными верованиями сектантов и расспрашивал его, в чем их вера, но получал в ответ такую жвачку, изложенную притом мертвым языком, что она не давала никакого представления о ней. Расспрашивали мы и о том деле, которое привело к его аресту и ссылке, и тоже получали в ответ что-то неудобовразумительное. Ясно было только, что он вел себя во время ареста и под арестом далеко не героически, хотя и никого не предавал. Но он – и это рассказывал он сам – просил у властей прощения (возможно, конечно, что в этом сказывалось действие его религии), спрашивал слезливым голосом: «Что же вы со мной сделаете?» и тому подобное. Все это производило довольно жалкое впечатление.

И вдруг – вождь, глава секты. Да и тогда, видимо, он имел немалое значение в кругу своих единоверцев: значили же что-нибудь эти частые приезды к нему. Очень может быть, что мы и, в частности, я не умели подойти к нему. Позднее, когда я был уже на свободе, а он попал в новую ссылку (помнится, в Колу или куда-то в другой пункт на самом Крайнем Севере), моя жена обменялась с ним несколькими письмами. В его письмах звучали трогательные нотки обычной тоски ссыльного положения и дружеских воспоминаний совместной жизни, но тоже ничего не было, что давало бы основание подозревать в авторе что-либо возвышающее его над средним уровнем. А между тем что-то такое несомненно было: ведь за что-нибудь да попал он во вторую, горшую ссылку, только что отбыв первую.

От местного общества мы не были отделены стеною. Я уже говорил, что по дороге в Шенкурск решил завязать знакомства с местным обществом и войти в него и интересовался тем, как к этому отнесутся товарищи по ссылке. Но когда я прибыл в Шенкурск, то узнал, что связи уже есть, главным образом у Бонковского как человека очень общительного, а к моему намерению все, даже Гриневицкий, отнеслись совершенно спокойно. Бонковский был в приятельских отношениях с местными торговцами. Из них один, Пластинин, совершенно глухой старик, был в дружеских отношениях еще со ссыльными 70-х годов: Ядринцевым и другими. Знакомство с ним было затруднительно, так как разговаривать невозможно, а надо ему все писать. Тем не менее его тянуло к нам, и он просиживал у Бонковского, потом у меня, целые вечера, как бы требуя, чтобы его занимали. Читать он не любил, за исключением одного Некрасова и о Некрасове.

Другой лавочник, Александр Исупов, по происхождению крестьянин Шенкурского уезда, был совершенно интеллигентный человек. Он много читал и книги брал у нас, а изредка даже и покупал, и выписывал еженедельную газету «Неделя». Политическое мировоззрение его выработалось отчасти под влиянием «Недели», отчасти под нашим (хотя, как я уже говорил, у нас ни как у группы, ни как у отдельных лиц, разве за исключением Гриневицкого, определенного

³³⁹ Неточность: в приговоре от 14 мая 1890 г. говорилось, что «за отказом обвинителя, полицейского надзирателя Черно-руцкого, от обвинения состоящего под надзором полиции крестьянина Петра Васильева Веригина, как получившего разрешение полиции на отлучку из г. Шенкурска, этот последний должен быть освобожден от наказания за нарушение 63 ст[атьи] Мирового Устава», и потому следует считать его по суду «оправданным» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 118. Л. 12–13).

выработанного мировоззрения не было) и было политически либеральным или радикальным с сильным уклоном в сторону революционного народничества. Он был гласным Шенкурской городской думы и притом единственным, который обнаруживал интерес и понимание общественных дел. Я несколько раз бывал на ее заседаниях и имел случай в этом убедиться. Но по его же просьбе, и притом от имени всей думы, мне пришлось прекратить эти посещения: думе известно, что ее заседания по закону публичны, но, на памяти нынешних гласных, я был первым и единственным посторонним ее посетителем, и гласные, и он в том числе, конфузятся в моем присутствии.

Впоследствии Исупов был выбран по крестьянской курии Архангельской губернии в первую Государственную думу³⁴⁰ и несколько неожиданно для меня примкнул к кадетской партии; я ожидал увидеть его в рядах трудовиков³⁴¹. Он был у меня и на мои вопросы отвечал, что действительно по земельному вопросу чувствует себя ближе к трудовикам, но слишком радикальная их тактика ему не по душе, и политическая программа кадетов ему ближе. Человек, по шенкурскому масштабу, вполне интеллигентный, он, конечно, терялся в рядах кадетской партии рядом с такими светилами, как Родичев, Набоков, Кокошкин и другими; на пленарном заседании он решился выступить всего один раз (по земельному вопросу); но говорить публично не умел и к тому не обладал даже внешними данными для публичной речи: голос его был слишком слаб, ему кричали с мест: «Громче, громче»; один раз он огрызнулся: «Я не могу громче», но скоро, скомкав речь, должен был сойти с трибуны³⁴². Выборгское воззвание он подписал и вместе со всеми был приговорен к трем месяцам тюрьмы, причем для отбытия наказания приезжал в Петербург. Последние сведения я имел о нем в 1917 г.; он был жив и по-прежнему торговал в своей мелочной лавочке в Шенкурске; дочь его была где-то народной учительницей. Что с ним случилось в большевичье время – не знаю³⁴³.

На беду, у обоих, Пластинина и Исупова, особенно у первого, женами были простые полуграмотные бабы, очень враждебно относившиеся к нам и к факту дружбы их мужей с нами. Однажды, когда Пластинин нам оказал действительно большую услугу (о которой расскажу в своем месте), то его жена вышла из себя и кричала на меня, пытаясь испортить все дело. Мне пришлось объясняться с Пластининым, но он заявил мне просто:

– Вам, может быть, невдомек, а я давно догадался, что она дура. Не обращайтесь на нее внимания.

На этом дело было покончено. Пластинин ошибся только в том отношении, что и я об этом давно догадался.

Не довольствуясь знакомством с этими лицами, я сделал попытку познакомиться с верхами шенкурского общества, его аристократией. Настоящей аристократии там, конечно, не было; за нее отвечали чиновники: исправник, жандармский офицер, воинский начальник, протоиерей, уездный судья, прокурор, доктор и другие. Всем им, не исключая и исправника и жандармского [офицера], я сделал визиты и от большинства получил ответные; не ответили на визиты воинский начальник и духовенство. Потом время от времени, преимущественно в

³⁴⁰ Еще 6 марта 1906 г., выражая благодарность за книги, присланные В. В. Водовозовым, и с гордостью сообщая, что крестьяне Велико-Николаевский волости заочно избрали его – торговца, живущего в городе! – уполномоченным на уездный съезд по выборам в Государственную думу, 48-летний А. Е. Исупов писал о себе: «Живу тем же трудом, что и раньше, – торгую, хотя так же плохо, как и раньше, при Вас. Все, что мог и что имел, тратил на детей, поэтому ныне сам только кормлюсь; имею, правда, в Шенкурске свой дом, стоящий около 2 т[ысяч] р., но своего оборотного капитала в торговле – почти ни копейки, как и с самого начала моей торговли» (Там же. Д. 2192. Л. 6–7).

³⁴¹ Трудовики – демократическая внепартийная депутатская фракция в Государственной думе 1–4-го созывов, представлявшая «трудящиеся классы народа»: крестьян, рабочих, интеллигенцию народнического направления.

³⁴² См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия I. СПб., 1906. Т. I: Заседание 16. 27 мая 1906 г. С. 702–704.

³⁴³ А. Е. Исупов, правительственный комиссар Временного управления Северной области по Шенкурскому уезду с августа 1918 г., оказавшийся из-за отступления белой армии в Архангельске, был арестован 30 июля и расстрелян 15 октября 1920 г. по решению губернской ЧК.

Новый год и Пасху, я обменивался таковыми, но настоящего знакомства не состоялось – и не состоялось по моей вине: уж больно я не подходил к этому обществу. Я не играл в карты и не пил; следовательно, для местного чиновничества не представлял решительно никакого интереса и даже тяготил его своими расспросами: судью – о характере дел, которые он разбирает и которые ему надоели, и т. д. Формально, однако, я со всем городом был в добрых отношениях.

На беду, в Шенкурске в силу какой-то случайности в то время совершенно не было молодежи: ни у чиновников, ни у купцов не было детей в студенческом возрасте, с которыми нам, и мне в частности, легче было сойтись; если дети были, то малолетние. Единственное исключение составлял тот студент-медик, сын лавочницы, о котором я упоминал и с которым у всей нашей колонии были очень дружеские отношения, пока им не положил конец уже рассказанный мною инцидент.

Позднее в Шенкурск приехала Чеботарева, о которой я упоминал. Она, подобно мне, сделала визиты местным дамам и, тоже не играя в карты, сумела завязать с ними дружеские отношения, чего я решительно не смог.

Во время моего первого двухлетнего пребывания в шенкурской ссылке у меня было два посещения. Весной 1889-го ко мне приехали моя мать с В. И. Семевским, за которого она недавно перед тем вышла замуж вторым браком, а месяца через два после них – С. Ф. Ольденбург. Мать с Семевским пробыли у меня две недели, Ольденбург – неделю.

Как я уже говорил, с Ольденбургом я не видался со дня моего ареста; во время моего тюремного заключения он уехал в заграничную двухлетнюю командировку, а теперь, по ее окончании, пожелал повидаться со мной. Такая поездка к ссыльному другу, в особенности для человека, добивающегося профессуры, была без сомнения актом большого нравственного мужества. В те времена бывало, что профессора – за свидание с Лавровым или другим эмигрантом – лишали кафедры (это случилось, например, с профессором истории в Одесском университете Г. Е. Афанасьевым, которого не спасла от потери кафедры даже заведомая очень большая умеренность его политических убеждений). Тут же налицо было не более или менее случайное свидание со знакомым, с которым человек во время заграничной поездки оказался в одном городе (притом таком, как Париж), а намеренная поездка к нему в город, отстоящий за 400 верст от ближайшей железнодорожной станции, – поездка, которую решительно нельзя объяснить никакой выдуманной целью. И его приезд заставил зашевелиться и полицию, и жандармерию; у дверей моей квартиры появились постоянно дежурящие городовые и жандармы, они ходили по нашим пятам и, как Ольденбург узнал потом, о нем был немедленно сделан запрос в Петербург. Он был вызван на допрос к жандармскому офицеру Сомову. Во время этого допроса выяснилось, что Сомов состоит в каком-то очень дальнем, может быть фантастическом, родстве или свойстве с отцом Ольденбурга (давно умершим)³⁴⁴, и допрос обратился в родственник визит, после которого Сомов счел нужным отдать этот визит Ольденбургу. Во время этого визита я не выходил из своей комнаты и Сомова у себя не видел.

Само собою разумеется, что и В. И. Семевский с моею матерью, и Ольденбург перезнакомились со всеми политическими ссыльными города, и их приезды были праздником не только для меня, но и для всей колонии, на которую таким образом два раза пахнуло свежим петербургским воздухом.

Из всего предыдущего можно было бы заключить: в сущности, ссылка была для нас не жизнью, а масленицей. Но этот вывод был бы не верен. Жилось тяжело³⁴⁵.

³⁴⁴ Федор Федорович Ольденбург скончался в 1877 г.

³⁴⁵ Зачеркнуто: «Конечно, благодаря ряду более или менее случайно совпавших обстоятельств, ссылка в Шенкурске в мое время была гораздо легче, чем в остальных ссыльных местах и особенно чем в Сибири или хотя бы в соседней с нами Вологодской губернии, ссылка в которой на лестнице наказаний считалась более легкой. Тут сошлись и наличность книг и журналов, и по временам освежение благодаря петербургским посещениям, и отсутствие особого административного гнета, и сносные материальные условия. И все-таки, в общем, атмосфера была тяжела, и жилось нелегко».

В чем лежит причина? Трудно на это ответить. Вероятно, сама по себе ненормальность общего положения, зависящая от самого факта ссылки. Жил человек, был ли он студентом или кондуктором железной дороги, но он состоял при каком-то деле, над чем-то работал, был связан этой работой с общественной жизнью, – и вдруг налетел шквал, закрутил человека, вырвал его из привычных условий жизни и выбросил на другой, неведомый ему берег, без привычной и часто без какой бы то ни было работы, без связи с общей жизнью, на положении какого-то не то пенсионера, это – в 20–25 лет, не то какого-то героя-преступника.

Я сказал – без работы, и большинство было действительно без нее. Если в других ссылных местах, как я уже сказал, отсутствие работы объяснялось прямым действием закона, то у нас оно объяснялось другими причинами. Среди нас не было ни одного врача или даже студента-медика, и, следовательно, запрещение медицинской практики на нас не падало. Учить могли бы многие, но учить было некого, – об отдельном случае моей педагогической практики я уже рассказал и сообщил, что она прошла совершенно безнаказанно (к сожалению, также и совершенно бесполезно для ученика). Вообще ни одно установленное в законе ограничение в праве выбора занятия конкретно не касалось нас, так как ни одно из них не могло иметь в Шенкурске никакого применения.

Напротив, физическим трудом заниматься было возможно, и некоторые из нас сделали из него свою профессию. Один из нас начал переплетать книги; делал он это плохо, но все-таки находил заказчиков не только среди нас, но и среди горожан, и даже полицейское управление давало ему переплетать бумаги и «Собрания узаконений». Один шил сапоги – и тоже находил заказчиков. Бонковский с Гриневицким летом сетями ловили рыбу – и весьма удачно – в реке Ваге и за лето продавали ее рублей на 30–40; цифра (на двоих), конечно, не высокая, но она объясняется, во-первых, исключительной дешевизной продуктов в Шенкурске, а во-вторых, тем, что главной их покупательницей была жена Бонковского, которая столовала часть ссылной колонии, предлагая ей хороший стол³⁴⁶, и, отстаивая наши интересы, усиленно торговалась с мужем и Гриневицким (последний был, конечно, тоже ее нахлебником). Жить таким трудом, конечно, было нельзя, но прирабатывать кое-что к казенному пайку можно. Духовно жить этим трудом было тоже нельзя, морального удовлетворения он бывшим студентам не давал³⁴⁷.

Являлась потребность чем-нибудь заполнить досуг, дать исход явной энергии. Потребность удовлетворялась картами, выпивкой, сплетничеством и ссорами, и, к сожалению, даже такие вполне способные к интеллектуальному труду люди, как Гриневицкий, были очень и очень не чужды такого обычного провинциального времяпрепровождения.

Я уже сказал, что сразу приезде в Шенкурск застал две группы ссылных, бывших на ножах друг с другом. К одной принадлежали Бонковские, Гриневицкий и еще одна пара – Батмановы; к другой – Корецкие и Гальперин. Жулковские и особенно Никоновы умели сохранять нейтралитет, хотя все же были ближе к группе Бонковских. Вслед за мной прибыли еще Гильгенберг и Бродский. Воспользовавшись таким приливом новых, а следовательно, нейтральных людей, Корецкие потребовали третейского суда между ними [и Бонковскими], и суд состоялся в составе Никонова, Жулковского, Гильгенберга, Бродского и меня в качестве председателя.

Бонковские предъявляли против Корецких целый ряд обвинений, которые напоминали ссору Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Дело осложнялось неясными слухами о предательстве Корецкого, хотя сам Бонковский не поддерживал этого обвинения. Обвинение сводилось к ряду ничтожных мелочей, которые действительно могут при совместной жизни, а тем более в тюрьме и на этапе (а это как раз перенесли с Корецкими Бонковские), [сделать]

³⁴⁶ В рукописи зачеркнуто: «по себестоимости (рублей 5 в месяц обед и ужин)».

³⁴⁷ Зачеркнуто: «Собственно действительно заняты в Шенкурске были только двое: Никонов и я. Мы оба усиленно готовились к экзаменам и чувствовали себя занятыми. Остальные томились бездельем, играли в карты, пьянствовали, сплетничали и ссорились».

человека совершенно невыносимым, но в которых решительно нет материала для судебного разбирательства, хотя бы и третейским судом.

Положение судей было не из приятных. Мы обратились с письменными запросами к товарищам Бонковского и Корецкого по их указаниям и получили ряд удивительно согласных друг с другом ответов, безразлично, от свидетелей которой стороны они исходили. Эти ответы сводились к следующему: слухи о предательстве ходили, но определенных данных нет; Корецкие – люди дрянные, а главное, оба очень не умные, чем и объясняется многое в их поведении.

На одном из заседаний суда Корецкие стали усиленно добиваться, чтобы свидетельские письма были им показаны. Тогда мы не хотели предавать их гласности. Сперва мы отказали. Тогда Корецкая выпалила:

– Я вижу, что правды мы не добьемся. Бонковская вас всех закупила своими обедами.

В качестве председателя, очень неопытного, я совершенно растерялся: публичное обвинение в принятии судом взятки! Что должен делать суд в таком случае? Ни из литературы, ни из практики мне такой случай известен не был. Мы удалились на совещание и вынесли решение: дать письма Корецким, не давая их Бонковским. Решение с юридической точки зрения весьма сомнительное, но Бонковские, видимо, поняли его смысл и не протестовали. На Корецких чтение писем произвело ошеломляющее впечатление.

В конце концов суд вынес решение, длинное и путаное, состоявшее из многих пунктов, по большей части признававших недоказанность обвинения, и раздражившее обе стороны. Через несколько дней Корецкая явилась к Гриневицкому и ударила его по лицу зонтиком, заявив, что она считает его лучшим во всей колонии и в его лице наносит оскорбление всей колонии. Тут возмутились все, и с Корецкими у всех были прерваны всякие отношения; им не кланялись. Однако через год после этого в том протесте против дикого распоряжения исправника, о котором я уже говорил, объединились все, и Корецкие были в числе протестантов.

По окончании ссылки Корецкий сдал экзамены при каком-то университете и затем был помощником присяжного поверенного в Екатеринославе. Каков он был в этой роли – не знаю. Но однажды, кажется в 1912 г., я встретил его на одном митинге в Петербурге, на котором он говорил как эсер – и говорил весьма недурно, не без остроумия, и вызвал одобрительный смех и аплодисменты.

Конечно, дразг и ссор и помимо Корецких у нас было более чем достаточно; Пумпянская давала для них богатый материал, да, к сожалению, и не она одна.

Теперь расскажу о двух трагических событиях в нашей жизни – о двух самоубийствах. Первым покончил с собой Гальперин. Это был еврей, окончивший курс низшего технического училища, попавшийся на изготовлении фальшивых паспортов для какой-то революционной организации. Человек он был полуинтеллигентный, очень тяжелый в общении, нелюдимый – и помешанный или полупомешанный. С низким покатым лбом, прыщеватым лицом, очень нечистоплотный, он производил отталкивающее впечатление. С первого разговора у собеседника складывалось убеждение, что перед ним человек, которому настоящее место в психиатрической больнице, и что нахождение его в тюрьме или ссылке по политическому делу есть какое-то несчастное недоразумение и большая явная несправедливость. Прежде всего, у него была агорафобия; он боялся больших комнат; даже комнаты, например, в моей квартире тяготили его, и он чувствовал себя в них не по себе. Затем у него была мания величия не в обычной, часто встречающейся, а в несомненно болезненной степени; он говорил с диким вдохновением и резкими выкриками о том, что Шекспир и Ньютон в сравнении с ним – ничтожные мальчишки и что когда-нибудь в этом убедится весь мир. Я несколько раз говорил о нем Шафаловичу (жандарму) в этом духе. Шафалович со мной соглашался и говорил, будто об этом «писал», и думает, что его освободят. Вероятно, он врал.

Погиб Гальперин жертвою своей третьей мании. Он влюбился в Никонову. Это само по себе, конечно, не говорит о сумасшествии, тем более что Никонова была молодая, хорошень-

кая и очень симпатичная женщина. Но он вообразил, что и Никонова в него влюблена, хотя для этого решительно никаких оснований не было. И это еще мало говорит о сумасшествии, но вот что, по-моему, говорит о нем. Появился в «Русских ведомостях» беллетристический фельетон за подписью Е. Ардов. Гальперин вдруг вообразил, что Е. Ардов есть псевдоним Е. Никоновой и что этот фельетон есть с ее стороны изъяснение в любви с вызовом ему взять ее. По прочтении фельетона он побежал к ней немедленно исполнять ее желание, без каких бы то ни было подготовительных переговоров и действий. У Никоновых он застал несколько товарищей и, в присутствии их и мужа, стал убеждать ее идти с ним. Его с трудом вывели; Никоновы просили меня и Бродского сходить к нему – поговорить. Я теперь совершенно не помню содержания повести Ардова, но хорошо помню, что в содержании ее никоим образом здравомыслящий человек не мог бы увидеть тех намеков, которые совершенно явственны были для болезненно настроенного ума Гальперина. К тому же уже тогда было известно – и я это знал, – что Е. Ардов есть псевдоним г-жи Бларамберг. Я сказал это Гальперину, но он ответил: – Я не знаю никакой Бларамберг. Я знаю Елену Константиновну Никонову, это – орлинопоподобное голубиное существо, и это она – Ардов, и она горячо любит меня, как и я ее, и вы все это скоро увидите.

Гальперин написал какой-то ответ Ардову-«Никоновой» и послал его в «Русские ведомости» страховым письмом, застраховав в 100 рублей. Что это за ответ, был ли он беллетристическим или каким другим, – никто этого не узнал. Разумеется, «Русские ведомости» его не напечатали.

На свое счастье, эта история совпала по времени с получением Никоновым разрешения на отъезд из Шенкурска; в момент инцидента они это уже знали и через несколько дней уехали, так и не увидев развязки этой истории. Но мы ее увидели.

Когда Гальперин убедился, что статья его напечатана не будет, он достал где-то большую (200-граммовую) бутылку морфия. Незадолго до самоубийства ее у него видели: она была почти полна; он выпил ее почти всю. Около 18 часов продолжалась агония. Говорят, что морфий имеет такое странное свойство: небольшая доза убивает быстро, большая вызывает продолжительные мучения. На беду, в то время местный врач вышел в отставку, новый еще не был назначен или еще не прибыл, и в Шенкурске врача не было вовсе; ближайший врач был в Вельске Вологодской губернии, за 140 верст. Был только вечно пьяный фельдшер. Впрочем, бесспорно, что спасти Гальперина не было никакой возможности. Может быть, облегчить страдания. Это случилось в конце 1888 г.

Другое самоубийство произошло через полтора года и было гораздо более сложным и не вполне понятным, – таким оно остается для меня и доныне. Это самоубийство Варпеховского.

Варпеховский, первый социал-демократ, с которым я встретился в России, прибыл в конце 1888 г. из-за границы в Россию, на границе был арестован и в середине 1889 г. очутился в Шенкурске с приговором на 3 года, то есть сравнительно легким. Осенью 1889 г. в Цюрихе произошел взрыв бомб, выделявавшихся русскими и польскими эмигрантами, среди которых были Дембский и Дембо (кажется, так)³⁴⁸. Об этом появились заметки в газетах, очень взволновавшие Варпеховского: оба, Дембо и Дембский, были, по его словам, близкими друзьями. Месяца через два после этого Варпеховский был арестован и посажен в местную тюрьму: случай небывалый не только на нашей памяти, но и на памяти местных старожилов, в частности Пластинина, который это знал бы. Мы бросились к жандарму Сомову с просьбой об освобождении под залог. Сомов очень грубо нас встретил и не пожелал с нами разговаривать. Однако через несколько дней он на допросе сказал Варпеховскому, что может освободить его под залог

³⁴⁸ 22 февраля 1889 г. члены «Союзного террористического кружка» И. В. Дембо и А. И. Дембский, готовившие покушение на императора Александра III, при испытании ими в окрестностях Цюриха метательного разрывного снаряда были ранены, первый – смертельно.

в 500 рублей. Варпеховский дал нам знать об этом, и мы начали искать деньги, но в Шенкурске нашли только 200 рублей какой-то процентной бумагой, которую дал Пластинин; я уже говорил о том, как жена его попыталась отнять у нас эту бумагу, но не смогла добиться своего. Пришлось написать в Петербург, и недели через две я получил недостающую сумму. Я пошел к Сомову, но он – вопреки закону и здравому смыслу – денег от меня как ссыльного не принял. Тогда пошел Пластинин и добился освобождения Варпеховского.

Просидев всего что-то около месяца, Варпеховский вышел из тюрьмы какой-то особенно бодрый, веселый, общительный, разговорчивый. Но по временам это настроение сменялось тяжелой подавленностью, угрюмостью, нелюдимостью, что продолжалось недолго и опять уступало место нервной бодрости и веселости. В эти последние, более длительные моменты он охотно рассказывал, готовый повторять свои рассказы сколько угодно раз, как он ставил Сомова в тупик, в каком Сомов оказывался глупом положении, какие он, Варпеховский, смелые (и ненужные) вещи говорил Сомову. Его допрашивали о Дембском и Дембо, о других эмигрантах и заодно – о всех нас. Для нас было очевидно, что раз его так скоро и так дешево выпустили, то ясно, что ничего серьезного против него нет и что арестован он был скорее как свидетель (в политических делах это было вполне возможно и часто делалось), чем как обвиняемый. А между тем из рассказов Варпеховского следовало, что обнаружена очень серьезная его связь с очень серьезными эмигрантскими организациями, народолюбческими и социал-демократическими, и что ему грозит, вероятно, значительное ухудшение участи. В этом чувствовалось какое-то противоречие и звучала какая-то неправдивость. Вместе с тем все его рассказы звучали с некоторой неприятной хвастливостью – чертой, имевшейся в нем в слабой степени и раньше, но теперь ярче проявившейся³⁴⁹. Никто из нас не понимал его настроения.

Это – один факт, связанный с его самоубийством.

Другой факт, как и у Гальперина, романического характера. Он так же, как и Гриневский, и Овсинский, оказался в числе страстных поклонников Чеботаревой. Она предпочла Гриневского и осенью 1889 г. вышла за него замуж, но продолжала кокетничать с Варпеховским и держала его около себя на корде³⁵⁰. Это все видели, все знали и посмеивались. После его смерти мы забрали его бумаги и прочли: там оказался ряд его стихотворений – стихотворений очень слабых, чтобы не сказать сильнее, но говоривших о действительно глубоком чувстве к Чеботаревой, хотя и неуклюже выраженном. Свои политические стихотворения, тоже неуклюжие, он читал нам сам, но этих не показывал никому.

Через две недели после освобождения из тюрьмы он вдруг заболел. Мы позвали доктора, – это был Кашкадамов. Доктор был, сказал, что болезнь какая-то странная, что он ее не понимает, но что Варпеховский поправится. И действительно, Варпеховский начал оправляться, так что мы, несшие около него дежурство, уступили его настояниям и оставили на ночь одного. На следующее утро мы застали его в ужасающем положении: он стонал, метался на постели, не мог говорить. Пришел доктор и сразу сказал: отравление фосфорными спичками. И действительно, мы нашли за печкой кучу спичек с обструганными головками, а на столе стакан с остатками подозрительной жидкости. Дня два или три он мучился и умер.

В чем причина его смерти? Какой из двух рассказанных мною фактов находится в действительной связи с ним? Или, может быть, оба?

У меня и некоторых других товарищей по ссылке шевелилось одно очень тяжелое подозрение. Нам казалось, что рассказ его о допросах не совсем соответствовал действительности и что о чем-то важном и, может быть, нехорошем он умалчивал. Доказательств этого подозрения ни у кого не было, и высказывалось оно с тяжелым чувством, с глазу на глаз, со всевозможными оговорками, тем более что почти все мы любили Варпеховского.

³⁴⁹ В рукописи далее зачеркнуто: «в усиленной степени, а вместе с тем какой-то очень странной нервностью».

³⁵⁰ От *фр.* corde – веревка, лонжа, то есть на привязи.

Через несколько месяцев на имя кого-то из нас пришло письмо из-за границы с просьбой сообщить подробности о его смерти. Письмо оказалось от его жены, о самом существовании каковой мы не знали. Письмо было получено после моего отъезда из Шенкурска, и в составлении ответа на него я участия не принимал, но знаю, что ей подробно и объективно были сообщены подробности об аресте (без подозрений) и посланы все его бумаги, в том числе и любовные стихотворения.

Прошло ровно десять лет. Я встретился с Сомовым, встретился на новой почве и при новых условиях. Дело было в Киеве. Я был арестован, сидел в Лукьяновской тюрьме и был вызван на допрос в Старокиевский участок. Когда меня ввели в комнату допроса, навстречу мне поднялся жандармский офицер и, радостно протягивая обе руки, как старому другу, спросил:

– Не узнаете?

– Нет, не узнаю, – отвечал я, пожимая руку. Я никогда не считал своею обязанностью быть грубым или невежливым с жандармами или ведущими мое дело прокурорами и от рукопожатия никогда не отказывался.

– Неужели не узнаете? Неужели забыли Шенкурск?

– Господин Сомов?

– Я.

И раньше, чем приступить к допросу по настоящему делу, Сомов пустился в воспоминания о Шенкурске и сообщил кстати, что и Шафалович служит в Киевском жандармском управлении и я его тоже увижу. Я воспользовался этим характером беседы и спросил между прочим, не может ли Сомов объяснить самоубийство Варпеховского. На это я получил такой ответ:

– Варпеховский – полячок, трусоватый и дрянненький; он сильно связан был с заграничными и некоторыми находящимися в России революционерами, и ему грозило ухудшение участи, но он струсил, кое-что разболтал; его за это скоро отпустили, а потом ему, верно, стыдно стало.

Таким образом, худшие наши подозрения получали подтверждение. Конечно, подтверждение из очень-очень мутного источника, и мне стало противно, что я справлялся в нем. Если бы такого подозрения не было у меня и раньше, то я решительно не поверил бы Сомову, но оно было, и совсем не верить я не мог. Очень хотелось бы мне, чтобы дело Варпеховского было найдено в архиве и выяснено до конца.

Варпеховский умер в конце февраля 1890 г. По странному совпадению за несколько дней до его заболевания слегла и возможная виновница его смерти, Чеботарева-Гриневицкая. Слегла она вследствие очень редкой болезни: внематочной беременности, пролежала около 6 недель и в конце марта умерла.

Гриневицкий, срок ссылки которого окончился уже раньше, тотчас уехал из Шенкурска и потом был сотрудником и редактором различных провинциальных газет. В 1906–1907 гг. он был в Петербурге близким сотрудником «Нашей жизни», в редакции которой состоял и я. В это время он был социал-демократом – меньшевиком. С редакцией «Нашей жизни» он не вполне сошелся, оставил ее до гибели этой газеты и уехал куда-то в Западный край, где вновь работал в провинциальной печати. Дальнейшей судьбы его я не знаю.

Из упомянутых мною лиц Никонов был впоследствии известным адвокатом в Саратове и деятельным членом кадетской партии; умер в 1924 или 1925 г.³⁵¹

Бонковский был управляющим домом какого-то богатого домовладельца в Минске. В этом городе мне случалось бывать довольно часто, и я всегда останавливался у него. Он и его жена до конца оставались прежними – живыми, общительными людьми, охотно оказывающими всем дружеские услуги, с общим сочувствием к освободительному движению и без

³⁵¹ А. А. Никонов скончался 29 ноября 1924 г.

определенных симпатий к какой-либо партии. В последний раз я видел его в 1912 г., когда ему было сильно за 60 лет, и дальнейшей судьбы не знаю.

Машицкий остался упорным и твердым социал-демократом, при распадении партии оказался в рядах меньшевиков; во время войны был в рядах интернационалистов. Он сильно бедствовал, пробовал всякие профессии, перебивался с хлеба на квас, бывал не раз в тюрьмах. В 1900 г. я сидел вместе с ним (по разным делам) в Лукьяновской тюрьме (в Киеве) и там видался с ним. Во время войны он был в эмиграции, в Швейцарии. В 1917 г. вернулся и был у меня в Петербурге, но тотчас же уехал куда-то на юг. Дальнейшей судьбы его я не знаю.

Шейдакова, моя жена, умерла в 1917 г., после торжества большевиков³⁵².

Других я потерял из виду раньше.

В марте 1890 г. по хлопотам моей матери мне разрешили держать экзамены в государственной комиссии при Петербургском университете, для чего разрешили отпуск в Петербург на необходимый срок³⁵³. Так как экзамены начинались в первых числах апреля, то уехать из Шенкурска мне было позволено 20 марта 1890 г. В назначенный день я и уехал, ровно в 12 часов ночи. Этим закончилась моя первая ссылка или, лучше сказать, первая часть моей ссылки, ибо из Петербурга я вернулся в тот же Шенкурск для отбытия наказания по прежнему приговору.

Выгадывал каждый час для отъезда я потому, что весна уже явственно наступала. Весной в тех местах нередко случалось, что едва едущий переберется через какую-нибудь речонку на пароме, как застанет ледоход на следующей реке; едва переждешь ледоход на ней и подъедешь к третьей, как с нею повторится та же история. Это не редко случалось в те времена с людьми, едущими с юга на север (или осенью в обратном направлении), но я ехал на юг, и, следовательно, эта опасность мне не грозила, но опасность застрять где-нибудь в одном месте, на Волге у Ярославля или, может быть, на Сухоне у Вологды, была налицо. Поэтому надо было очень торопиться. Поезд из Вологды отходил один раз в день, в 8 часов утра; надо было торопиться к нему.

До Вологды было, кажется, 407 верст, и обычно в зимнее время можно было доехать в 48 часов, а если щедро давать на чай, то и скорее. Но дороги были уже сильно испорчены, и нужно было иметь в запасе хотя бы часов 12. Я эти мотивы изложил исправнику и просил его отпустить меня за 6 часов до срока, указывая ему, что по закону в пределах уезда отлучки раз-

³⁵² См.: «28 ноября скончалась во французской больнице Вера Петровна Водовозова, хорошо известная в кругах передовой русской интеллигенции издательница портретов писателей, композиторов и революционных деятелей. Покойная – уроженка г. Саратова, жена писателя В. В. Водовозова, – в свое время отбывала административную ссылку на Севере России, куда была доставлена по этапу при самых тяжелых условиях, затем, по возвращении из ссылки, неоднократно подвергалась обыскам и арестам, расстроившим окончательно ее слабое здоровье. Из своих скромных издательских заработков В. П. Водовозова делала щедрые отчисления в пользу ссыльных и отбывших наказание революционеров» (Вера Петровна Водовозова // Неумолчное слово. 1917. № 2. 30 нояб.). См. также: Похороны В. П. Водовозовой // Народное слово. 1917. № 2. 2 (15) дек.

³⁵³ 13 января 1890 г. архангельский губернатор Н. Д. Голицын уведомил Департамент полиции, что, поскольку «ссыльный Василий Водовозов ведет себя <...> вполне безукоризненно и политической неблагонадежности ничем не обнаруживает», то он находит «заслуживающим уважения» ходатайство его матери, вдовы коллежского советника Е. Н. Водовозовой о дозволении сыну приехать в Петербург для сдачи экзаменов на ученую степень при столичном университете. Начальник Архангельского губернского жандармского управления полковник К. А. Латухин также докладывал 18 января, что состоящий под гласным надзором Водовозов «ведет себя скромно», «между ссыльными пользуется авторитетом, почему ссыльные, прибывающие в г. Шенкурск, долгом считают прежде всего посетить его; квартирует он вместе с Верой Петровной Шейдаковой, с которой находится в самых близких отношениях...». И далее: «Вскоре после приезда в г. Шенкурск Водовозов просил разрешения чрез администрацию держать экзамен в Ярославском юридическом лицее, но ходатайство его тогда не было уважено. Не имея определенных занятий, Водовозов проводит время в чтении книг, выписываемой газеты “Русские ведомости” и изучает юридические науки; по сведениям, он будто бы доставляет корреспонденции в газеты “Сын Отечества” и “Неделю”, но установить это обстоятельство не представилось еще возможным; знакомство ведет со всеми политическими, частью с уголовно-ссыльными и с некоторыми сочувствующими ему жителями, кои хотя и не скомпрометировали еще себя, тем не менее за ними мною поручено штаб-ротмистру Сомову иметь секретное наблюдение». 10 марта последовало распоряжение директора Департамента полиции П. Н. Дурново: «Поднадзорному Водовозову разрешается 20 марта выехать из Шенкурска в Петербург» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 51–52, 56).

решает он, а до полуночи я никоим образом за пределы уезда не попаду. Аргументы произвели на него впечатление, тем более что самое разрешение ссыльному сдавать экзамены в государственный срок³⁵⁴ и ехать на неопределенный срок в Петербург (Петербург!) производило на него впечатление, как доказательство того, что у меня где-то есть сильная рука. И он разрешил.

Но в 5 часов вечера ко мне явился полицейский и сообщил, что исправник переменял свое решение и запрещает выезжать раньше полуночи. Неприятно, но что уж делать; нельзя же, еду на экзамены, рисковать быть арестованным на дороге по обвинению, кто знает, может быть, в побеге. Пришлось подчиниться, о чем заявляю полицейскому. Полицейский рассаживается и не обнаруживает намерения уходить.

– Что же вы?

– Мне предписано наблюдать, чтобы вы не уехали раньше.

Пришлось послать на почтовую станцию заказ на лошадей к 12 часам и терпеть присутствие полицейского при провах и прощании с товарищами, даже поить его чаем.

Ровно в 12 часов я уехал и благополучно поспел в Вологду к самому отходу поезда, хотя Сухона имела очень грозный вид, у самых берегов имела большие полыньи, и ямщики везли очень неохотно.

На левый берег Волги против Ярославля поезд приходил часов в 9 вечера, уже в темноте. Все почти пассажиры нашего поезда все время обсуждали вопрос, удастся ли сегодня же перебраться через Волгу или нет. Оказалось, на Волге уже ледоход. Большинство пассажиров осталось переночевать в виду Ярославля, но человек 7 или 8, и я в том числе, нашли лодку и лодочников, которые за несколько рублей согласились нас переправить. Переправа произошла благополучно, но – бесплодно: к вечернему поезду мы опоздали и пришлось ночевать в Ярославле. Из Ярославля был и утренний поезд, и с ним мы уехали, встретившись в нем с нашими вчерашними спутниками.

Радостно встреченный в Петербурге в семье и старыми друзьями, я приступил к экзаменам. Экзаменовалось более 400 человек, по 40 в день; каждый экзамен требовал дней десять, и председатель комиссии (Капустин) работал непрерывно, но для экзаменуемых перерывы между экзаменами по разным предметам были очень велики. В апреле и мае сданы были 5 или 6 предметов; потом комиссия сделала летний перерыв³⁵⁵, и остальные экзамены, штук 12, были назначены на осень, когда они пошли несколько быстрее и все же закончились только 20 ноября, после чего мне было разрешено остаться в Петербурге до Нового года.

Я приехал в Петербург вскоре после того, как в журнале «Северный вестник» произошел кризис: собственница журнала А. М. Евреинова решительно разошлась с фактическим редактором Н. К. Михайловским и журнал передала в руки Б. Б. Глинского, А. Л. Волынского (Флексера), М. А. Лозинского и Любови Як[овлевны] Гуревич. Первые двое были моими товарищами по университету, а первый даже косвенно прикосновенен к моему делу и по моей оплошности отсидел в связи с ним 10 дней тюрьмы; третий был товарищ Зарудного по Училищу правоведения и тоже мой близкий знакомый; четвертую я встречал в кружке Давыдовых, с которыми, кстати, в этот мой приезд у меня произошло полное примирение.

Михайловский был близким знакомым нашей семьи, и я его, как постоянного нашего посетителя, помню с раннего моего детства. Всегда я глубоко уважал его как крупного писателя и хотя тогда не считал себя сторонником того народничества, главным представителем которого в литературе был именно он, но я понимал, что с его уходом и отсутствием в то время журнала, в котором он мог бы обосноваться, целое широкое общественное течение теряло свой орган и оказывалось не представленным в литературе и что это – большое обществен-

³⁵⁴ Так в рукописи.

³⁵⁵ Посетив директора Департамента полиции П. Н. Дурново 12 мая 1890 г., мать В. В. Водовозова добилась разрешения, что ее сын проведет летнее время на их даче на станции Сиверской Варшавской железной дороги (см.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 59, 62).

ное несчастье. Что же касается новой редакции, то хотя у Волынского и было что-то свое и новое, но никакого общественного течения редакция не представляла и даже не была чем-то цельным, единым, определенным: Волынский и вместе с ним Любовь Гуревич являлись носителями философского идеализма, соединенного с очень умеренным политическим либерализмом; Лозинский был позитивист и (тогда) радикал; Глинский – просто путаная голова.

В первые же дни я посетил Глинского и высказал ему это, причем он довольно раздраженно и обидчиво возражал мне. Но в нашем товарищеском кружке смотрели на это дело несколько иначе и симпатизировали предприятию Глинского. Под влиянием этого кружка я не только не отказался – как, собственно говоря, следовало – от всякого участия в этом предприятии, но и, когда летом у меня между экзаменами оказался длительный перерыв, написал для него несколько рецензий и большую работу о 4-м международном пенитенциарном конгрессе, который как раз в это лето заседал в Петербурге и который я усиленно посещал³⁵⁶. Это была моя первая большая печатная работа (несколько мелких статей для «Недели» и «Русской старины» я написал из Шенкурска, а ранее, до ареста, вел в «Неделе» иностранное обозрение).

1 января 1891 г. я должен был выехать из Петербурга опять в Шенкурск. По дороге в Москве я посетил С. А. Муромцева, с которым познакомился в истекшую зиму (он, бывая в Петербурге, посещал В. И. Семевского); получил от него предложение сотрудничать в «Юридическом вестнике», причем он дал даже мне книгу Ренненкампа о политических воззрениях Бисмарка, которую предложил прорецензировать³⁵⁷.

В Шенкурске я застал нашу колонию сильно поредевшей³⁵⁸. Не было Чеботаревой, вносившей в нее неистощимый запас веселья, не было умного и интересного Варпеховского, не было тоже умного, хотя и скучноватого Гриневицкого, не было многих других; к счастью, не было также Корецких. В общем, состав колонии был более тусклый, более серый; разложение сделало большие шаги вперед; если не было таких острых ссор, как при Корецких, то все же Пумпянская и еще две-три дамы создавали постоянные трения и вызывали недоразумения. Я лично и моя жена поддерживали формально хорошие отношения со всеми, но сколько-нибудь близких отношений не было ни с кем.

Я в это время начал систематическую литературную работу; написал несколько рецензий и мелких заметок для «Юридического вестника», «Северного вестника», несколько заметок для «Недели» и начал большую статью для «Юридического вестника» о «дореформенной юстиции». Окончить ее в Шенкурске было невозможно, так как там нельзя было достать Полного собрания законов³⁵⁹. Сделал это я уже в Самаре.

Перевод в Самару для окончания моей ссылки выхлопотала моя мать³⁶⁰, и ранней осенью 1891 г. я туда уехал; жена моя окончила срок ссылки несколькими месяцами раньше, раньше

³⁵⁶ Международный «тюремный» конгресс проходил 15–24 июня 1890 г., см.: *Водовозов В. IV пенитенциарный конгресс в С.-Петербурге // Северный вестник. 1890. № 10. Отд. 2. С. 1–28.*

³⁵⁷ См.: *Водовозов В. [Рец. на кн.:] Ренненкампф В. Конституционные начала и политические воззрения кн. Бисмарка. Киев, 1890 // Юридический вестник. 1891. Кн. 2. С. 250–259.*

³⁵⁸ Вернувшись в Шенкурск 12 января 1891 г., В. В. Водовозов, как докладывал архангельский губернатор, 15 февраля «вступил в брак с бывшей же политической ссыльной Верой Шейдаковой» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 72–73).

³⁵⁹ «Полное собрание законов Российской империи» вышло в 1830 г. в 45 томах; второе собрание (в 55 томах) выходило ежегодно в 1830–1884 гг.

³⁶⁰ 7 июня 1891 г. В. В. Водовозов обратился с прошением к директору Департамента полиции: «Суровый и непостоянный климат Архангельской губернии довольно сильно расстроил мое и без того слабое здоровье; у меня слабая грудь и постоянные лихорадки. Кроме того, сдав в 1890 г. экзамен на степень кандидата прав, я хотел бы продолжать мои научные занятия и готовиться к экзаменам на степень магистра; но это оказывается невозможным в Шенкурске, не имеющем ни библиотеки, ни даже книжного магазина. Не осмеливаясь просить Ваше Превосходительство о переводе в какой-нибудь из южных университетских городов, например Киев, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне окончить срок ссылки в г. Саратове или же в г. Твери, который в климатическом отношении уступает южным городам, но зато в санитарном отношении и относительно медицинской помощи стоит довольно высоко. Если же это окажется почему-либо невозможным, то я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство назначить мне один из следующих городов: Самару, Рязань,

меня уехала на родину, в Саратов, и встретила меня уже в Самаре. Всего моя настоящая ссылка продолжалась: первый ее период – два года с несколькими днями, второй – 8 месяцев. Петербургский девятимесячный период был «отпуском», и потому в срок ссылки он тоже засчитывался.

Полтаву, Курск или Воронеж». Департамент полиции признал возможным «испросить Всемилостивейшего Государя Императора соизволение на разрешение Василию Водовозову отбывать остающийся срок надзора в г. Самаре», на что 25 июля было получено высочайшее согласие (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 д-во. 1893. Д. 140. Л. 74–76).

Глава V. Самара (сентябрь 1891 г. – октябрь 1892 г.). Голод. – Ленин

В Самаре до моего приезда туда у меня были знакомые – семья Ульяновых и известный земский статистик Ив[ан] Марк[ович] Красноперов. Обе семьи встретили меня очень дружелюбно и помогали устроиться. Первые дни, пока не устроились, мы с женой провели в семье Красноперовых, потом нашли веселую квартирку в три небольших комнатки с кухней в небольшом деревянном доме на окраине города за 8 рублей в месяц (без мебели). Цены в Самаре были, конечно, не такие, как в Шенкурске, но все же невысокие; часть мебели нам дали Ульяновы, часть мы прикупили и зажили своим домом.

Формально я отбывал в Самаре конец моей ссылки и жил под гласным надзором полиции. Но если в Шенкурске надзор был не надоедлив и не тягостен, то здесь, в большом городе, его в то время просто не было; в позднейшие периоды моей жизни, в Киеве, Петербурге и в других местах, когда срок моего надзора формально давно окончился, я гораздо явственнее чувствовал за собой хотя и негласный, но неприятный надзор. Прибыв сюда без паспорта, с проходным листом³⁶¹, то есть своего рода волчьим паспортом, я должен был снести его в полицию, где у меня его отобрали, не дав взамен вовсе никакого документа; так без всякого документа я и жил.

При выезде на лето за город на дачу и потом при обратном возвращении в город я должен был являться в полицию и просить на этот переезд разрешение, которое и получал без всякого труда; должен был при получении денежных повесток ходить в полицию для засвидетельствования личности, но в то время это должны были делать все (выдача денег на почте просто при предъявлении паспорта была введена значительно позднее), – и больше ни по каким поводам с полицией я дела не имел.

У меня бывало много народа, преимущественно из молодежи, и притом почти сплошь неблагонадежного; иногда по несколько дней, а то и месяцев гостили разные лица³⁶². Среди них была моя мать, приезжавшая ко мне на неделю; был В. И. Семевский, возвращавшийся из своей сибирской поездки для работы над книгой, заказанной ему Сибиряковым, и остановившийся в Самаре на три дня; был Н. К. Михайловский, летом 1892 г. ездивший по Волге и проводивший у меня на даче дня два или три³⁶³; был А. Г. Мягков, племянник Михайловского, ехавший в Самарскую губернию, чтобы открыть там столовую для голодающих крестьян; была сестра моей жены, Любовь Шейдакова, сама перед тем отбывшая долгую тюремную повинность и теперь прогостившая у нас несколько месяцев; гостила Пумпянская. Так как в Самаре вообще не была введена прописка паспортов, то я не считал нужным предъявлять их документы в полицию, и, несмотря на мою поднадзорность, никаких неприятностей ни им, ни мне за это не было. Сам я раза три уезжал из Самары на несколько дней, не заявляя об этом полиции, и она, вероятно, об этом просто не знала; один раз я ездил в Саратов, чтобы переговорить там с Марком Натансоном и другими о предполагавшемся издании нелегального журнала «Народное право»³⁶⁴; один раз в компании нескольких знакомых ездил на парусной лодке по

³⁶¹ Имеется в виду проходное свидетельство – особое удостоверение личности, которое выдавалось ссыльным на время переезда их в другой населенный пункт и которое по прибытии поднадзорного в место следования требовалось предъявить местной полиции.

³⁶² В рукописи далее зачеркнуто: «и так как в Самаре вообще не была введена прописка паспортов, то и они жили у меня без предъявления документов, и никаких неприятностей от этого не было».

³⁶³ Н. К. Михайловский гостил на даче у В. В. Водовозова 10–17 июня 1892 г. (см.: Самарская губерния день за днем... (1891–1895 годы): хроника событий. Самара, 2004. С. 63).

³⁶⁴ Нелегальный орган Социально-революционной партии «Народное право», редактором которого согласился стать Н. К. Михайловский, так и не увидел свет ввиду последовавших весной – летом 1894 г. арестов М. А. Натансона и других лидеров

Волге и Самарке. Мы провели в лодке три дня, ночуя в ней же в затопленных разливом лесах, привязывая ее к дереву; в лодке же ставили взятый с собой самовар, – и эта поездка осталась в моей памяти как одно из самых приятных воспоминаний.

Только один раз я почувствовал бесправность моего положения. Меня звали куда-то в деревню помогать в ведении столовой для голодающих. Без разрешения этого сделать было нельзя; я пошел за ним к губернатору и получил категорический, выраженный довольно грубо и не мотивированный отказ.

Я попал в Самару, когда там вполне определился сильнейший неурожай и предвиделся страшный голод. Об этом все знали, все говорили, но официально голод замалчивался или даже отрицался. Однако уже на осеннем губернском земском собрании был поставлен вопрос об ассигновании необходимых средств на обсеменение полей в будущем году и на прокормление населения до нового урожая, и в нем велась ожесточенная борьба между правительственной партией, отрицавшей голод, и земской, на нем настаивавшей. Я, как и многие другие, собирал материалы, писал и посылал статьи и корреспонденции³⁶⁵, большая часть которых или не появлялась вовсе, или появлялась в изуродованном по цензурным соображениям виде.

С ноября или декабря на улицах Самары начали появляться целые толпы мужиков, оборванных и изможденных, просивших работы и хлеба. В конце 1891 г. разговоры о борьбе с голодом привели к созданию в Самаре особого комитета для помощи голодающим. Это было полулегальное учреждение, то есть не было формально разрешено властями, но власти о нем знали, так как оно действовало совершенно открыто, и не только не чинили ему препятствий, но и вступали с ним в сношения. В комитет входила самая разнообразная публика, от чиновников, занимавших более или менее высокое положение на службе, до лиц явно неблагонадежных и даже поднадзорных; таким был, впрочем, кажется, я один. Из представителей мира официального я помню протоиерея Лаврского – очень колоритную фигуру, человека широко образованного, терпимого, родственными отношениями связанного с миром литературным и радикальным (его сестра была замужем за известным этнографом и политическим деятелем Потаниным) и поддерживавшего с ним связи; он бывал и у меня, и встречался у меня с Ульяновым. Помню там П. П. Крылова, тогда земского или городского врача, впоследствии бывшего кадетским членом I или II [Государственной] думы³⁶⁶. Из мира более или менее неблагонадежного в него входили доктор В. О. Португалов, некто Осипов (когда-то судившийся по процессу 193-х и отбывший какую-то кару³⁶⁷) и многие другие³⁶⁸.

«народоправцев», а также провала их смоленской типографии.

³⁶⁵ См., например: [Водовозов В.] Урезанный отчет. (Письмо из Самары) // Неделя. 1892. № 8. 23 февр.; Водовозов В. Николаевские земцы и голодные суммы // Русская жизнь. 1892. № 104. 20 апр.; В[одовозов] В. Самара (Виды на урожай) // Там же. № 201. 26 июля.

³⁶⁶ П. П. Крылов, в описываемое время уездный врач Самарского уезда, позднее стал депутатом 1-й Государственной думы.

³⁶⁷ На «процессе 193-х» В. А. Осипову было засчитано предварительное заключение, его выслали под гласный надзор полиции в Самару.

³⁶⁸ Ср.: «В Самаре еще с начала сентября был организован по инициативе преосвященного Владимира епархиальный благотворительный комитет. <...> В члены комитета были приглашены некоторые из священников, купцов и пишущий эти строки, как занимающийся статистическими исследованиями и потому “знакомый с нуждами крестьян”. <...> Средства комитета состояли из пожертвований частных лиц, Комитета Государя Наследника Цесаревича, Общества Красного Креста. Никаких других официальных или частных комитетов для помощи крестьянам не существовало» (Красноперов И. 1891 год. (Отрывки из воспоминаний) // Мир Божий. 1898. № 12. С. 43–58). В состав Епархиального в г. Самаре комитета для пособия пострадавшим от неурожая входили председатели губернской и уездной земских управ, городской голова и заведующий земским статистическим бюро И. М. Красноперов, а от духовного ведомства – ректор Самарской духовной семинарии архимандрит Серафим, кафедральный протоиерей Валериан Лаврский и еще четыре протоиерея (см.: Распоряжения епархиального начальства. По поводу неурожая хлеба. 18 сентября 1891 г. // Самарские епархиальные ведомости. 1891. № 19. 1 окт. С. 577). Но уже в декабре по предписанию Особого комитета для помощи нуждающимся в местностях, постигнутых неурожаем, произошло объединение епархиального комитета и попечительства Красного Креста в Самарский губернский благотворительный комитет (председатель: губернатор, вице-председатель: епископ Самарский и Ставропольский, члены: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, председатель губернской земской управы, кафедральный протоиерей) с исполнительным комитетом под председательством вице-губернатора и общими собраниями – с приглашением на них «всех лиц, участие кото-

В начале 1892 г. губернская власть устроила в Самаре общественные работы для голодающих беженцев (это последнее слово образовалось только во время Мировой войны, но соответствующее ему явление было), – не то рыли какой-то канал, не то осушали болото. Заведовал им какой-то Перцев. Работы шли плохо; денег они съели много, а ничего из них не вышло; в публике над ними смеялись, и о Перцеве ходила песенка:

Перцев, Перцев, где ты был?
На Самарке ямки рыл.
Вырыл ямку, вырыл две,
Закружилось в голове.

Но заработок они все же дали многим сотням, если не тысячам голодных крестьян, бежавших в Самару из своих деревень. Я собрал тогда материал об этих работах, послал корреспонденцию в «Юридический вестник». С. А. Муромцев эту корреспонденцию сильно пощипал, но в общипанном виде все же поместил в одной из книжек за 1892 г.³⁶⁹

В связи с этими работами наш комитет устроил общественную столовую для голодающих, работавших у Перцева. В ней отпускалась за 2 копейки миска щей, за столько же – фунт хлеба, и за столько же давали мы порцию чая: пол чайной ложечки чая, два куска сахара и неограниченное количество кипятка. Работали в этой столовой члены комитета и кое-кто из молодежи³⁷⁰; некоторые (немногие из них) пытались использовать свою работу для революционной пропаганды, хотя комитет этому и не сочувствовал и старался пресекать; впрочем, из нее ничего не выходило.

Через Самару в то время проезжали очень многие, ехавшие с какими-нибудь общественными деньгами открывать столовые в деревнях. Среди них были: Д. Д. Протопопов, тогда деятельный член Комитета грамотности³⁷¹, по тогдашнему настроению склонявшийся к социал-демократии, впоследствии член I Думы, кадет; его брат Всеволод Протопопов; А. Г. Мягков, о котором я сказал (ныне в эмиграции, в Праге); мелкий газетный работник Степан Миклашевский, принявший очень деятельное участие в нашем комитете (ничего общего не имеет с Миклашевским-Неведомским), и многие другие³⁷². Многие из них бывали у меня. Из разго-

рых будет признано полезным для дела» (см.: Журнал соединенного присутствия Самарского губернского попечительства Красного Креста и Епархиального комитета, 29 декабря 1891 года // Там же. 1892. № 2. 15 янв. С. 64).

³⁶⁹ См.: «Сначала было дано занятие приблизительно 400 рабочим, состоявшее в очистке улиц от излишнего снега, в выравнивании ухабов и прочее; но уже через несколько дней можно было приступить к работе более серьезной – к устройству бухты для зимней стоянки пароходов и к ломке камня (за городом) для той же бухты и для шоссирования некоторых дорог. Первая из этих работ предназначалась на 5000 человек пеших и на 2000 конных (во всей Самарской губернии) нуждаются в работе около 270 000 человек)» (Водовозов В. Общественные работы в Самаре (корреспонденция) // Юридический вестник. 1892. Т. 10. Кн. 3. С. 489–492).

³⁷⁰ Ср.: «В Самаре жило немало не видных интеллигентных молодых людей, служащих в земских и городских учреждениях, политических ссыльных, поднадзорных, и всем им была дана работа. Это был первый опыт, когда бесправной молодежи была дана возможность вступить на арену общественной деятельности, проявить свои силы и знания. <...> В первое время, по прибытии в Самару массы крестьян, надо было найти им жилище, продовольствие, распределить между ними работы и руководить ими на первых порах. Все крестьяне пришли в Самару в летней одежде, некоторые в одной рубахе, при наступлении зимы работа на открытом воздухе в летней одежде была немыслима, поэтому и с этой стороны надо было как-нибудь помочь горю. <...> На ежедневных вечерних собраниях молодежи, нередко затягивавшихся далеко за полночь, обсуждались вопросы о том: где найти для рабочих квартиры, как и чем их кормить, в каком размере платить рабочую плату за те или другие работы и т. д., – все это вопросы, предоставленные на разрешение молодежи» (Красноперов И. Указ. соч. С. 46–47).

³⁷¹ С.-Петербургский комитет грамотности, созданный Императорским Вольным экономическим обществом в 1861 г. для распространения начального народного образования, главным образом среди крестьян, был закрыт в 1895 г.

³⁷² См.: «Ранее всех в январе месяце в Самару приехала Надежда Константиновна Ушинская, дочь знаменитого педагога. Эта благородная девушка привезла с собой несколько тысяч рублей денег и готова была посвятить свою жизнь и деятельность на пользу голодающего населения. <...> Александр Геннадиевич Мягков, студент горного института, еще с осени жил в селе Куроедовке Ставропольского уезда, где он тоже открыл большую столовую. Он оставался здесь даже в момент появления в деревне холеры и цинги и сам ухаживал за больными. Там же жила и для той же цели М. И. Токмакова (впоследствии жена Н. В. Водовозова), всецело посвятившая себя уходу за больными. <...> Большинство молодежи жило в деревнях до момента

воров с ними, да и из всего вообще, что происходило, чувствовалось, что в столицах, откуда по большей части ехали эти люди, голод всколыхнул общественную совесть, что полоса безвременья, апатии, общественной мертвенности, столь характерная для 80-х годов, проходит или прошла, что не только в молодежи, но и во всем обществе зреет новое оппозиционное или даже революционное настроение и что именно это настроение толкает людей на работу в голодающие деревни.

Ехали ли люди с целью кормления голодающих или же с целью революционной пропаганды?

По моим наблюдениям, подавляющее большинство ехало с целью прежде всего кормления голодающих. Для них это было потребностью совести или обычного человеческого чувства сострадания, наконец – просто общественного чувства. О революционной пропаганде большинство из них не думало уже потому, что лишь у немногих была более или менее ясная революционная программа, народническая или социал-демократическая; про остальных можно было сказать то, что я сейчас сказал о Протопопове: склонялись к социал-демократизму или к народничеству. Конечно, никто почти не отказывался при случае в разговоре с мужиком сказать ему отдельную фразу о том, что правительство ничего не делает для помощи народу; что виновато малоземелье, а царь не хочет дать народу землю, потому что он сам помещик и стоит за помещиков; что тяжелы подати, а тяжелы они потому, что царю надо много денег, и тому подобное. Такие фразы говорились, но не они были целью и намерением едущих на голод.

Были, конечно, исключения – люди, которые видели в устройстве столовой легкий способ вступить в близкие отношения к крестьянству, чтобы вести среди него пропаганду, как это делали за двадцать лет перед тем люди, «ходившие в народ». Такие были и около нашего комитета, но это были исключения, и не частые. И я сам, когда просился в деревню для работы в столовой, преследовал исключительно задачу кормления, хотя, весьма вероятно, при случае мог бы в разговоре с мужиком высказать ему ту или иную радикальную мысль, сообщить ему тот или иной невыгодный правительству факт. Но не это было целью.

Но любопытно, что ехали толпами на дело кормления голодающих молодые люди обоего пола из радикальных кругов. Круги консервативные или очень умеренные просто как-то не чувствовали ни своего долга по отношению к гибнущему крестьянству, ни простого сострадания к нему. И если в составе нашего комитета имелись некоторые весьма благонамеренные лица, то не они обнаруживали горячность и энергию.

появления холеры (в конце июня), а некоторые жили и в холерное время, особенно женщины» (*Красноперов И.* Указ. соч. С. 54, 56, 57).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.